

А. ЗИМИН

(псевдоним)

СОЦИАЛИЗМ

И

НЕОСТАЛИНИЗМ

CHALIDZE PUBLICATIONS NEW YORK 1981

A. ZIMIN (pseudonym)

SOCIALISM AND NEO-STALEMISM

Copyright © 1981 by Chalidze Publications

Published by Chalidze Publications

505 Eighth Avenue,
New York, N.Y. 10018

Manufactured in USA

New York

1981

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вместо предисловия.....	5
1. О теме заметок.....	10
2. Сталинский принцип оплаты труда при социализме.....	18
3. Сталинская "формула социализма".....	32
4. О сталинской концепции классового социалистического общества.....	44
5. Сталинский "основной экономический закон социализма".....	75
6. Неосталинистская концепция "реального социализма".....	87
7. Неосталинистская теория социализма как самостоятельной общественно- экономической формации.....	107
8. Неосталинизм и вопрос о социализме в одной стране.....	120
9. Мировая социалистическая революция, СССР и сталинизм.....	144
10. Заключительные замечания.....	173
Примечания.....	177

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Конференция коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшаяся 29—30 июня 1976 года в Берлине, закрепила то отмежевание ряда западных компартий от политической системы и политических порядков СССР, которое исподволь складывалось в последнее десятилетие. Формула этого отмежевания может быть выражена в следующих словах: "Такой политический путь к социализму, такие политические методы строительства социализма и такой политический вариант построенного социалистического общества, какие осуществились в России, не подходят и просто неприменимы для наших стран с глубокими традициями демократии и свободы, и притом в условиях экономики, культуры и беспрепятственности внутри- и межгосударственных человеческих контактов последней трети XX века; нам нужен и наши народы примут только демократический вариант социалистического общества — общество свободного социализма".

Несомненно, это отмежевание от политической системы СССР и следующих за ним стран, получивших название "еврокоммунизма"¹, в известной мере помогает западным компартиям в их сегодняшней практической деятельности по завоеванию масс для демократического прихода к власти — и этим оно политически разумно. Но это — половинчатое отмежевание, и как коммунистическое отмежевание оно может быть оправдано только в качестве первого шага.

И пока оно не доведено до конца, оно остается внутренне противоречивым. Конечно, без полного осуществления демократии (причем не только не суженной, но расширенной по сравнению с той, что завоевана человечеством при капитализме) не может быть социализмом, но социализм не сводится к демократии, не исчерпывается сохранением и расширением демократии. Сегодняшний же еврокоммунизм противопоставляет себя советскому строю только в вопросе о свободе и правах человека и, таким образом, сводит порочность этого строя к его *недемократичности*, не ставя при этом под сомнение его *социалистичность*, т. е. социалистический характер его экономических и социальных (классовых) отношений. Тем самым, отмежевываясь от политических порядков советского общества, еврокоммунизм в то же время обходит основной — исходный и решающий — вопрос антикагшталистической революции. Отделяя понятие социализма от понятий демократии и свободы и фактически (не только практически, но, похоже, и теоретически) допуская возможность недемократического, несвободного социализма, это половинчатое отмежевание сохраняет в силе признание неосталинистского общественного устройства в СССР и сталинского пути к нему социалистическим устройством и социалистическим путем. Обоснование для такого признания закономерности и резонности того, что он называет советским "вариантом социализма", еврокоммунизм, как мы видели, ищет в исторических условиях социалистической революции

в России. А в результате, прикрывая уход СССР от подлинного социализма, предвиденного и указанного Октябрем и начатого строительством в ленинские годы, эта половинчатость затемняет и запутывает кардинальную проблему современного человечества и — в более отдаленной перспективе непосредственной борьбы за коммунизм в западных странах - неизбежно должна будет через какое-то время стать тормозом и источником дезориентации, а там и теоретических и стратегических ошибок.

Разумеется, рано или поздно западным коммунистам — прежде всего для своих же собственных дел — потребуется полная ясность и законченность в оценке не только классического сталинизма, ныне уже достаточно одиозного, но и его внешне реформированной и зашифрованной неосталинистской разновидности — оценка обоих как противокommунистического течения современности. Тогда они перестанут страшиться последовательного и открытого противопоставления себя официальной Москве, все дальше отворачивающейся от дороги к социализму, и ее идеологии, давно уже не коммунистической. Они поймут, что именно и только так; а не дипломатически прячась от правды, можно сохранить верность и воздать дань высоко (и всегда!) ценимой ими Октябрьской социалистической революции, преданной сталинизмом. И что только сделав этот второй и главный шаг, а именно дополнив осуждение антидемократичности неосталинского общества осуждением его антисоциалистичности, они смогут подготовить себя

к тому, чтобы повести народы своих стран по пути построения социализма. А этим они смогут также помочь нам, советским коммунистам последних десятилетий XX века, в решении чудовищно трудной и поистине великой исторической задачи.

Ибо, что означает *для нас*, советских коммунистов последней четверти XX века, нынешнее половинчатое отмежевание западных коммунистов от советского строя? Не будучи доведено до конца, оно оставляет нам одним решать задачу, наложенную на нас историей, — задачу возврата СССР на путь движения к социализму как к первой фазе коммунизма. Осуществляемый после перерыва в столетия и отправляющийся не от отсталого полукапиталистического-полуфеодального общества царской империи начала XX века, а от высокоиндустриализированного, но аграрно разоренного общества советской сверхдержавы конца XX века, такой возврат не должен и не может быть повторением тех методов и тех этапов, которым началось движение к социализму в нашей стране. И конечно, прежде чем и для того чтобы заняться этим возвратом, надлежит вскрыть и показать лже-социализм, а во многом, и антисоциализм общества, построенного в СССР за годы сталинизма и неосталинизма.

В 1922 году Анатолий Франс, гуманист высокой культуры и широкого исторического взгляда, послал приветствие молодой Советской Республике. Это послание, в котором он "почтительно преклоняется перед ее громадным замыслом --

перед первой, после стольких столетий, попыткой принести миру власть, управляемую народом и для народа", он закончил такими словами об Октябрьской революции: "Она посеяла семена, которые, если тому будет благоприятствовать судьба, обильно взойдут по всей России и, может быть, оплодотворят когда-нибудь Европу". Увы, историческая судьба России не только посеяла эти семена, но и породила сталинизм, заглушивший и парализовавший их, а ныне, спустя полстолетия, все еще не дающий им вновь зажить и взойти. Преодоление же сталинизма и восстановление движения к социализму в огромной стране, полвека назад провозгласившей и героически и столь блестяще начавшей это движение, — *сохранение СССР для социализма*, — это отнюдь не национальная или религиозная, а всеземная, общечеловеческая задача: судьба социализма в СССР — проблема не одних лишь народов СССР, а мирового значения. До тех пор, пока решение этой задачи, повторяем, лежит на одних нас, коммунистах Советского Союза, пока мы в одиночестве, мы можем лишь наметить путь решения и приступить к решению, сделать первые шаги познания и действия на этом пути. Может быть, предлагаемые заметки сгодятся быть одним из самых предварительных таких шагов?

Москва, 1976-1977 гг.

1. О ТЕМЕ ЗАМЕТОК

Прежде всего о слове "социализм", которому в наше время придается необозримое множество самых разноречивых и разноориентированных значений. В предлагаемой статье слово "социализм" употребляется в том смысле, какой оно имеет у Маркса и Ленина, — в смысле первой фазы коммунистической общественной формации. По убеждению автора, принадлежащего к немногочисленным в нынешнем Советском Союзе коммунистам марксистско-ленинского толка, это было и остается *единственно научным* пониманием существа и исторического места социалистического общества: понятие социализма и понятие первой фазы коммунизма тождественны.

Что же касается темы статьи — сопоставления социализма с неосталинизмом, — то она, естественным образом, растет из того обстоятельства, что из всех современных антинаучных представлений о социализме неосталинистское представление, далекое и все удаляющееся от марксизма, выдает себя за теоретическое и практическое осуществление марксизма. Как известно, сами неосталинисты не желают называть себя этим именем, они даже отрицают правомерность слова неосталинизм (как, впрочем, и слова "сталинизм"). Но автор не знает другого слова, которое бы столь же точно и полно выражало суть официальной идеологии сегодняшнего советского общества — могло бы служить *терми-*

ном для обозначения этой идеологии. Сопоставление социализма с неосталинизмом неизбежно оказывается отмежеванием и отгорожением социализма от общества неосталинистского лже-социализма. И пока последний маскируется под научный социализм (а конца этому сегодня не предвидится), до тех пор такое сопоставление требуется, чтобы срывать с лица неосталинизма обманывающую маску. Отсюда актуальность — одновременно научная и политическая — темы предлагаемых заметок.

В самом деле:

В последней трети XX столетия после почти полувекового перерыва вновь и, стало быть, при новых обстоятельствах и в новых формах зреет движение мира к коммунизму. Если подойти к делу в большом плане истории, то становится ясным, что перерыв был вызван сталинским извращением и вырождением Октябрьской революции, — именно эта чудовищная компрометация и дискредитация борьбы за коммунизм, а вместе с тем идей и идеала коммунизма, открыла мировому капитализму возможность совершить еще один большой цикл роста и человеческого прогресса и предстать перед народами предпочтительной альтернативой. Как же обстоит дело в нашей стране, начавшей в 1917 году переход человечества от капитализма к коммунизму? В любой стране путь к коммунизму лежит через социализм, являющийся первой стадией коммунистической общественной формации. Ныне существующее советское общество, именуемое себя социалистическим, не есть социалистиче-

ское общество. Оно не только не развивается в направлении социалистического общества, но все дальше отходит от загадов, замыслов и начальных социалистических достижений Октября. В эпоху нового поворота человечества к коммунизму задача: коренным образом изменить содержание и направление движения советского общества — направить развитие также и СССР в сторону коммунизма, а говоря конкретнее, вновь, как то было до Сталина, взяться за строительство социализма как первой фазы коммунизма. Разумеется, такой поворот и переход к социализму от общественного строя СССР нашего времени сопряжены с теоретическим, политическим и идеологическим перевооружением коммунистов — с отказом от сталинистски извращенного понимания социализма и с восстановлением его, ныне утраченного, научно-марксистски-ленинского понимания.

Первым, весьма несовершенным, откликом КПСС на требование истории, а говоря вернее, предвестнике осознания этого требования был XX съезд. Рассмотрением и объяснением внутренней противоречивости хрущевского прогрессивного и, в целом, живительного восьмилетия, его непоследовательности и нерешительности, непродуманности и промахов, порывов и зигзагов, теоретической легковесности, политической недалёковидности и, слишком уж часто, практической беспомощности, — мы не можем здесь заниматься. Скажем лишь, что когда, в силу всего этого, начатая Хрущевым десталинизация советского общества оказалась подмененной

бессодержательной, и потому допускающей кривотолкования, формулой осуждения "культы личности Сталина", сама эта десталинизация должна была зайти в тупик и ей должен был прийти конец. Консолидация и победа десятилетиями воспитанных сталинских кадров, в своей массе и при Хрущеве остававшихся на руководящих постах, была неизбежна - и на смену хрущевской оттепели, естественным образом, пришел неосталинизм, т. е. сталинизм без некоторых из его наиболее одиозных, отталкивающих черт.² В 1967 году была официально подтверждена и громогласно прокламирована *преемственность* нынешнего "генерального курса" Советского Союза со сталинской генеральной линией.³ В 1971 году в отчетном докладе ЦК на XXIV съезде КПСС заявлено: "У нас, как известно, социализм одержал победу уже во второй половине 30-х годов (т. е. в результате сталинских злодеяний 37—39 годов. — А. З.). Наше хозяйство того периода и современная экономика основываются на одном и том же типе производственных отношений, на одних и тех же экономических законах - законах социализма"⁴. А в феврале 1976 года, готовя советский народ и мировую общественность к XXV съезду, "Правда" снова напоминает о "преемственности": "Коммунистам, всем советским людям свойственно целостное восприятие политики родной ленинской партии во все периоды ее деятельности, живое ощущение преемственности ее революционных, трудовых и боевых традиций. Тщетно недруги социализма пытаются **очернить**

отдельные эпизоды и периоды из истории КПСС, противопоставлять их друг другу. Курс нашей партии был, есть и всегда будет ленинским'.¹⁵

Естественно, перед теоретиками и пропагандистами КПСС встала (была поставлена!) задача: скрыть и замаскировать тот разрыв с марксистско-ленинским пониманием социализма как первой стадии коммунизма, который представляет собой советское общество, выдаваемое за социалистическое. А там, где сделать это невозможно, и факт разрыва вынуждены признавать, — придумать способы так подавать этот разрыв, чтобы он получался оправданным и, во всяком случае, лишенным принципиальности и решающей практической значимости. До поры до времени задача состояла в том, чтобы за полностью социалистические выдавать отношения переходные от капитализма к социализму, т. е. отношения *еще не социалистического* общества. Но по мере того как и в практике строительства советского общества и в теории его строительства сталинизм брал верх над марксизмом-ленинизмом и все дальше уводил общество от пути к социализму, задача усложнялась и становилась задачей выдавать за социализм общество *уже не социалистическое и уже не идущее к социализму*. В свое время, когда в обстановке гражданской войны наша страна делала первые шаги на пути к социализму, Ленин как-то сказал, что "представить себе развитое социалистическое общество — не трудно; эта задача решена" (февраль 1920 г. - ПСС, т. 40, стр. 104). Каковы же те приемы, при помощи которых это давно уже

нетрудное и для марксистов решенное представление о социализме неосталинизм пытается так перетолковать, так заменить его картиной общества, построенного в СССР в послеленинские полвека, чтобы общество это можно было изобразить осуществлением того марксистского представления или хотя бы не противоречащим его осуществлению?

Таких официально принятых в советской компартии приемов ныне существует пять. Первые четыре пущены в ход еще Сталиным: первый, второй и третий — в годы, когда шло формирование сталинизма, и как ведущие элементы процесса его формирования, четвертый — в последний год жизни Сталина как резюмирующий сталинское понимание социализма. Все эти четыре приема полностью воспринятые неосталинизмом, пятый же представляет собой его собственное изобретение. Хронологически первые три сталинских приема должны были дать такой принцип распределения предметов потребления, такую "формулу социализма" и такую концепцию социализма как общественно-го строя, которые, используя и перетолковывая терминологию, заимствованную у Маркса, позволили бы представить экономическое строительство СССР сначала как создание фундамента социализма, а потом и как построение самого социалистического общества. Хронологически четвертый, тоже самим Сталиным предложенный, прием состоит в том, чтобы формулировать некий "основной экономический закон

социализма", в котором отсутствуют определяющие черты социализма, как первой фазы коммунизма, но с которым могут быть словесно согласованы некоторые достижения, возможные в советском обществе, именуемые у нас социалистическими. Хронологически пятый прием, придуманный самими неосталинистами, состоит в том, что социализм, каким его представляли и желали Маркс, Ленин, Октябрьская революция, выдается за социализм идеальный, книжный и ему — явно или неявно — противопоставляется советское общество как "реальный социализм". Помимо этих пяти официальных признанных приемов, в последнее время наметился шестой прием, сегодня еще не апробированный идеологическим руководством: объявление социализма самостоятельной (по отношению к коммунизму) общественно-экономической формацией.

* * *

Предлагаемая статья построена так, чтобы эти шесть приемов, которыми сталинизм прикрывает свой уход от марксистско-ленинского понимания социализма и строительства социализма, рассматриваются в названной хронологической последовательности их возникновения — каждый прием в отдельном параграфе. После этого в специальном параграфе, эта последовательность показана как логически закономерный процесс, в основе которого лежит стали-

нистская ориентация на социализм в одной стране — теория и практика этой ориентации. Затем следует параграф, в котором отношение ленинизм-сталинизм рассматривается в контексте мировой социалистической революции. И заканчивается статья несколькими резюмирующими замечаниями.⁶

2. СТАЛИНСКИЙ ПРИНЦИП ОПЛАТЫ ТРУДА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

"Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства; распределение же последних выражает характер самого способа производства", — читаем мы в "Критике Готской программы" Маркса.⁷ Сталин (насколько нам известно) не употреблял понятия "распределение предметов потребления", и это позволяло ему, рассуждая о социализме, определять принципы оплаты труда вне связи с распределением условий производства и с характером способа производства, а говоря конкретнее, без внимания к тому, что составляет социалистическое существо труда и трудовых отношений, и без понимания этого существа. Рассмотрим же возникновение несоциалистического сталинского принципа оплаты труда при социализме.

Мы знаем и привыкли, что при капитализме более квалифицированный работник, выполняющий более сложный труд, получает более высокую заработную плату, чем менее квалифицированный работник, выполняющий более простой труд. На чем это экономически основано? При капитализме рабочая сила есть товар и, продавая его капиталисту, собственник этого товара, рабочий, в заработной плате выручает его стоимость. Как для всякого товара, стоимость товара рабочая сила представляет собой стоимость создания и сохранения этой рабочей силы (е

производства и воспроизводства), и эта стоимость тем выше, чем выше квалификация рабочей силы. Но при капитализме дело создания рабочей силы и поддержания ее в готовности к труду есть дело самого рабочего, как ее собственника и продавца. Поэтому и заработная плата, в условиях капитализма являющаяся формой стоимости рабочей силы, здесь должна быть тем выше, чем выше квалификация рабочего — по законам редукции сложного труда к простому.

Однако ничего этого нет при социализме. Здесь рабочая сила не является товаром. А раз так, то заработная плата, получаемая работником за применение своей рабочей силы, не находится ни в каком отношении с затратами, произведенными для создания квалификации этой рабочей силы, — затратами, которые при социализме не рабочий производит, а общество. По самому своему понятию зарплата при социализме не есть возмещение этих затрат. Так что при социализме оплата труда и квалификация труда это явления, совершающиеся в разных экономических плоскостях и друг с другом не связанные. На первой стадии коммунизма, в социалистическом обществе, работник *еще получает* плату за свой труд, но *уже не получает* плату за квалификацию своего труда.⁸

Возникающий отсюда социалистический принцип оплаты труда Маркс формулировал как равную плату за равное количество труда, причем количество это определяется его двумя естественными мерами - продолжительностью и интенсивностью. Что касается квалификации труда,

то социалистическая формула не учитывает ее. В обществе, строящем (или желающем строить) социализм, оплата работников по степени квалификации их труда есть переходный и временный компромисс, вынужденное до поры до времени отступление от социалистического равенства оплаты количественно-равного труда как следствие неподготовленности страны к осуществлению этого социалистического равенства - равенства, которое всегда должно оставаться сознаваемой, признаваемой и прокламируемой перспективой, ориентиром и критерием подлинного движения к социализму. Если в таком обществе заработная плата дифференцирована в зависимости от квалификации труда, то это означает, что оно еще не достигло социализма, а является (в лучшем случае!) переходным к социализму. И степень учета квалификации работника при определении его зарплаты может и должна служить одним из решающих показателей при определении меры отхода общества от капитализма и его приближения к социализму.

Систему оплаты труда по его количеству Маркс и Ленин считали основополагающей. В определении социализма как первой фазы коммунизма — наряду с бесклассовостью общества и общественной собственностью на средства производства: ведь ею определяется мера экономического неравенства в положении членов общества допускаемого социализмом (а тем самым определяются характер и границы социалистического равенства и социальной справедливости). И естественно, что в годы Ленина большевистская партия придерживалась изложенного понимания

социалистического принципа оплаты труда и неизбежных в переходное к социализму время отступлений от него - отступлений, наличие которых как раз и свидетельствует о переходном состоянии общества и характеризует это состояние как переходное. Ограничимся двумя-тремя ссылками на самого Ленина. В "Марксизме о государстве" (январь-февраль 1917 г.) он пишет: "Низшая (первая)" фаза коммунизма — "распределение предметов потребления пропорционально количеству труда, доставленному каждым обществом". И в "Государстве и революции" (август—сентябрь 1917 г.) читаем о социализме: "За равное количество труда равное количество продукта — этот социалистический принцип уже осуществлен" и "все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты!". (ПСС, т. 33, стр. 187 и стр. 94). Это — накануне Октября, а вот что Ленин говорил спустя четыре года после Октября (29 октября 1921 г.) в программном докладе о новой экономической политике на Московской губпартконференции: Уже весной 1918 года 'дам нужно было идти назад. Например, в марте и апреле 1918 г. стал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т. е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в соотношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества. Подобного рода исключительно высокое, по-буржуазному высокое, воз-

награждение специалистов не входило первоначально в план Советской власти и не соответствовало даже целому ряду декретов конца 1917 года.' (ПСС, т. 44, стр. 198-199).

Но после Ленина не сразу из партийных документов и из литературы компартии исчезает его толкование неравной оплаты равного количества труда как необходимой переходной меры на пути к социализму и не сразу, вместо этого, появляется толкование такой неравной оплаты как принципа самого социализма. Из официальных документов см., например, постановление августовского 1924 года пленума ЦК партии "О политике заработной платы" *⁹; постановление НКТ СССР весной 1925 г. об оплате ответственных¹¹, решение XV партконференции осесн 1926 г.¹². В 1928 году, в канун первой пятилетки, теоретический и политический журнал ЦК партии "Большевик" помещает статью, в которой много раз повторяется, как принцип социализма, формула "за равное количество труда равно* количество продуктов" без упоминания квалификации труда.¹³ И даже в 1930 году, т. е. во время пятилетки, в том же "Большевике" в числе главных форм социалистического труда называется коллектив, в котором зарплата делится поровну за фактически отработанное время или, по меньшей мере делится поровну приработок сверх тарифной ставки¹⁴. А весьма почтаемый экономист, директор Института экономических исследований при Госплане СССР Струмилин рисует "коллективизацию зарплаты" т. е. "обобщественные формы оплаты труда"

их уравнительной тенденцией", как реальную перспективу¹⁵ И когда весной 1931 года (а в это время уже в полной мере определились и экономическая сущность, и политические методы, и идейный стиль пятилетки) Институт экономики Комкадемии проводит научную сессию по теме "Вступление в период социализма и завершение построения фундамента социалистической экономики",¹⁶ докладчик (Борилин) все еще приводит только марксистскую формулу о равной оплате равных количеств труда и никто из выступающих не добавляет в нее слово "квалификация" труда.

Перелом произошел после того как по вопросу о зарплате летом 1931 года выступил Сталин-Он сказал: "Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что ввиду этого "зарплата" даже при социализме должна выдаваться по труду,

а не по потребности". И, следовательно, "надо организовать такую систему тарифов, которая учитывала бы разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким".

Из сказанного выше об оплате труда при социализме и в период перехода к социализму следует, что в этих двух фразах Сталина по меньшей мере четыре фундаментальные ошибки, приправленные и прикрытые передержками в ссылках на Маркса и Ленина.

Во-первых, при социализме, т. е. в первой фазе коммунизма, существуют (как при капитализме) различия квалификации труда, но нет (в противоположность капитализму) различий его оплаты в зависимости от квалификации.

Во-вторых, ошибочно подходить одинаково к различиям в квалификации труда и к различиям в тяжести труда и соединять эти два вида различий в одно. При социализме первые различия не учитываются в оплате труда, вторые же учитываются (как различия в интенсивности труда).

В-третьих, при социализме оплата работника совершается по труду (а не по потребности) не потому, что здесь еще сохраняются различия в квалификации труда, а потому, что социализм это та стадия коммунистической общественной формации, когда производительные силы общества *еще не* достаточно развиты, чтобы обеспечить всех его членов по потребности, *но уже* достаточно развиты, чтобы общество могло взять на себя все издержки по созданию всех нужных квалификаций труда, а тем самым поставить распределение потребительских благ между работниками в зависимость от количества затраченного ими труда без внимания к той или иной квалификации.

В-четвертых, то, что тарифная сетка должна в 1931 году строиться с учетом различий и квалификации труда (мысль абсолютно правильная!) вытекает не из того, что таково требование социализма, а из того, что общество еще не является социалистическим, что оно не берет на себя полностью все издержки по созданию различных трудовых квалификаций, оно вынуж-

дено в оплату труда включать собственные расходы работника на приобретение и сохранение своей квалификации.

Эти четыре ошибочных положения, преподнесенные Сталиным в середине 1931 года под маркой марксистско-ленинских, составляют¹⁸ стержень того отхода от научного понимания социализма как первой фазы коммунизма, который привел к лжесоциалистическому общественному строю СССР. Но здесь они еще не собраны и не увязаны в единую формулу. Кажется, впервые такая формула появилась через полгода в статье одного из оруженосцев Сталина — Н. Вознесенского. В этой статье¹⁹, написанной на редкость в претенциозном тоне и тут же резонно воспринятой как директива из самой высокой инстанции, читаем: "Особенностью социалистической организации труда является *распределение продуктов по количеству и качеству труда, затраченного социалистическим работником*" (выделено Вознесенским). А в резюмирующем конце статьи качество труда даже ставится впереди количества: "На период социализма... распределение продуктов по качеству и количеству труда"²⁰. Была ли эта формула прямо подсказана Сталиным или способный выученик и помощник угадал, что требуется учителю-хозяину, и сделал за него то, что тот — до поры до времени — не считал удобным делать от своего собственного имени, но формуле Вознесенского суждено было тут же и навсегда войти в политический и теоретический арсенал сталинизма. Уже в 1933 году Институт экономики Комкадемии

выпускает учебное пособие по вопросам труд¹ в котором написано: "Октябрьская революция провозгласила принцип социалистической оплаты - оплаты по количеству и качеству труда а за этой неправдой следует уже просто бесстыдная ложь: "Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали (нигде, никогда, ни разу не сказали! - А. З.), что на низшей фазе коммунизма... оплата будет происходить в зависимости от количества и качества труда"²¹ И вот, в 1936 году, в канун двадцатилетия социалистической революции, прошедшей под знаменем и с загадками Маркса и Ленина, антимарксистская и антиленинская формула об оплате труда при социализме была включена в Конституцию СССР и стала, таким образом, не только идеологической, но и государственной догмой сталинского общества "полного социализма". Неосталинизм же целиком и без оговорок придерживается этой догмы.

Почему же формула оплаты работника по количеству и качеству его труда образует одну из основ сталинского "социализма" и почему в ней резюмируется противоположность сталинского и научного понимания социализма? Дело не только в том, что слово "качество" не тождественно слову "квалификация", и что, следовательно, это позволяет терминологически отмежевать принцип "по количеству и качеству" от капиталистического принципа "по количеству и квалификации". И не в том также дело, что под понятие качества подходит не только квалификация, но и тяжесть труда, и этим как бы снимается капиталистическая грань между квалифика-

цией и другими качествами (в данном случае - интенсивностью) труда. То и другое, несомненно, играет здесь известную роль, но не это делает формулу оплаты труда по его количеству и качеству органической и прирожденной догмой сталинизма. Суть же в том, что слово "качество" открывает практически безграничные возможности для дифференциации и иерархизации заработной платы и для теоретического и, во всяком случае, идеологического оправдания этой дифференциации и иерархизации. В самом деле, "качество" труда можно вполне благовидно понимать не только как квалификацию и тяжесть труда, но и как его полезность, т. е. как степень его экономической и шире — его общественной значимости.

Прежде всего это позволяет толковать формулу оплаты труда как формулу оплаты продукта (и вообще — результата) труда²², и тем самым, вопреки Марксу и Ленину, возвести сдельную зарплату в ранг социалистической — и даже основной социалистической — формы оплаты труда.²³ Маркс считал, что "поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства."²⁴ Вместе с Марксом это же считал и Ленин.²⁵ И когда Ленин через полгода после Октября призвал к ее применению в обстановке, когда стояла задача "восстановления разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил",¹²⁶ то как к чрезвычайной мере — и притом в условиях не социализма, а лишь начавшегося перехода к социализму.

Но вот в 1934 году, во втором издании упомянутого выше учебного пособия по вопросам труда мы, кажется, впервые читаем: "Основной формой оплаты труда в период социализма является прямая индивидуальная сдельщина, поскольку она обеспечивает оплату по количеству и качеству труда каждого отдельного рабочего..."²⁷.

Далее определение заработной платы работника на основе "полезности" и "общественной значимости" его труда позволяет обосновать и оправдать создание, воспитание и размножение административного аппарата (партийного, государственного, профсоюзного и т. д.), выделенного из народа и стоящего над народом, аппарата, на который опирается и без которой не могла бы существовать власть в обществе сталинского "полного социализма". Персонал этого аппарата организован иерархически, с тщательно разработанной градацией материальных преимуществ и общественных привилегий на каждой ступени бюрократической лестницы с "номенклатурным" закреплением работников на этой лестнице. Здесь при определении размеров оплаты фигурирует уже не только (а то и не столько) тариф и премии, но и специальные денежные и пайковые добавки, особое торговое снабжение — по ассортименту и по ценам, бытовые блага, медицинские и прочие привилегии, преимущества для членов семьи и т. д. и т. п., включая (не на последнем месте!) те самые пресловутые "расходы на представительство" против которых с такой прозорливостью, настой-

чивостью и неприязнью предостерегал Ленин. Вопрос о профессиональной квалификации аппаратного работника, не говоря уже о количестве его труда, как правило, отступает здесь на задний план. На передний же план выступают такие "качества" его труда, как "важность", "срочность", "доверительность", "ответственность", "незаменимость", "секретность" и т. д., а они меряются способностью работника осуществлять преподанные директивы.²⁸ Невольно задумываешься, а не в создании ли этого особого социального слоя, и в выделении из него "властвующей элиты", меркантильно и карьеристски заинтересованной в сталинском лжесоциализме, был главный, и весьма прагматический, прицел замены социалистической формулы об оплате работника по количеству труда формулой оплаты по количеству и качеству труда?²⁹

И наконец, формула оплаты по количеству и качеству труда это именно то, что требуется для автократических и бюрократических методов ведения народного хозяйства, на которых зиждется экономическая система и экономическая политика сталинского "социализма". Для произвола, бесконтрольности, конъюнктурности и лицемерия этих методов формула, растворяющая четкие нормы количества в преднамеренно неопределенных, условных и по заказу толкуемых критериях качества труда, — такая формула предоставляет широчайшие, практически ничем не ограниченные просторы для манипулирования Централизованными директивами по заработной плате, их доведением до мест и их выполнением

на местах. Под качество труда научаются и изловчаются подводить все, что угодно. Помимо действительной квалификации работника и названных выше вариантов "полезности" и "общественной значимости", тут и стаж, и чин, и диплом, и "заслуги", и просто "престижность", и "характеристика", и протекция, и дефицитность специальности или категории труда, и паспортный режим, и отдаленность местности, и "соображения" отдела кадров и многие другие, часто неожиданно всплывающие обстоятельства. Ведь будучи предметом монопольного государственного регулирования, оплата труда неизбежно оказывается при сталинском "социализме" в подчинении задачам и методам *распределения* рабочей силы, становится его инструментом и следует всем и всяческим перипетиям этого бюрократического — и анархического! — распределения³?

Резюмируя все изложенное о принципе так наз. оплаты по количеству и качеству труда, выдаваемом за социалистический, можно сказать, что он не только распространяет на социализм капиталистическое требование оплаты квалификации труда (поскольку квалификация входит одним из элементов в "качество" труда), но позволяет на деле отрывать плату за труд от самого труда, разорвать связь между трудом и его оплатой — связь, имеющую определяющее, исходное значение при социализме как первой фазе коммунизма. И здесь раскрывается подлинный смысл формулы: она приспособлена к тому (да и придумана для того), чтобы замаскировать общественный строй, в котором плата, получаемая

работником за труд, экономически не определяется выполняемым трудом — ни количеством, ни действительным качеством этого труда, — общественный строй, который, не будучи капиталистическим, вместе с тем не является ни социалистическим, ни переходным к социалистическому.

3. СТАЛИНСКАЯ "ФОРМУЛА СОЦИАЛИЗМА"

Мы рассмотрим принцип оплаты труда по его количеству и качеству, как он сложился и утвердился при Сталине, образуя одну из основ его лжесоциализма. Но связав свое новое, антимарксистское, понимание социализма с новым, *жтц* марксистским, принципом оплаты труда, Сталин не мог удовлетвориться этим. Предпринимая под наименованием социализма и первой фазы коммунизма, строительство такого общества которое и по своему социальному существу и по методам его строительства радикально отличалось от марксистско-ленинских представлений о социализме как первой фазы коммунизма, Сталин нуждался в новой *обобщественной формуле социализма*, которая, конечно, включала бы новую формулу оплаты труда, но лишь как составную часть более широкой, общей формулы. Первая пятилетка ("пятилетка в четыре года" 1929-1932 гг.) должна была - по замыслу Сталина — построить в СССР экономический фундамент социализма. И по мере ее выполнения, естественно, вставал вопрос: что же мы, собственно, строим? что из себя представляет этот фундамент социализма? Для ответа же на такой вопрос следовало прежде всего ответить на более общий и решающий вопрос: что такое социалистическое общество, для которого строится экономический фундамент? Исторического масштаба задача требовала конкретного и притом неотложного разъяснения — не только советским

людям, участникам ее осуществления, но и зарубежному миру, как дружественному, так и враждебному, со все нарастающим вниманием следившему за ходом "советского эксперимента". Требовалось оправдать и, так сказать, научно подтвердить и разъяснить принятую партией сталинскую теорию о возможности построения социализма в одной, отдельно существующей стране, давая такое определение социализма, под которое можно было бы подвести общество, создаваемое в СССР.³¹ И вот, в декабре 1931 года, через полгода после своего выступления об оплате труда при социализме и в то самое время, когда Вознесенский формулировал принцип распределения по количеству и качеству труда, Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом дал долго ожидавшееся разъяснение. Оно гласит: "От каждого по его способностям, каждому по его труду" — такова марксистская формула социализма, т. е. формула первой стадии коммунизма, первой стадии коммунистического общества"³² Формула Сталина, разумеется, тут же стала партийной догмой, а в 1936 году и государственным нормативом - она была включена в Конституцию СССР.³³

Напомним, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин формулы социализма не дали, так что "формула социализма", которую дал Сталин (назвав ее для отвода глаз марксистской) следует признать его изобретением.³⁴ И как обычно, в этом теоретическом откровении Сталина перемешаны претенциозность, прагматизм, невежество и фарисейство. Марксизм резюмировал многовековые

мечты, надежды, стремления человечества в формуле его идеального состояния - формуле коммунизма: "От каждого по его способностям, каждому по его потребностям". Что же касается социализма, то создатели марксизма видели в нем еще не завершенную и несовершенную форму коммунизма, его первую фазу, в которой двухчленная формула коммунизма ни в одном из своих членов еще не осуществлена, а человеческое общество только движется к ее осуществлению. Два члена формулы коммунизма -- "от каждого по его способностям" и "каждому по его потребностям" — внутренне, органически сопряжены и нераздельны: один без другого не может существовать, не имеет смысла и просто невыносим. Сказать, что один член формулы — "от каждого по его способностям" — уже осуществлен (при социализме, т. е. на низшей стадии коммунизма), а второму члену — "каждому по потребностям" — предстоит еще быть осуществленным в будущем (при коммунизме, на высшей его стадии), значит видеть в двух совместных и неразъемных сторонах или чертах коммунизма не связанные одна с другой характеристики хронологически последовательных состояний общества. А это уже не только невежество, это - логический абсурд.

В самом деле, что означает первая половина формулы коммунизма в контексте самой этой формулы? Она означает, что каждый вносит в общественный трудовой фонд столько (и такого) своего труда, сколько (и какой) волен и

готов внести без внешнего принуждения и уни-
тельного контроля со стороны властей (от кото-
рых он в этом и не зависит) и без внутреннего
насилия над собой, - вносит *не больше*, не сверх
своих способностей, ибо делает он это беспла-
тно - без и вне расчета на оплату его труда. Но
условие осуществления этой первой половины
формулы коммунизма - "от каждого по его
способностям" - совершенно то же, что условие
осуществления ее второй половины — "каждому
по его потребностям", а именно: изобилие пре-
дуктов, высокий уровень материальной и духов-
ной культуры, достигнутой коммунистическим
обществом, многосторонний расцвет личности в
нем (значит, и самораскрытие, раскрытие и по-
знание своих способностей), многосторонняя
общественная и личная свобода. Повторяем,
две половины формулы коммунизма органиче-
ски сопряжены и могут существовать только
слитно.

Обратимся теперь к сталинской "формуле
социализма". Она изготовлена так: целостная,
неразъемлемая научная формула коммунизма
разорвана пополам, первая ее половина использо-
вана слово в слово в качестве первой же поло-
вины формулы социализма, а вторая половина
формулы коммунизма отброшена и на ее место,
в качестве второй половины формулы социализ-
ма, поставлено выражение "каждому по его
ТРУДУ"- Получилось (как мы видели): "От
каждого по его способностям, каждому по его
труду".

Прежде всего, позаимствованный из формулы
коммунизма принцип "от каждого по его спо-

способностям", находящийся, как мы видели, во внутреннем согласии с распределением по потребностям (а не для оплаты затрат труда), просто лишается смысла, когда он сочетается с распределением по труду. Способности человека (или, беря это уже, в контексте нашей здесь проблемы, его способности к труду, его потенциальный труд) и реально затраченный человеком труд это, по природе дела, не одно и то же — это разные вещи, с разной градацией мер. Одно из двух: или социалистическое распределение представляет собой оплату способностей человека^{3*}, но тогда при чем принцип оплаты по труду? Или это распределение есть оплата человеку реально затраченного им труда, и тогда какое имеет значение, обладает ли данный человек способностью к данному труду или не обладает: ведь от этого мера оплаты *сделанного* труда не будет зависеть.

Но на деле все это не так просто -- за логической бессмыслицей фарисейски укрывается весьма практический, да и пропагандистский умысел. Принцип "от каждого по способностям", будучи перенесен из формулы коммунизма в контекст распределения по труду, приобретает противоположное содержание. Здесь, конечно же, имеется в виду, что способности применяются таким образом, чтобы получилось возможно больше труда, подлежащего оплате. В противоположность формуле коммунизма, трудиться по способностям здесь означает давать *не меньше*, чем позволяют способности. Практически же это здесь означает: подчиняясь эконо-

мическому, административному и моральному понуждению, трудящийся должен стараться всячески преодолевать границы своих способностей, работать сверх способностей. Прилагая термин, характеризующий коммунизм в его высшей стадии, к незрелым социалистическим и даже к еще несоциалистическим отношениям, и прикрываясь этим термином (а также тогда еще привычным наименованием социализма первой фазой коммунизма, а формулы социализма - марксистской), здесь сформирован прием, при помощи которого не только при Сталине, но в течение ряда десятилетий после него лжесоциалистический общественный строй СССР будет выдаваться за социализм — сначала "в основном", потом "полный", а там и "зрелый", "развитый" и т. д. (Что же касается коммунистического общества, то марксистскую формулу "от каждого по его способностям, каждому по его потребностям" Сталин читает так: "Равная обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право трудящихся получать за это по их потребностям!"³⁶ Внутреннюю потребность человеческой личности в самопроявлении и в творческой реализации своих способностей и органическое сочетание этой потребности с глубоким сознанием (и высоким признанием!) человеком своей общественной связанности - то, что образует свободу труда и свободу самой жизни в коммунистическом обществе, - Сталин толкует как "равную обязанность" всех трудиться по своим способностям (за выполнением которой должно будет, конечно, следить начальство - кому же иначе?)

и "равное право" получать "за это" (т. е. за выполнение обязанности!) по потребностям (а определение потребностей будет производить и соблюдение права будет обеспечивать опять-таки начальство!). Словом, после казарменного социализма Сталин видит в своих мечтах казарменный же коммунизм...

Ну а как обстоит дело со второй половиной сталинской формулы социализма — с выражением "каждому по его труду"? Марксизм открыл научную истину, что пока не созрели материальные и духовные условия для осуществления коммунистического распределения продукта общественного труда по потребностям, до тех пор единственно разумным принципом распределения после переходного периода от капиталистических общественных отношений к социализму является полная ликвидация возможности эксплуататорских доходов и распределение трудовых доходов по количеству затраченного труда. В сталинскую же формулу социализма это положение вставлено в выхолощенном виде: вместо "по количеству труда" (в чем, как мы видели, состоит суть дела), формула гласит — "по труду". Формула *скрывает*, что наука о социализме прямо говорит об оплате труда по количеству и только по его количеству, но в то же время она, эта формула, хитро *оставляет лазейку*, чтобы протащить пресловутое "качество труда" — позволить толковать выражение "по труду" в смысле "по количеству и качеству труда". Сталин, конечно, знал, что делает, в своих выступлениях еще долгое время фарисейски обхо-

дил вопрос "количества-качества" и уклончиво говорил оплата "по труду", а потом и еще неопределеннее: "по работе, произведенной для общества". См. и его "Беседу с немецким писателем Эмилем Людвигом" (1931), и "Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б)" (1934), и "Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев" (1935) и даже доклад "О проекте Конституции Союза ССР" на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов (1936), хотя в тексте Конституции, принятой по этому докладу, фигурирует формула оплаты труда по количеству и качеству (ст. 118 Конституции).

* * *

В предыдущем параграфе мы проследили, через какие этапы прошел в литературе советской компартии социалистический принцип оплаты работника по количеству его труда, пока он оказался подмененным сталинским принципом оплаты "по труду", т. е. говоря откровеннее и точнее, по "количеству и качеству труда", а сейчас мы видели, как при помощи новой "формулы социализма" Сталин сделал этот принцип одним из стержней понимания социализма и ввел его в теоретический катехизис коммунистической партии. Ну а какова позиция неосталинизма? Неосталинизм воспринял эту сталинскую догму без изменений и оговорок и текстуально ее повторяет. В докладе на совместном торжественном заседании ЦК КПСС и Верховных Советов СССР и РСФСР к столетию со дня рождения

Ленина 21 апреля 1970 г. в числе "основных черт уже построенного социализма" было названо: "осуществление принципа "от каждого по способностям, каждому по его труду."³⁷ На этом следует остановиться несколько подробнее.

Сверхобильна и разнокалиберна современная советская экономическая литература, но автор настоящей статьи не встречает в ней не то что критического рассмотрения сталинской догмы, но и самонаименованного усомнения в ее социалистичности. Оно и понятно, если принять во внимание хотя бы только два документа самой высокой авторитетности и непререкаемой обязательности: Программу КПСС 1961 года, содержащую формулу оплаты труда по количеству и качеству,³⁸ и "Основные законодательства Союза ССР и союзных республик о труде", утвержденные Верховным Советом СССР 15 июля 1970 г., в которых ст. 36 гласит: "В соответствии с Конституцией СССР труд рабочих и служащих оплачивается по его количеству и качеству"³⁹

Впрочем, в одном весьма существенном и принципиальном отношении неосталинисты превзошли своего учителя и об этом нельзя не сказать в параграфе о сталинской "формуле социализма" и опирающемся на нее принципе оплаты труда. Ничего не меняя в самой формуле "количества и качества", неосталинисты расширили ее значимость — распределение ее на коммунистический труд. Когда общество сталинского лжесоциализма сочли нужным объявить обществом развернутого строительства коммунизма, тогда труд, в содержании и порядках

которого ничего не изменилось, оказался в роли и с наименованием "коммунистического труда". И логика политической лжи привела неосталинистов к теории, по которой и коммунистический труд есть труд, оплачиваемый заработной платой, и притом по той же формуле количества и качества.

Тут в наше время следует напомнить, что по Марксу и Ленину коммунистический труд это труд бесплатный. Ограничимся высказываниями Ленина и прежде всего приведем то, где коммунистический труд сопоставляется с социалистическим: "Социализм... предполагает... общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причем должны определяться и мера труда и вознаграждение..." " "Коммунистическим" же является "только" бесплатный, не нормированный никакой властью, никаким государством, труд отдельных лиц на общественную пользу в широком масштабе!." ⁴⁰ И это определение коммунистического труда Ленин много раз повторяет.⁴¹

А теперь возьмем ту разновидность трудового соревнования, которую неосталинисты окрестили "движением ударников, бригад и коллективов коммунистического труда". Ни в одном документе этого движения (в протоколах рабочих, комсомольских и партийных собраний и заседаний, в обращениях и призывах, в решениях о принятых обязательствах, в постановлениях высоких партийных и профсоюзных инстанций, в руководящих статьях и речах) не упоминает-

ся бесплатность труда. Все движение ориентировано на материальную заинтересованность — на повышение заработка по формуле количества и качества труда: из понятия коммунистического труда методически вытравлено то, что составляет его существо — бесплатность. Перед нами "ударники коммунистического труда", которые по самому смыслу слова "ударничество" зарабатывают и должны зарабатывать больше, чем неударники; бригады, соревнующиеся за получение звания "бригад коммунистического труда", чтобы вместе с этим званием и как его подтверждение получать повышенные заработки: смены, целые цеха и даже предприятия "коммунистического труда", выделяющиеся высокой заработной платой своих рабочих и, конечно же, своего руководящего персонала. И все это предподносится как осуществление идей и заветов Ленина о коммунистическом труде — и чем быстыднее, тем крикливее^{4,2}.

На этом можно закончить параграф. Но было бы, пожалуй, несправедливо не отметить, что в теме оплаты труда вопрос о коммунистическом труде, хотя и важнейший, но не единственный, в котором неосталинисты шагнули дальше своего учителя, не покидая, конечно, предуказанного им пути. Мы позволим себе, поэтому, в заключение привести хотя бы один только пример такого самостоятельного неосталинистского теоретического творчества. В 1970 году Высшая партийная школа при ЦК КПСС выпустила официальный курс — "Политическая экономия", в третьем томе которого читаем: "Учеба сама по себе

требует больших усилий обучаемых. И этот труд при социализме также необходим материально стимулировать. Следовательно, чем больше срок обучения, необходимый для получения специальности, тем выше устанавливается заработная плата" (стр. 346). Не будем говорить о моральной стороне того социализма, при котором охота к учебе должна воспитываться посредством применения материальной оплаты. Но каким же лицемерием выглядит это официальное откровение рядом с практической стороной дела: ведь в столице нашей "социалистической" страны вагоновжатый трамвая после 8 классов школы и пятимесячных профессиональных курсов зарабатывает в месяц 150—200 рублей, а заработок врача, прошедшего 10-летку и 6 лет медицинского института, составляет 120 руб. в месяц. И как далеко вся эта софистика и конъюнктурщина отстоит от простого и глубокого разъяснения Энгельса по поводу оплаты труда при социализме, приведенного нами в начале предыдущего параграфа.

4. О СТАЛИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КЛАССОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

"Формула социализма", предложенная Сталиным, — "от каждого по его способностям, каждому по его труду", — наукообразно обобщает лжесоциалистический принцип оплаты труда по количеству и качеству, подводит под него, так сказать, теоретическую базу, представляет его как теоретически оправданный принцип. Но формула эта звучит слишком академично, она слишком далека от действительных социальных (и вообще человеческих) отношений, сложившихся в нашей стране уже в 30-е годы, и от народного восприятия этих отношений, чтобы быть пригодной, а тем более достаточной для маскирования сталинского отхода от марксистско-лининского понимания социализма. Читатель уже знает, что в каждой из своих половинок формула была двусмысленна: в той и в другой за словами скрывался противоположный этим словам смысл. И к сознанию среднего советского человека не могла не пробиваться мысль-догадка, что "от каждого по его способностям", фактически означало принуждать каждого давать по требованию властей (и меньше всего по собственному побуждению) столько труда и такой труд, сколько и какой он способен выдать при максимальном, предельном напряжении сил и отказе от чувства человеческого достоинства, — принуждать всяческими средствами, как мораль-

ного удушения, так и угрозы прямой гибели от голода и лагерных истязаний. А что "каждому по его труду" означало платить работнику по так наз. количеству и качеству труда, т. е. лицемерную систему, при которой на деле плата за труд и самый труд не находились в закономерной, объективно-обязательной связи и плата эта, как правило, являлась плодом бюрократического произвола всех ступеней. Словом, книжная формула была недостаточно конкретна, чтобы убедить народ, что общество каким оно строится и может быть построено в Советском Союзе в соответствии с нею, это и есть социализм, ради которого сделана была революция. Требовалось в глазах народа оправдать утешительное и обнадеживающее наименование построенного, готового "социализма", официально данное советскому обществу. И Сталин вскоре проделал это тем, что радикально переименовал само марксистское определение социализма как общественного строя, — вместо первого бесклассового общества объявил и представил социализм последним классовым обществом.

Здесь перед нами уже всеобъемлющее перетолкование понятий социализма и строительства социализма. С ним находится в непосредственной связи, а пожалуй, вернее будет сказать, оно влечет с собой (и повлекло!) перетолкование ряда фундаментальных положений марксистской социологии и политической экономики, трактующих проблему производственных отношений, проблему форм труда, проблему собственности (как общественной, так и индиви-

дуальной, включая наследование имущества), проблему общественной организации производства, проблему функций и форм государства, да и проблему правовых и этических норм. Вся эта обширная и разнородная тематика должна быть и, придет время, будет рассмотрена в специальных исследованиях. Для темы же настоящей статьи существенно прежде всего то, что, превратно изображая социальную структуру и стратификацию социалистического общества, сталинизм тем самым обосновывает и свое отрицание экономического равенства, присущего этому обществу как бесклассовому, а говоря конкретнее, отрицание тех границ и той меры экономического неравенства членов общества, переступить которые не допускается социалистическим принципом оплаты труда по его количеству. Ведь экономическое равенство означает уничтожение классового деления общества, и притом в обоих смыслах: 1) оно *предполагает* отсутствие классовой дифференциации и 2) оно *гарантирует* это отсутствие. Посмотрим же, как возникла и складывалась сталинская концепция классового социалистического общества.

Положение, что социализм есть общество без деления на классы,⁴³ представляет собой фундаментальную, неотъемлемую и неотмыслимую часть традиционного понимания социализма — и не только теории научного социализма Маркса-Энгельса-Ленина, но и предшествовавшего ей утопического социализма. Поколение за поколением пролетарских социалистов и коммунистов воспитывались на этом и мужали в созна-

Ли этого. Только феодальные и буржуазные социалисты, и в их числе мелкобуржуазные социалисты всевозможных поколений и толков, рисовали свой социализм как общество с различными (конечно, мирно сотрудничающими) классами⁴⁴ Чтобы не забираться в глубь прошлого, ограничимся несколькими ссылками на Ленина, притом на Ленина послеоктябрьского времени, когда он руководил строительством социализма.⁴⁵

Итак:

1919 год. - Май, речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию: "Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество!" (ПСС, т. 38, стр. 353). — *Август*, план ненапечатанной статьи "О свободной торговле хлебом": "Социализм. Quid est? (Что это такое? — А. З.). Уничтожение классов. Ergo (стало быть — А. З.), уничтожение крестьянства, уничтожение (рабочего класса) рабочего. Ни крестьяне, ни рабочие, все работники!" (ПСС, т. 39, стр. 449).

1920 год. - Апрель, речь на III Всероссийском съезде профсоюзов: "Пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор социализм остается неосуществленным" (ПСС, т. 40, стр. 304).'

1921 год. - Февраль, речь на Московской конференции металлистов: "Социализм будет тогда, когда не будет классов!" (ПСС, т. 42, стр. 307). И *март*, речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих: "Социализм означает Уничтожение классов, а пока остаются рабочие

и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма" (ПСС, т. 43, стр. 130).

1923 год. - Январь, статья "О кооперации". Когда Ленин говорил в ней о "строе цивилизованных кооператоров", который ему виделся в будущем нашей страны, и называл его "строем социализма", то он понимал под этим отсутствие классового деления общества (в том числе и прежде всего деления населения на рабочих и крестьян) и, взамен такого деления, развитие "кооперативного принципа" и "полное кооперирование" населения (не одних лишь крестьян). (ПСС, т. 45, стр. 369-376). А общество, существующее в Советской республике до этого, Ленин тогда же, в статье "Как нам реорганизовать Рабкрин", именовал "социальным строем, основанным на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян" (там же, стр. 387), но социализмом он его не называл.

Взгляд Ленина на социализм, выражающий единственно-научное понимание исторического пути современного человечества и долгие трудности этого пути, многие годы оставался взглядом коммунистической партии нашей страны. Еще в феврале 1932 года на XVII конференции ВКП (б) в директивной резолюции о составлении второй пятилетки (1933—1937 годов) социалистическое общество признается и именуется классовым. Эта резолюция гласит: "Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное унич-

тожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества'.¹⁴⁶ Через год, в январе 1933 года, на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК Сталин в числе основных задач пятилетки назвал: "Создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества'.¹⁴⁷ Еще через год, в феврале 1934 года, приведенное выше место из директивы XVII конференции было без малейших изменений, слово в слово, включено в резолюцию XVII партсъезда о второй пятилетке⁴⁸ — и, таким образом, представление о бесклассовости социалистического общества было утверждено документом высшего партийного ранга. Что же касается Сталина, стоявшего

49

за всем этим делом, то в отчетном докладе о работе ЦК он на съезде сказал: "Взять, например, вопрос о построении *бесклассового социалистического общества* (выделено Сталиным — А. З.). XVII конференция сказала, что мы идем к созданию бесклассового, социалистического общества. Понятно, что бесклассовое общество не может прийти в порядке, так сказать, самотека". И дальше это положение называется ясным и элементарным тезисом ленинизма", а выражение "бесклассовое общество" повторяется еще несколько раз в применении к социализму.⁵⁰

Мы видим, что Сталин все не решался рвать
Фундаментальным положением марксизма о

бесклассовости социалистического общества. Маниакальная вера во всемогущество административного управления историческим процессом, самонадеянность (ведь в то время уже никто и посметь не мог публично возражать ему) и просто невежество подсказывали ему другой способ устранить (сиречь: перечеркнуть) противоречие, в которое попала партийная мысль, поставленная перед задачей совместить произвол, хаос и бесчеловечность советской действительности годов форсированной индустриализации и принудительной коллективизации со "вступлением в период социализма и завершения построения фундамента социалистической экономики", возвещенными свыше. В конце концов, не столь уж важно, всерьез ли Сталин* рассчитывал и обещал за пять лет 1933—1937 уничтожить классы в нашей стране и ввести бесклассовое общество. Послушный съезд партии сделал этот бред партийным законом — и заработали перья официальных теоретиков и пропагандистов. Так, в теоретическом журнале ЦК партии "Большевик" (№16 за 1935 год) философ Юдин возглашает: "Ликвидация классов как историческая задача пролетариата будет выполнена во 2-й пятилетке", а тогдашний зав-агитпроп Стецкий подробно разъясняет: "В социалистическом обществе уже нет классов и оно является союзом свободных и равноправных работников, сообща владеющих средствами производства и сознательно направляющих это производство на общее благо... Нет сомнения, что задача второй пятилетки — построение

бесклассового социалистического общества - будет под руководством партии с успехом вытолнена рабочим классом и всеми трудящимися СССР".

По мере того как вторая пятилетка шество-
Шаг от победы к победе, классы же не только не оказывались уничтоженными, а их уничтожение и не приближалось, становилось ясно и отчетливым (ослепленным!), что никакого бесклассового общества эта пятилетка не принесет. Между тем обязательство построить социализм в одной стране напирало — и строй советского общества был просто *объявлен* уже социалистическим. И тут встала задача и последовала команда: перестроить понятие социализма, выношенное и выработанное мировым рабочим движением и научно сформулированное марксизмом, приспособив его к общественному строю, существующему в СССР и, в первую голову, изъяв из понятия социализма бесклассовость общества.

Команду Сталин дал за год до окончания (второй) пятилетки в докладе "О проекте Конституции СССР" на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов (25 ноября 1936 г.).⁵¹ Разумеется, Сталин не был бы самим собой, если бы честно и прямо отрезал от своей смешной и злосчастной фантазии за пять лет построить социализм в экономически отсталой, только что начавшей индустриализироваться стране, к тому же изолированной от остального мира. В докладе он даже один раз упомянул, что "ведется стройка нового бесклассового социалистического общества", но при этом, конечно, умолчав, что

эту стройку *бесклассового* общества он обещал уже через год завершить. Как будто и не было с его стороны такого обещания, он тут же занимается рассмотрением того, как "*классовую структуру СССР*" предлагается отразить в проекте Конституции для уже *социалистического общества*. Ибо, как Сталин дальше разъясняет, "наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе *первой или нижней фазой коммунизма*". И для того чтобы связать утверждение о классовом характере советского общества с утверждением о его социалистичности, Сталин дает новую социологическую формулу социализма, из которой *бесклассовость* исключена и заменена особого рода *классовостью*. Эта формула гласит: "В обществе нет уже больше антагонистических классов, общество состоит из двух дружественных друг к другу классов, из рабочих и крестьян". А полемизируя в конце доклада с теми, кто (в явном соответствии с его, Сталина, недавним уверением о начинающемся периоде *бесклассовой социалистичности советского общества*), предлагает в проекте Конституции для уже социалистического общества заменить слово "крестьянин" выражением "трудящийся социалистического земледелия", Сталин теперь поучает: "Авторы поправки, видимо, имеют в виду не настоящее, а будущее общество, когда классов уже не будет и когда рабочие и крестьяне превратятся в труженников единого коммунистического общества"²

Т. е. бесклассовость, которая всего лишь за год до этого (в 1935 г.) признавалась и объявлялась неотъемлемой и формирующей чертой низшей фазы коммунизма ("бесклассовое, социалистическое общество"), теперь, без лишних слов и долгих рассуждений, перенесена в его высшую фазу, а говоря конкретнее — из 1937 года в годы далекого "будущего". Этот поворот, в котором утратили рациональный смысл и понятие класса, и понятие социализма, да и само понятие общества, — поворот от науки к софистике, от теории к казуистике, — можно было бы (если не чураться громких и оскомину набивших эпитетов) назвать историческим поворотом в советском учении о социализме. И неудивительно, что формуле о социалистических классах суждено было стать одной из основ сталинизма и (как ниже показано) неосталинизма и, тем самым, одним из принципиальных водоразделов между ними и марксизмом. Конъюнктурное происхождение и прагматическая природа этой формулы находятся в точном согласии с приемами мышления и манерой теоретического законодательства, свойственными Сталину и сталинистами насаждаемыми.

Итак, появление идеи классового социалистического общества датируется в Советском Союзе ноябрем 1936 года? Автору настоящей статьи впоследствии рассказывали, как были ошарашены и растеряны сталинские теоретики, все эти Юдины и Стецкие, когда-то читавшие Маркса и Ленина и только что, захлебываясь от восторга, заверявшие народ, что он уже вступает

в бесклассовое — да, да бесклассовое! — социалистическое общество.⁵⁴ Но шок очень скоро прошел у борзописцев, приученных переделывать науку по приказаниям начальства, почти всегда непредвиденным и неожиданным. И когда спустя два года Сталин в "Кратком курсе истории ВКП(б)", а вскоре после того и на XVIII партсъезде, повторил свою формулу о социализме, при котором классы существуют, но, в отличие от капитализма, "живут и работают на началах дружественного сотрудничества",⁵⁵ те же Юдины и Стецкие с энтузиазмом взялись превозносить новую, основополагающую и, конечно, "марксистско-ленинскую" идею корифея наук. Сам же Сталин, кажется, еще один только раз выступил с идеей двух классов СССР, отличающихся по положению, но состоящих в дружбе, — именно в феврале 1952 г., в своей последней работе, в "Экономических проблемах социализма в СССР". Но в 1947 г., на Совещании Коминформа, его рупор Маленков, в докладе о деятельности ЦК ВКП(б), вынес эту идею на международный форум.⁵⁶ Однако ни Сталин, ни Маленков уже не отодвигали бесклассовое социалистическое общество в очередную пятилетку. О создании такого общества в будущем руководители СССР умалчивали. По-видимому, уже при Сталине было покончено с самой мыслью о возможности бесклассового социализма, а значит и с планами его построения.

Словом, сталинизм уже в 30-е годы пришел к тому, чтобы официально *отождествить* общественные порядки и классовые отношения, сло-

жившиеся к тому времени в СССР, с социализмом и ради такого отождествления непререкаемо объявить социализм классовым обществом. Шли десятилетия, прошла четверть, а там и треть столетия, советское же общество не только не отошло от того классового строения, не только не изжило его, но, напротив, закрепило его и окостенело в нем. Неосталинисты, выросшие на сталинском лжетолковании советского общества, как социалистического, и вслед за Сталиным видевшие в этом обществе заверченный социализм, естественным образом унаследовали от Сталина описанный выше поворот на 180° от Маркса и Ленина — поворот от научного понимания социализма как бесклассового общества к его политически-рожденному и политически-ориентированному прагматическому перетолкованию как общества классового.⁵⁷ В 1961 году, на XXII съезде КПСС, этот поворот был подтвержден и канонизирован даже программой партии — и притом в выражениях и терминах, заимствованных у Сталина (см. Программу КПСС, часть 1, параграф II).

Когда читаешь огромную неосталинистскую пропагандистскую и теоретическую литературу последних двадцати лет, поражаешься, как мало нового и сколько-нибудь существенного это многословие внесло здесь в формулировки (даже в терминологию) и в аргументацию Сталина.⁵⁸ Все формулировки вертятся вокруг эпитетов "новые" и "дружественные", которыми Сталин определил и обозначил классы своего социалистического общества, а неосталинизм

перенял у него и повторяет за ним,⁵⁹ лишь изредка цинично усиливая эти эпитеты (таков, например, термин "социалистические классы,"⁶⁰ который сам Сталин не решился употреблять) или стыдливо смягчая их (например, выражение "классы не в собственном смысле слова",⁶¹ которого мы у Сталина тоже не находим). Что же касается аргументации, то новизна, внесенная неосталинизмом в дополнение к сталинским рассуждениям и наставлениям, сводится вся, можно сказать, к двум линиям фальсификаций — фальсификаций взглядов Маркса и Ленина и фальсификации советской действительности, социального членения советского общества.

Фальсификация Маркса строится, прежде всего на заведомо лживой подаче его "Критики Готской программы". В этом произведении Маркс различает две фазы коммунистического общества, но различает их отнюдь не по социальной структуре: и та и другая фазы — социализм и полный коммунизм — у него одинаково бесклассовые общества. Называя нынешнее классовое советское общество социализмом, неосталинизм не вправе этот свой "социализм" выдавать за марксову первую фазу коммунизма. Если сталинский советский строй именовать социализмом (о терминах все спорить!), то уж никак не в смысле марксовой первой фазы коммунизма.

Но афишируя свой классовый социализм как коммунизм в его первой фазе, неосталинисты вынуждены признавать, что "производственные отношения социализма и коммунизма в

своей основе общи'.⁶² И тут они попадают в противоречие уже не только с идеей и текстом "Критики Готской программы", но и с азами марксистского учения об обществе. Марксизм открыл, что производственные отношения (т. е. общественные отношения людей в производстве и по поводу производства) это исходные, базисные общественные отношения, лежащие в основе всех других общественных отношений. Какой же смысл — теоретический и реальный -- остается в этом фундаментальном положении науки об обществе, если считать, что одни и те же производственные отношения присущи как классовому, так и бесклассовому обществу — формируют общественный строй как классового, так и бесклассового общества? И неосталинизм пытается выбраться из этой бессмыслицы, перетолковывая содержание и место категории производственных отношений и, вместо нее, аргументируя категорией собственности: мол, и на низшей и на высшей фазе коммунизма собственность обобществлена и это-де решает дело. Словом, неосталинизм игнорирует, а то и прямо отрицает производственный и отраженный характер движения и развития форм собственности по отношению к движению и развитию производственных отношений. Он либо сводит производственные отношения к отношениям собственности, либо подменяет их последними в роли ведущего фактора, формирующего социальный строй общественной формации, либо просто отождествляет их с ними.⁶³

Мы видели, что концепцию классового социализма неосталинисты взяли у Сталина, предло-

жившего ее во второй половине 30-х годов. Покажем теперь, что то искажение и обескровление исторического материализма, которое ради этой концепции совершено путем подмены производственных отношений отношениями собственности, тоже восходит к Сталину и возникновение его относится к тому же времени. И оно прошло через тот же короткий этап половинчатости и двусмысленности. В декабре 1936 года ст. 4 Конституции еще гласит: "Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства". Но не проходит и двух лет, и в сентябре 1938 года оглядки и колебания отброшены — в громогласной четвертой главе "Краткого курса истории ВКП(б)" в форме догмата, заранее исключающего всякое несогласие, усомнение и поползновение проверить, начертано: "При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства... При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба. При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного... При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собствен-

ности на работников производства — наемных рабочих... При социалистическом строе, который осуществлен пока что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства... Такова картина развития производственных отношений людей на протяжении истории человечества!'⁶⁴

Нельзя здесь не напомнить один постыдный эпизод, связанный с неожиданным сталинским откровением. Люди старшего поколения не забыли как к XVIII съезду партии, в марте 1939 г., для подкрепления авторитетности этого откровения были опубликованы в журнале "Пролетарская революция" два (из 50) листа черновой рукописи Маркса 1857—58 (она хранилась в Институте Маркса-Энгельса-Ленина), в которых автор хочет уяснить себе вопрос о чередовании форм собственности. С тяжелым чувством вспоминают они свистопляску, которая сразу же пошла вокруг специально подобранного отрывка из черновика, а вернее, вокруг цитат из него, вырванных из времени и контекста, разорванных, перетолкованных, перетасованных, подтасованных и фальшиво скленных. Вспоминают, как это позорная свистопляска литературно-услужающих, всем существом безразличных к науке и истине, вокруг строгих и глубоких критических поисков великого революционера в науке оттеснила марксову категорию производственных отношений и подчинила ее отношениям собственности, а то и растворила ее в них⁶⁵

Разумеется, честнее было бы не клясться первой фазой коммунизма, а так сказать: марк-

сово понимание социализма как *бесклассового* общества ошибочно (или: перед лицом новых исторических явлений устарело). Честнее было бы также не клясться историческим материализмом, а прямо сказать: марксово понимание производственных отношений как *основы* всех прочих общественных отношений, в том числе и отношений собственности, ошибочно (или: перед лицом новых данных исторической науки устарело). Пользуясь марксовым выражением "первая фаза коммунизма" для рекламирования своей антимарксистской концепции классового социализма и марксовым выражением "производственные отношения" для наукообразного оформления своей антимарксистской концепции первичности и базисности отношений собственности в определении социального строя общества, Сталин обходил ситуацию молчанием. И это было естественно: не мог он сам заявить, что пересматривает теории Маркса. (Впрочем его прямые последователи и сподвижники не скупились на славословия величайшим "марксистским" новооткрытиям, — разумеется, тоже уклоняясь от конкретного названия их новизны.) Но так же естественно и то, что неосталинисты в годы, когда зазорно превозносить научное творчество Сталина, пользуются его творением, не называя имя автора, само же это творение приписывают Марксу, делая вид, будто никакого поворота от Маркса не было и выдавая антимарксизм за теоретический комментарий к Марксу и за практическое применение марксизма к новым обстоятельствам...⁶⁶

Фальсификация Ленина группируется преимущественно вокруг двух пунктов: определения класса и ликвидации классов.

Напомним (в сноске) сводное определение класса, данное Лениным в июне 1919 года.⁶⁷ Резюмирующей является заключительная фраза определения. Это видно хотя бы из того, что когда впоследствии Ленину требовалось давать краткое определение класса, он пользовался именно этой фразой. Так, через полгода, в декабре, в заключительной речи при закрытии VII Всероссийского съезда Советов, Ленин повторяет: "Классы — это такие группы, из которых одна может жить трудом другой, одна присваивает себе труд другой".⁶⁸ (ПСС, т. 39 стр. 433). И еще через полгода, в мае 1920 г., в замечаниях на книгу Н. И. Бухарина "Экономика переходного периода", он *полемизуя* с Бухариным, пишет: "Классы представляют из себя *прежде всего* группы лиц (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы".⁶⁸ А в октябре того же года, в речи на 3-м Всероссийском съезде РКСМ, говорит еще короче: "Что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого" (ПСС, т. 41, стр. 310). Но это означает, что по самой своей сущности классы представляют собой порождение и выражение социально-антагонистического общества — выражение того, что оно состоит из групп, интересы которых находятся в антагонизме друг с другом - боль-

шем или меньшем, остром или смягченном, но антагонизме. Критикуя проект Эрфуртской программы, Энгельс разъяснял его составителям, что без уничтожения классов (стало быть до их уничтожения!) "уничтожение классового господства, с экономической точки зрения, — бессмыслица".⁶⁹ Могут ли иметь место дружественные отношения между классами? Могут, и история классовых общественных формаций знает немало случаев такой "дружбы" между объективно (экономически...) антагонистическими классами. И если, в частности, в СССР между рабочим классом и классом крестьян поддерживается дружба (Ленин предпочитал говорить реалистически и без сюсюканья: "союз"⁷⁰), то это вовсе не означает, что в подпочве их взаимоотношений не кроется экономическая власть антагонистичности, — и надо быть слепым, чтобы не видеть, что эта власть интересов и расчетов каждодневно дает о себе знать также на политической и идеологической поверхности. Словом (так же, как у Маркса и Энгельса), у Ленина невозможно найти категорию (и термин) "неантагонистических", по своей сущности "дружественных", классов: если общество разделено на устойчивые неантагонистические группы населения, то эти группы уже не классы, а общество стало бесклассовым. Таким, по Марксу-Ленину, и является социализм — первая фаза коммунизма.

Неосталинистская теоретическая и политическая концепция классового социалистического общества и социалистических классов хорошо сформулирована в авторитетной, на международ-

ный форум ориентированной, советской книге 1976 года в двух фразах — о "сложившейся и окрепшей неантагонистической классовой структуре" и о "развитии классов социалистического общества, включающем обогащение их классовых характеристик новыми прогрессивными чертами".⁷¹ Без этой концепции, без ее афиширования как марксистско-ленинской не обходится ныне в нашей стране ни одна, кажется, публикация, трактующая о советском обществе. Неоднократно цитированный нами коллективный официальный ученый труд "Марксистско-ленинское учение о социализме и современность" прямо заявляет по поводу этой концепции: *"Так в общих чертах представляли себе основоположники научного коммунизма социалистическое общество"*.⁷²

Какой же применяется фальсификаторский трюк, чтобы выдать эту ложь за правду? Трюк этот придуман неосталинистами (у Сталина мы его не находим) и состоит он в том, что перетолковывается смысл и самый текст ленинского определения класса. Провозглашается, что "это определение дано В. И. Лениным применительно к классам антагонистического общества".⁷³ И этим, без каких-либо на то оснований, ни прямых, ни косвенных, внушают советским людям, что если Ленин явно и не оставил нам теории классового социализма (сама эта тема в 1919-20 годах не стояла, мол, в порядке дня), то мы зато вправе считать, что скрыто такая идея у него существовала.

И на этой маскировке самой тривиальной лжи под научную догадку возводится еще одна, пока что (кажется) заключительная ложь. Будто, *по Ленину*, эпоха ликвидации классового общества состоит из двух этапов, представляющих собой два разных общественных строя; общество, переходное от капитализма к социализму, в котором совершается ликвидация эксплуататорских классов и классового антагонизма, и общество социалистическое, в котором происходит ликвидация "дружественных" классов, образующих его как классовое общество.⁷⁴ В этом механическом разрубании неосталинистами внутренне единого исторически-переходного процесса надвое и отнесении каждой из половинок в хронологически разные периоды сразу же узнается метод Сталина, подменяющий экономический анализ политически желательной догматической схемой.

Так обстоит дело с неосталинистскими фальсификациями взглядов Маркса и Ленина о сущности социализма и месте социалистического общества в прогрессе человечества. Читатель, конечно, понимает, что они выполняют в идеологии неосталинизма служебную роль: они служат для фальсификации и представления в ложном виде картины и социального существа, а значит, антагонизмов и тенденций советской действительности. Ввиду объективной невозможности отрицать факт существования *классового* расслоения населения СССР и субъективной *невозможности* (читай: нежелания) признать факт *отсутствия*

социализма в СССР, неосталинизму приходится строить и выдавать за последнее слово науки и марксизма антинаучную и антимарксистскую теорию о совместимости социализма и классов. И для этого, *во-первых*, из научного понятия *класса* изгоняется то, что составляет его неотъемлемую и неотмыслимую черту, его сущность, — явно или скрыто существующую и действующую антагонистичность, основанную на возможности одного класса, в той или иной форме, присваивать труд другого: об этом выше сказано достаточно. Но, *во-вторых*, *классовая действительность* советского общества изображается превратно; и хотя классовое строение некапиталистического и несоциалистического советского общества представляет собой самостоятельную социологическую (и историческую) тему, выходящую за рамки настоящего параграфа, да и всей нашей статьи — тему возникновения, сегодняшнего состояния и тенденций развития классов и классовоподобных групп советского общества, — все же несколько замечаний по вопросам, в которых эта тема переплетается с задачей статьи, требуется, пожалуй, сделать — и этим естественно будет закончить параграф о сталинской концепции классового социалистического общества.

Итак, классовое строение советского общества изображается неосталинистами, вслед за Сталиным, таким образом, будто оно представляет собой всего лишь нечто остаточное — то, что осталось от классов капиталистического общества после того, как были уничтожены эксплуататорские классы последнего, а трудовые классы

были трансформированы в "дружественные" классы рабочих и колхозного крестьянства, да дружественный же довесок к ним в виде "слоя" советской интеллигенции. Конечно, классовая структура советского общества спустя полвека после его прихода на смену средне-развитому капитализму не совпадает с классовой структурой капиталистического общества и не может быть ни сведена к капиталистической, ни теоретически выведена из нее. Тем не менее, его, советского общества, классы это никакие не остаточные, а подлинные классы, — и вся сталинская и неосталинистская возня с мифическими "неантагонистическими", "дружественными", "социалистическими" классами ставит себе продуманную цель — *прикрыть* уход (увод!) Советского Союза от пути к социализму. В угоду своей концепции социалистических классов, неосталинисты закрывают глаза на тот *факт*, что больше чем полувековое существование и развитие советского общества сопряжено и неотрывно связано с процессами нового и своеобразного, послекапиталистического, не повторяющего капиталистического, классовобразования и образования классовоподобных групп. И неосталинистские историки и теоретики умалчивают, что эти процессы социально-экономического дифференцирования шли в двух (конечно, взаимно переплетающихся и одно другое поддерживающих, но по своим истокам и закономерностям различных) руслах — в русле спонтанного формирования классовых групп и в русле их административного (читай: насильственного) создания.

Из двух классов, официально признаваемых за таковые в Советском Союзе, советский рабочий класс сложился в основном спонтанно в длительном ходе индустриализации страны сталинскими методами. Мы говорим: в основном, потому что в числе этих, отнюдь не социалистических, методов значительную роль играли такие административные меры, как трудовые мобилизации, ограничения свободы передвижения, отсутствие права борьбы за зарплату и пр., отсутствие узаконенной безработицы и др.

Что касается колхозного крестьянства, т. е. второй группы населения, официально признаваемой за класс в Советском Союзе, то оно было искусственно создано в течение нескольких лет насильственными (бесчеловечно жестокими и экономически разрушительными) методами. Разумеется, будучи создано на месте ликвидированного единоличного крестьянства, оно тоже постепенно (но далеко не сразу!) вошло в русло спонтанного развития советского общества.

Не будем распространяться об этих признаваемых сталинизмом (хотя и превратно толкуемых им) классах советского общества и о несоответствии их определяющих черт требованиям, которым должно удовлетворять деление трудящихся на группы в социалистическом обществе⁷⁵. Но поговорим о тех социально-экономических группах советского общества, возникновение и эволюция которых является не только элементом, но собственным, и притом необходимым, продуктом сталинского (именно сталинского!) "полного социализма", и о кото-

рых сталинистские теоретики, историки и политики не говорят, делая вид, что их не существует и никогда не существовало. Мы имеем в виду две новые вполне классоподобные "большие группы людей" советского общества, к которым применимы все даваемые Лениным признаки класса и которые поэтому справедливо будет так и называть классами. В самом деле, они отличаются: 1) по своему месту в системе общественного производства; 2) по своему отношению, закрепленному и оформленному в законах, к средствам производства; 3) по своей роли в общественной организации труда; 4) по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают, и 5) при этом одна из этих двух больших групп существует потому, что присваивает себе чужой труд, а другая вынуждена безвозмездно отдавать большую часть своего труда — обе благодаря тому особому месту, которое они занимают в укладе общественного хозяйства.

Начнем с последней из этих больших классоподобных групп. Она создавалась и умножалась на протяжении четверти века административными (насильственными) мерами и также административно была резко сокращена после XX съезда КПСС, чтобы вскоре — и опять-таки в порядке административных мероприятий — вновь начать разрастаться. Это — многомиллионная (в пору своего расцвета — в десятки миллионов) армия советских людей, на годы и десятилетия, а практически (если учесть систему продления сроков, "повторничества" и чудовищную смертность) —

пожизненно заключенных в лагеря принудительного труда или, в другом варианте, вывезенных из родных мест в отдаленную ссылку. Армия эта еще ни разу не была темой исторического, статистического, социологического и экономическо-го исследования — советская наука отстранена (да и сама отстранилась) от нее. Между тем это одна из важнейших проблем для понимания существования классового социализма. Мог ли он быть построен без помощи принудительного труда? — Вот в чем вопрос. И ответ гласит: нет, не мог сталинский классовый социализм быть построен без того, чтобы рядом с естественно существующими (пусть и трансформированными) классами трудящихся, рабочих и крестьян, не была дополнительно создана искусственная классоподобная многомиллионная социальная группа трудящихся низшего ранга, юридически поставленных вне Конституции (следовательно, лишенных гражданских прав, в том числе права на участие в управлении общенародной собственностью на средства производства) и морально запятнанных клеймом государственного преступника. Не могло это классовое социалистическое общество быть построено без такого класса трудящихся-париев, подневольный труд которых противостоящее им государство присваивает в значительной мере безвозмездно, а социальное положение и реальные условия жизни которых равносильны положению и условиям государственного раба или государственного крепостного. И если отвлечься от обязательной официальной фразеологии, то по существу дела это признали и неоста-

линисты, когда в отчетном докладе ЦК XXIV съезду было заявлено:

"У нас, как известно, социализм одержал победу уже во второй половине 30-х годов... Наше хозяйство того периода и современная экономика основываются на одном и том же типе производственных отношений, и на одних и тех же экономических законах - законах социализма".

Ведь вторая половина 30-х годов была именно тем периодом, когда в СССР была полностью пущена в ход и разработана система труда лагерников и ссыльных, как решающее орудие создания общества сталинского классового социализма.

Но что же из себя представляет другая классоподобная "большая группа людей" этого классового социалистического общества, существование которой у нас не только не допускается признавать (а тем более — исследовать), но о которой даже запрещено упоминать? Группа эта расположена на противоположном полюсе советского общества и, в отличие от лагерно-ссыльной, представляет собой не продукт насильственных административных мероприятий, а административное оформление и организацию спонтанного социального процесса, неизбежно присутствующего в сталинском строительстве социалистического общества. Когда-то Маркс написал о Луи Бонапарте, что он "вынежден был создать рядом с подлинными классами общества искусственную касту, для которой сохранение его режима — вопрос о хлебе насущном" — "многочи-

сленную расшитую галунами и упитанную бюрократию".⁷⁶ Создав для строительства социализма *свою* многочисленную номенклатурную и околноменклатурную расшитую галунами и упитанную бюрократию, Сталин буквально повторил Наполеона Маленького. И эта, вторая, классоподобная группа, в отличие от первой, не была сокращена после Сталина (единственно, что галунов стало поменьше, но зато чиновной спеси, да и материальных благ, стало, как-будто, больше). Своим существом и самим фактом своего существования противореча идее социализма, а своими делами и поползновениями, интересами и моралью извращая и оскверняя строительство социализма, она численно выросла и продолжает расти (до нескольких миллионов уже доросла? — такая статистика в Советском Союзе не публикуется, да и ведется ли?). Все дальше иерархически расчлняясь, она набрала и продолжает набирать силу и власть, поистине разившись в оторванную от народа и от социализма, стоящую над народом и вне социализма, замкнутую, круговой порукой спаянную и уже в значительной мере наследственную касту господствующих управителей, надзирателей и идеологов. Сталинское общество классового социализма без такой привилегированной касты — класса или, если угодно, касты-сословия, сословия знати (новой знати!) не может существовать. Экономически же ее существование и преуспеяние совершенно равнозначно существованию и преуспеянию всякого паразитического класса: оно построено на безвозмездном присвоении — посредством ста-

линской государственной системы! — безмерных масс чужого труда — труда рабочих, крестьян, работников умственного труда и, конечно, также лагерных заключенных и ссыльных.

Как по поводу обесправленной и эксплуатируемой классовоподобной категории лагерников и ссыльных, мы и по поводу и привилегированной и эксплуатирующей классовоподобной категории властвующей бюрократии не можем здесь заниматься рассмотрением ее генезиса и структуры в социальной системе советского общества и ее эволюции в этой системе. Но два момента следует совсем коротко отметить.

Во-первых, эту группу нельзя смешивать с интеллигенцией, да она и развилась не из интеллигенции. Как капиталисты и помещики всегда имеют свою классовую интеллигенцию, так, после социалистической революции и ликвидации капиталистического и помещичьего классов, рабочие и крестьяне нашей страны выделили и выделяют из своей среды свою классовую интеллигенцию — учителей, врачей, инженеров, агрономов, деятелей науки и искусств и пр., труд которых присваивается сталинской привилегированной группой совершенно так же, как труд самих рабочих и крестьян. Автор настоящих заметок вспоминает, как Е. Макар (один из крупных деятелей двух первых пятилеток, строитель Днепрогэса и Подмоскownого угольного бассейна и впоследствии секретарь МК партии по промышленности и транспорту, человек близкий к непосредственному окружению Сталина) говорил ему в 1932 году, знакомя его с состоянием дел в Мосбассе:

"Сталин считает, что социализм следует строить на муках и бедствиях народных и что надо *заставить* народ переносить все эти муки и бедствия. А для этого Сталин ведет дело к тому, чтобы создать в стране касту высоко над народом поставленных и всячески высоко оплачиваемых правителей, подгонял, надсмотрщиков, уговаривателей — и устрашателей, лично. Т.е. меркантильно, карьеристски, заинтересованных именно в таком пути к социализму".

Ленин, разумеется, никогда не помышлял и не мог помышлять о том, чтобы свою, революцией рожденную, рабоче-крестьянскую интеллигенцию сделать материально привилегированной группой в обществе, и что так надо строить социализм. Мой Макар и немало других больших, средних и малых Макаров (будущие жертвы 1937-1939 гг.!) тогда еще смели рассуждать (конечно, приватно, с глазу на глаз) о путях к социализму, уже видели, что путь, которым ведет Сталин, это не путь Ленина, но еще верили, что сталинским путем можно идти и придти к подлинному социализму.

Во-вторых, сталинская номенклатурная и околноменклатурная группа не имеет также ничего общего с правящей верхушкой из рабочего класса и его партии, как эту верхушку представлял себе Ленин на период пока в обществе сохраняются классы. В ленинской верхушке должность не должна давать личных привилегий материального и социального характера перед хорошим рабочим, а принадлежность человека к верхушке не закреплена пожизненно никакой

сего преподать ему экономический закон, которому надлежит определить его место в истории, а тем самым его тенденции и перспективы. И вот, за год до смерти, (в феврале 1952 года) Сталин провозгласил и в следующем виде изложил "основной экономический закон социализма":

"Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники".⁷⁸

Эта формулировка была опубликована в сентябре 1952 года в журнале "Большевик" — к XIX партсъезду, тут же ссылка на "основной экономический закон социализма" включается в Отчетный доклад съезду о работе ЦК и, таким образом, "закон" этот возводится в ранг официальной партийной теории.⁷⁹

Мы видим, что сталинская формула основного экономического закона социализма составлена из признаков не только социалистического, но и всякого общества в период его прогрессивного и, вообще, благополучного развития. Декларативные, обязательные в сталинском лексиконе, но не поддающиеся социальной идентификации, прилагательные и наречия "максимальный", "непрерывный", "высший", "постоянно", как и словосочетание "социалистическое произ-

водство", звучащее здесь тавтологией, лишь подчеркивают, что в формуле отсутствует то, что выделяет социализм из ряда всех других общественных организмов и образует его социальное существо. В формулировке Сталина перед нами закон социализма без социализма и без пути к социализму, лишенный социализма.⁸⁰

Неосталинисты приняли сталинский основной экономический закон социализма как непререкаемое теоретическое завещание учителя. Вот перед нами книга четырех авторов высшего советского научного ранга, наугад выбранные из обильной кучи официальной литературы годов формирования неосталинизма, предназначенные для самых различных категорий читателей и, стало быть, представляющие самые различные теоретические уровни: член-корреспондента АН СССР Л. Леонтьева, член-корреспондента АН СССР А. Пашкова, член-корреспондента АН СССР Г. Козлова, д-ра экономических наук проф. Н. Цаголова.⁸¹ Веяния времени и его неосталинистской интеллектуальной "свободы" здесь сказались лишь в том, что формула основного экономического закона социализма не повторяется слово в слово по тексту Сталина (как это было до XX съезда), а излагается с теми или иными несущественными вариациями, расширениями, конкретизациями. И эта линия, с самых первых его шагов взятая и отстаиваемая неосталинизмом, сохраняется и продолжается до сегодняшнего дня. В третьем издании Большой Советской энциклопедии, например, в статье, которая так и озаглавлена "Основной экономический закон со-

сего преподать ему экономический закон, которому надлежит определить его место в истории, а тем самым его тенденции и перспективы. И вот, за год до смерти, (в феврале 1952 года) Сталин провозгласил и в следующем виде изложил "основной экономический закон социализма":

"Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники".⁷⁸

Эта формулировка была опубликована в сентябре 1952 года в журнале "Большевик" — к XIX партсъезду, тут же ссылка на "основной экономический закон социализма" включается в Отчетный доклад съезду о работе ЦК и, таким образом, "закон" этот возводится в ранг официальной партийной теории.⁷⁹

Мы видим, что сталинская формула основного экономического закона социализма составлена из признаков не только социалистического, но и всякого общества в период его прогрессивного и, вообще, благополучного развития. Декларативные, обязательные в сталинском лексиконе, но не поддающиеся социальной идентификации, прилагательные и наречия "максимальный", "непрерывный", "высший", "постоянно", как и словосочетание "социалистическое произ-

водство", звучащее здесь тавтологией, лишь подчеркивают, что в формуле отсутствует то, что выделяет социализм из ряда всех других общественных организмов и образует его социальное существо. В формулировке Сталина перед нами закон социализма без социализма и без пути к социализму, лишенный социализма.⁸⁰

Неосталинисты приняли сталинский основной экономический закон социализма как непрерываемое теоретическое завещание учителя. Вот перед нами книга четырех авторов высшего советского научного ранга, наугад выбранные из обильной кучи официозной литературы годов формирования неосталинизма, предназначенные для самых различных категорий читателей и, стало быть, представляющие самые различные теоретические уровни: член-корреспондента АН СССР Л. Леонтьева, член-корреспондента АН СССР А. Пашкова, член-корреспондента АН СССР Г. Козлова, д-ра экономических наук проф. Н. Цаголова.⁸¹ Веяния времени и его неосталинистской интеллектуальной "свободы" здесь сказались лишь в том, что формула основного экономического закона социализма не повторяется слово в слово по тексту Сталина (как это было до XX съезда), а излагается с теми или иными несущественными вариациями, расширениями, конкретизациями. И эта линия, с самых первых его шагов взятая и отстаиваемая неосталинизмом, сохраняется и продолжается до сегодняшнего дня. В третьем издании Большой Советской энциклопедии, например, в статье, которая так и озаглавлена "Основной экономический закон со-

циализма", формула этого "закона" даже текстуально ближе к исходной сталинской, чем у названных авторов.⁸² В неосталинистских комментариях к "закону" можно найти и увеличение производительности труда, концентрации производства, общих масштабов общественного производства, и накопление богатства страны и умножение ее народонаселения, и рост науки и ее технологических применений, и урбанизацию и повышение общего уровня материальной и культурной жизни народа, и расширение и интенсификацию международных связей и т.д. (разумеется, без единого слова о том, что за последние четверть века капитализм больше преуспел в осуществлении этих требований "основного экономического закона социализма", нежели то общество, о котором говорится что оно — и только оно! — следует этому закону). Но чего и в неосталинистских рассуждениях об основном экономическом законе недостает, так это опять-таки самого социализма — отличительных, неотъемлемых и неотмыслимых черт социализма. Разумеется, здесь не место перечислять и разъяснять эти черты, достаточно будет остановиться на одной из них — на коренной, определяющей черте социализма как первой фазы коммунизма, чтобы раскрыть смысл всей этой затеи с "основным экономическим законом социализма".

Мы имеем в виду, что в соответствии с "формулой социализма" 1931 года, рассмотренной в предыдущем параграфе, в формулировке "основного экономического закона социализма" 1952 года отсутствует социалистический прин-

цип оплаты труда по его количеству (измеряемому обеими, по природе присущими ему, мерами — длительностью и интенсивностью), но без учета его квалификации. Тем самым в этом "законе" *отсутствует движение к экономическому равенству* - равенству трудовых доходов всех участников общественного процесса труда, складывающемуся на основе и в пределах этого принципа. Равенство это еще неполное, ограниченное остаточными нормами буржуазного права, — социалистическое, а не коммунистическое равенство, но с развитием социализма (и в этом-то состоит социальная суть, если угодно — социальный закон такого развития!) все больше преодолевающее эту свою неполноту, эти экономические неравенства, остающиеся еще при социализме,⁸³ все ближе подходящее к полному коммунистическому равенству. А всякое отклонение от линии расширения и углубления экономического равенства, всякое торможение движения по этой линии и, конечно же, всякое введение новых отношений неравенства после уничтожения унаследованных от капитализма и взамен их, не говоря уже о восстановлении ранее уничтоженных неравенств, — все это искажает и разрушает социалистический характер общественного строя и общественного прогресса. Ибо, в конечном итоге, это создает возможность образования экономически и статусно привилегированного, стало быть, классоподобного слоя распоряжающихся и управляющих "кадров", — слоя, вклинивающегося между трудящимися и средствами производства, которые социалистическая революция передала в собственность трудящимся.

Такое понимание социальной сущности социализма, нацело отсутствующее в "основном законе" Сталина, непосредственно вытекает уже из "Критики Готской программы", написанной Марксом в 1875 году⁸⁴ и впервые опубликованной Энгельсом в 1891 году. И когда в 1890 году в письме К. Шмидту Энгельс назвал две задачи, стоящие перед исследователями социалистического общества: "1) попытаться отыскать способ распределения, с которого следует начать, и 2) постараться найти общую тенденцию дальнейшего развития",⁸⁵ то он исходил из *этого* понимания коренной проблематики социализма.

С тех пор наука о социализме знает, что на первый вопрос ответ дает все большее приближение унаследованной от капитализма системы оплаты труда по его (труда) количеству и квалификации к социалистическому принципу равной оплаты количественно равного труда *независимо* от его квалификации. А ответ на второй вопрос гласит: такое совершенствование и развитие системы распределения фондов потребления, при котором распределение в соответствии с количеством затраченного труда постепенно уступает место распределению по потребности. Поэтому кратко и в наиболее общем, так сказать, алгебраическом виде (т.е. опуская опосредствования и разветвленные пути реализации, а также структуру этапов), но вполне научно закон социалистического экономического прогресса выражается не в социально-бессодержательном сталинском (неосталинском — тож) "основном экономическом законе социализма", а такой, пример-

но, формулой: *на основе совершенствования и развития производства, обобщественного в масштабе целого общества, и соответственного умножения фонда потребления — все более полное* *неукоснительное осуществление экономического равенства всех членов общества, достижимого при системе оплаты труда по его количеству.* Этот закон действителен и в социалистическом обществе и на пути к социалистическому обществу. В уже построенном социалистическом обществе этот закон действует без отклонений. При движении к социализму конкретные исторические обстоятельства, в которых приходится осуществлять строительство социалистического общества, могут, конечно, потребовать тех или иных отступлений от закона, но ограниченных и временных, точно обусловленных и контролируемых. И пониматься, проводиться, преподноситься они должны именно как отступления, как зигзаги на пути социалистического прогресса. Именно претворение в жизнь, шаг за шагом, идеи и идеала экономического равенства — сначала социалистического, а затем и коммунистического, — а стало быть, и закономерности этого претворения, составляют действительную основу, исторический смысл и наиболее глубокое содержание социализма в отличие от капитализма (и от всех более ранних общественных формаций). Именно это определяет место социализма по линии поступательного развития человечества и образует ведущую нить поступательного движения самого социализма как первой стадии коммунизма, ибо именно в этом резюми-

руется движение социализма в направлении коммунизма, рост коммунизма в социализме. Но далее, именно это дает не только отличие от закона капиталистического прогресса, но также и отличие от закона прогресса высшей стадии коммунизма, в которой экономическое равенство, будучи полностью осуществлено, составляет не ведущую и направляющую тенденцию, а исходный пункт, завоеванную человечеством основу, на коей совершается его дальнейший прогресс.

Такова наука, таков марксизм — таков строй социализма согласно науке, согласно марксизму. Социалистическая революция Октября 1917 года и поставила решающим ориентиром строительства социалистического общества экономическое равенство его членов, а первым критерием приближения к социализму — достигнутую меру этого экономического равенства. На историках Советского Союза лежит задача исследовать, через какие этапы прошел и под воздействием каких сил был проведен сталинский отказ от ленинского ориентира и ленинского критерия, ибо "основной экономической закон социализма", сформулированный в 1952 году, имел за своей спиной четверть века эволюции этого отказа при самом Сталине и дал обязательную схему, по которой отказ развивался и в послесталинские четверть века. Мы же здесь отметим лишь две вехи этого полувекового процесса сталинистского вырождения одной из ведущих идей Октября — первую и (на сегодняшний день) заключительную.

Во второй половине 1925 года, в преддверии XIV съезда ВКП(б) и на самом съезде, когда развертывался захват большевистской партии Сталиным, велись горячие внутрипартийные споры о значении и месте лозунга экономического равенства в идеях и деятельности партии по осуществлению программы Октября.⁸⁶ В это время вопрос об экономическом равенстве был на одной стороне поднят (и вполне справедливо) на уровень ключа к пониманию философии нашей эпохи, а на другой, сталинской, стороне был прагматически перетолкован в смысле мелкобуржуазной уравнительности, и в результате такой подмены фундаментальная проблема социалистического равенства была пренебрежительно выкинута из партийной идеологии и большой политики. Так было положено начало "строительству социалистического общества" не по программе и не на путях расширения и внедрения экономического равенства и идеологии такого равенства, а — напротив — на путях подавления тенденций к экономическому равенству и их систематической дискредитации под маркой искоренения "уравнительных тенденций" (с которыми их отождествляли) — словом, на путях политики поощрения и прямого насаждения экономического неравенства.

Но раз начавшись, процесс, который противники Сталина предвидели и против которого они своевременно предостерегали, естественно, набирал силу и темпы и, рано или поздно, должен был привести к той вехе, когда, если не от самого Сталина, то от его наследников, должен был

потребовать ответа на вопрос: "Как можно признавать полностью построенным и даже развитым социализмом (не зачаточным, а именно полностью построенным и развитым!) такое общество, в котором господствует разветвленная и иерархически закрепленная система все нарастающего экономического неравенства — система экономического расслоения, не унаследованного, а самими общественными отношениями порождаемого? Как можно считать социалистическим общество, в котором экономическое неравенство выходит (и преднамеренно выводится!) далеко за пределы тех отклонений от равенства, кои допускаются социалистическим принципом оплаты труда по его количеству?.." Посмотрим ответ неосталинизма нашего времени.

Прежде всего, понятие экономического равенства просто и начисто обходится, как будто не существует ни этого понятия, ни реального явления, им выражаемого; даже словосочетание "экономическое равенство" исключается из употребления. Вместо этого ведется речь о "*социальном равенстве*", которое де присуще советскому полному и развитому социализму. В официальном партийном документе выражение "социальное равенство", кажется, впервые появилось в Программе КПСС, принятой в 1961 году.⁸⁷ А ныне оно в обязательном порядке входит во все многочисленные монографии, брошюры, диссертации о социализме — как категория "научного коммунизма".⁸⁸ Чем только не нагружают эту сколь угодно растяжимую "научную" категорию⁸⁹ — и, конечно же, на первом месте

здесь права, обеспечиваемые в равной мере всем гражданам Конституцией 1936 года... Но что в понятие социального равенства не включается, так это социалистическое экономическое равенство. Когда же приходится говорить об экономическом компоненте "социального равенства", то, например, доктор философских наук А. Курылев поясняет: "Экономическую основу социального равенства составляет социалистическая собственность на средства производства".⁹⁰ Словом, социальное равенство при социализме без, вне и помимо социалистического экономического равенства — в таком виде раскрывается смысл (читай: бессмыслица) сталинского основного экономического закона социализма в неосталинистском понимании и применении.

Но тут уже встает иной вопрос — не теоретический и не философский, а так сказать, политико-психологического характера: Как же получилось, что у людей, претендующих на научность и называющих себя марксистами, из закона существования и развития социализма выпало то, что составляет существо социализма как первой фазы коммунизма? А получилось это потому, что существо социализма как первой фазы коммунизма вовсе и не выпадало — ни по теоретической ошибке, ни по редакционному недосмотру, ни по случайности, — а было *изъято*, преднамеренно изъято — политически преднамеренно. Для чего же понадобилось это, обесмысливающее само понятие социализма, изъятие? Для того, чтобы несоциалистические нормы, требова-

ния, возможности общества, построенного сталинизмом в Советском Союзе, представить социалистическими, и чтобы тем самым в глазах народа, со времени Октября стремящегося к социализму, оправдать ложное наименование, присвоенное Сталиным этому обществу — наименование "построенного социализма". А что такое искаженное понимание социализма разрушает народ в его борьбе за подлинный социализм, ни Сталина, ни неосталинистов не интересует. Как всегда у сталинцев, и это идеологическое ("теоретическое") мероприятие имело весьма прагматическую подоплеку. Подбирая формулировку для основного закона социализма, здесь вовсе не стремятся выразить объективное место, занимаемое социалистическим обществом в историческом процессе человечества, а заботятся о том, чтобы найти административно-юридическую формулу, которая указывала бы, что народ СССР имеет право желать получить от того общественного строя, который официально называет себя полным и построенным социализмом, и что народу не полагается (и, стало быть, запрещается!) требовать...

6. НЕОСТАЛИНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ "РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА"

Мы рассмотрели четыре приема, которыми неосталинисты прикрывают разрыв с марксистским пониманием социализма. Эти приемы — принцип оплаты труда по количеству и качеству, "формула социализма", концепция классового социалистического общества и "основной экономической закон социализма" — были предложены (как мы видели) Сталиным, и его преемники, ничего не меняя в них по существу, только модернизировали их, приспособив к новому месту марксизма в Советском Союзе, новой манере аргументирования и новому партийному языку, да и новой политической злобе дня. Нам осталось заняться пятым неосталинистским приемом, до которого Сталину не довелось додуматься, и который является целиком неосталинистским изобретением. Состоит же он в том, что вместо "построения полного социализма" говорится о "построении реального социализма". При этом понятие реального социализма не противопоставляется понятию полностью построенного социализма, а включает последнее: реальный социализм понимается не как незавершенный и, стало быть, еще неподлинный социализм, а как социализм полный и даже (см. ниже) развитый. Понятие реального социализма должно сочетать реализованность и полноту социализма, должно выражать реализованную пол-

ноту социализма. Это с порога снимает требование сверять экономическую систему, социальные отношения и строй жизни — материальной и духовной — советского общества, выдаваемого за реально-социалистическое, с первой фазой коммунизма, как ее понимали Маркс и Ленин. Существующему в СССР обществу просто *дается наименование* "реального социализма" — и тогда все элементы и черты этого общества остаются подавать как социалистические и задача теоретического определения его социалистичности оказывается "разрешенной" заведомо и автоматически. Официально (следовательно, непререкаемо) провозглашено, что в СССР построен реальный социализм — и партийным теоретикам социализма не остается выбора: вся их задача сводится теперь к тому, чтобы *описать* и наукообразным языком *увязать* между собой закономерно (так положено считать!) реализовавшиеся и, стало быть, единственно возможные (так положено считать!) элементы, процессы, тенденции этого "реального социализма".

Но на деле это означает противопоставление *двух понятий*: понятия реально-возможного и практически осуществляемого социализма и понятия социализма идеально воображаемого и теоретически мыслимого, но реально-невозможного, практически неосуществимого. В таком противопоставлении Маркс и Ленин, по существу, попадают в мечтатели и догматики, т.е. в утописты, а их научный социализм выглядит утопическим социализмом.⁹¹ Здесь неосталинисты не первые и, надо думать, не последние. Не говоря уже о

"государственном социализме" буржуазных катедер-социалистов, в других вариантах изображение социализма, освобожденное от его научного понимания, встречается и выдается за реалистическое в социал-демократических рядах с конца XIX века до наших дней. Правда, прагматический уход от первоначального, исходного понимания социализма делается ими более или менее открыто — как отмежевание от "наивностей", "непрактичностей", "книжностей" Маркса и Ленина, неосталинисты же прячут лицо и шумно клянутся именами Маркса и Ленина. Но весьма поучительно то (и к этому все время приходится возвращаться), что избегая называть имя Сталина, неосталинисты возводят зарождение идеи реального социализма к годам Сталина, к сталинизму как таковому. Уже в цитированном нами труде Института марксизма-ленинизма (руководитель авторского коллектива член ЦК академии П. Федосеев) "Марксистско-ленинское учение о социализме и современность", М., 1975, черным по белому написано:

"Большой вклад в разработку проблем социалистического общества был сделан в 30-е годы... Именно в итоге теоретической деятельности партии в 30-е годы на базе обобщения опыта сложилось более глубокое и конкретное представление о реальном социалистическом обществе как о первой фазе коммунистической формации. Это научное представление, соответствующая основополагающим идеям Маркса, Энгельса, Ленина..."
и т.д.⁹²

Строго говоря, словосочетание "реальный социализм" вообще лишено рационального смысла: как будто мыслимо, чтобы общество было в реальности социалистическим и в то же время не отвечало историческому существу, конститутивным принципам и идеалам социализма, находилось в несогласии, а то и в противоречии с ними. Одно из двух: Либо этому сочетанию надлежит выражать, что уже реализован подлинный, то есть "идеальный", наукой обоснованный и раскрытый, теоретически и исторически необходимый социализм, — тогда оно ненужная и дезориентирующая тавтология, трюизм, и слово "реальный" в нем излишне. Либо словосочетание это призвано провозгласить, что реализация того, что считалось подлинным социализмом, у нас не только не закончена, но не может быть закончена и просто невозможна, — и тогда это словосочетание логически противоречиво, оно представляет собой *contradictio in adjecto*, и слово "социализм" в нем излишне. Спора нет, теоретические представления о социализме (в их числе представления Маркса и Ленина) должны постоянно проверяться, конкретизироваться и обогащаться практикой строительства социализма. Но можно ли, оставаясь на почве науки, дополнять, конкретизировать и обогащать эти представления внесением в понятие социализма элементов и закономерностей, не развивающих те представления, а противоречащих им, перечеркивающих их? Ведь это означало бы естественный и разумный вопрос *о степени* достигнутой реализации социализма в обществе, строящем (или же-

лающем строить) социализм, подменить надуманным и софистическим вопросом о построении некоего общества, в котором социалистические закономерности и идеалы всесторонне, и притом заведомо, обрезаны и искажены, а получившаяся несоциалистическая действительность объявляется реализацией социализма.

Но если словосочетание "реальный социализм" лишено теоретического и, вообще, рационального смысла, то зато оно имеет весьма веский практически-пропагандистский смысл. С помощью привычной, не ахти какой мудреной сталинской казуистики и, конечно же, подтасовывая терминологию марксизма, оно позволяет чуть ли не всякое отступление от движения к подлинному социализму, к первой фазе коммунизма, именовать очередным шагом реального социализма и оправдывать как дальнейший прогресс в построении *этого* социализма. И введенный в оборот партийной, т.е. в нашей стране единственно допускаемой и не подлежащей оспариванию, монопольной литературы, новый термин "реальный социализм" стал каноном неосталинизма.

Все имеет свою логику. Проблема построения социализма, теоретически определяемого отношениями и нормами первой фразы коммунизма, перетолкована и переведена в проблему построения общества, именуемого реальным социализмом, но прагматически определяемого без внимания к этим отношениям и нормам. А логикой такого перевода интерес с ориентирования (и корректирования!) движения к социализму по теоретически намеченному конечному социа-

диетическому результату переносится на само движение. Из *самого* движения, из *его* текущих процессов и достижений черпаются (и *к нему* подгоняются!) определения "реального социализма", а тем самым представления о желаемом и ожидаемом результате. Будем строить, называя это (не задумываясь!) строительством социализма, а то, что в действительности получается и что получится в конечном итоге, будем считать (утешительно!) реальным социализмом — таков смысл этой логики. В сущности, это старая и давно отвергнутая революционным социализмом логика всякой социал-демократической ревизии марксизма — логика, согласно которой "движение — все, а то, что обычно называют конечной целью социализма, — ничто".⁹³

XX съезд партии, казалось, открыл возможность теоретических рассуждений и обсуждений на тему социализма в СССР. Однако, в идеологическом климате хрущевщины⁹⁴ сталинский прагматизм почти тут же взял верх. Так, уже в мае 1957 года под его знаком проходило широкое совещание научных и практических работников Москвы и других городов по вопросу о законе стоимости в СССР.⁹⁵ Но аргументация реально существующими в СССР отношениями, как заведомо социалистическими, еще не знала эпитета "реальный". Впервые, и притом сразу на максимально авторитетном уровне, этот эпитет был официально провозглашен лишь в 1961 году, в программе КПСС, принятой XXII партсъездом: "Человечество получило реально существующее социалистическое общество" — говорится

в этой программе (часть первая, гл. 2-я). Однако, и после этого еще долго идея реального социализма оставалась без внимания, — не встречаем мы ее и на XXIII съезде КПСС. И вот разразилась Пражская весна 1968 года с ее программой "социализма с человеческим лицом", противопоставленной сталинскому якобы — социализму СССР и тем самым разоблачившей неистинность последнего. Неосталинизму понадобилось срочно выступить с категорическим ответом. Члену Политбюро КПСС и главному теоретическому авторитету партии Суслову поручено было воспользоваться докладом к 150-летию со дня рождения Маркса, чтобы дать формулировку, отметающую самую возможность сомнений и споров. И в мае этого года Суслов возвещает, что "в СССР построена первая фаза коммунизма — социализм".⁶⁶ Какое же еще требуется человеческое лицо, раз уже реализован коммунизм в первой его фазе?.. Однако, в докладе по поводу Маркса Суслов не решился употребить выражение "реальный социализм", чуждо звучащее для марксиста.

Но *время требовало* этого нового выражения — уход от Маркса и Ленина зашел уже так далеко, что говорить о социализме в СССР становилось невозможно, не добавляя оправдывающего имени прилагательного "реальный". И через год, в июне 1969 года идея реального социализма и самый этот термин были включены в речь генерального секретаря ЦК КПСС, произнесенную на международном совещании коммунистических и рабочих партий, т.е. адресованную комму-

нистическому движению всего мира. В этой речи читаем:

"Подлинный интернационализм проявляется и в поддержке реально существующего социалистического общества со стороны всех братских партий". И: "не удивительно, что правые лидеры социал-демократии пытаются дискредитировать реальный социализм, построенный или строящийся народами большой группы стран под руководством коммунистов".⁹⁷

Как видим, здесь уже найдена завершающая формулировка: реальным социализмом охватывается не только результат (построенное общество), но и процесс (строительство общества), т.е. фактически признается, что заведомо строится не то общество, которое, следуя *идеальным* наметкам Маркса и Ленина, коммунисты считали социалистическим, а некое отличное от него реально-социалистическое общество.

На XXIV съезде, весной 1971 года, в отчетном докладе ЦК, выражением "реальный социализм" были подытожены достижения СССР ("Идеи коммунистов дали значительные всходы в практике реального социализма".⁹⁸), и это повторное напоминание, снова вставленное в выступление генерального секретаря, не могло не прозвучать как директива парттеоретикам. Как и положено, первыми, и притом в порядке номенклатурной иерархии, надлежало вступить в игру главарям теоретического фронта, статьями в журнале "Коммунист" указывая цель, давая сигнал и открывая дорогу. Член Политбюро Су-

слов в программно-го характера статье пишет:

"Важным является теоретическая разработка проблем, раскрывающих во всей полноте все аспекты того, чем реально является социализм по сравнению с прошлым... Нам нужны глубокие научные знания реальной социалистической действительности".⁹⁹

Вслед за этим секретарь ЦК Пономарев в столь же программной статье (но сделанной не в позитивном, а в полемическом ракурсе) ставит перед теоретическими кадрами задачу разоблачения "нападок на реально существующий социализм" и, вообще, борьбы с "противниками реального социализма", из которых первыми (совершенно в духе и в страхах сталинизма), объявляются троцкисты и неотроцкисты.¹⁰⁰ И никого не удивит, что после члена Политбюро и секретаря ЦК буквально вся штатная и внештатная советская литература о социализме, претендующая на научность и теоретичность (как, разумеется, и та, что ограничивается ее пропагандистским пересказом) сводит проблематику социалистического общества к проблемам "реального социализма" СССР, отождествляя понятие социализма с новым понятием "реального социализма". Из этого множества выходящей в настоящее время в СССР литературы, в которой к месту и не к месту вставляется выражение "реальный социализм", достаточно будет назвать все ту же упоминавшуюся выше книгу "Марксистско-ленинское учение о социализме и современность", М., 1975. Это, повторяем, коллективный

труд Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, сделанный под руководством члена ЦК акад. И. Федосеева, следовательно, труд вполне официальный, установочный. И в нем читаем:

"Как общественный строй реальный социализм доказал свою жизнеспособность и сейчас убедительно демонстрирует свои величайшие преимущества перед капитализмом" (стр. 3).

(Л.З.: Реальный социализм понимается уже не как реализация строя социализма, а как сам по себе "общественный строй реального социализма"!)."Реально существующий социализм — это воплощение в жизнь марксистско-ленинского учения" (стр. 12). И вслед за этим полемика: "Современные антикоммунисты преднамеренно создают некую "завышенную" модель социализма, чтобы затем доказывать, что с нею не согласуется действительность в социалистических странах" (стр. 97). Пожалуй, невозможно лучше охарактеризовать не просто заниженный, но предельно выхолощенный "социализм" неосталинистов, чем они сделали это сами в этой фигуре нападения на первую фазу коммунизма как на завышенную модель социализма. Циничная фигура нападения оборачивается беспомощной фигурой обороны. Это в 1975 году. Но мы помним 60-е годы, когда неосталинизм только еще искал для себя наукообразное оформление и был, если не добросовестнее, то хотя бы стыдливее. Тогда один из его авторитетных теоретиков, член-корреспондент АН СССР А. Пашков, писал:

"Верно, конечно, что говоря о социализме, основоположники научного коммунизма имели в

виду более высокую степень развития социалистического общества, чем это имеет место ныне в СССР и в других странах социализма".¹⁰¹

Как следует из изложенного, по своей сути и по своему происхождению идея реального социализма равнозначна тому, что курс на социализм (и само понятие социализма) строится не исходя из научно определенного исторического места социалистического общества и, стало быть, из научно же определенной конечной цели этого общества, — но исходя из эмпирически складывающегося процесса движения без научно ориентированной социалистической цели этого движения, которая здесь оказывается замененной произвольно назначаемыми и конъюнктурно меняющимися частными "задачами". Но в самом движении, оставаясь в его пределах, можно найти лишь один отправной пункт и лишь одну опору для объяснения и оправдания этого движения, именно — последовательность его переходящих один в другой этапов. И естественно, что концепция реального социализма возникла и должна была сложиться не иначе как в виде концепции его этапов. Если можно говорить о *теории* реального социализма, то иного содержания эта незамысловатая теория и не может иметь, — иного содержания, кроме периодизации, т.е. расчленения его *истории* на этапы и сопоставления признаков и критериев, которые удобно (а точнее: которые положено!) приписывать им. Так оно в действительности и получилось.

В сегодняшней советской литературе почти общепринята следующая периодизация социализма как реального социализма СССР:

1. Период строительства "фундамента социализма" — время первой пятилетки, кончая 1932 годом;¹⁰²

2. Период строительства "социализма в основном", завершившийся в годы 1937-1938 "полной победой социалистической системы хозяйства";¹⁰³

3. Период строительства "развитого социалистического общества", завершившийся к 1970 году;

4. Период "совершенствования" построенного развитого социализма и "создания материально-технической базы коммунизма", длящийся
¹⁰⁴
и в наши дни.¹

Мы не можем здесь заниматься экскурсами в историю СССР. Не будем мы обсуждать вопрос о том, в какой мере позволительно (и позволительно ли вообще) в стране с преобладающим крестьянским населением считать фундаментом социализма деревню, до предела разоренную, до смертельного голодания (с явлениями людоедства) доведенную сталинской сплошной коллективизацией, и полуголодное карточное снабжение города; начатки современной индустриализации с предельно низкой производительностью и культурой труда и начатки же приобщения жизни широких масс к требованиям и возможностям современной цивилизации; паспортную

систему, исключаящую для трудового населения свободу выбора места жительства и работы, и т.д. *Не будем мы также обсуждать, допустимо ли считать полностью построенным социализмом советское общество 1937-1938 годов, в котором десятки миллионов отбывают свое участие в общественном ("социалистическом") производстве на положении заключенных в лагерях принудительного труда или в ссылке, куда они насильственно выдворены из родных мест, а почти все остальное население, до предела бесправное, запуганное и усмиренное, стонет в физических и моральных муках под тоталитарным произволом властей и политическим террором.* Но если первые этапы так называемого реального социализма мы можем здесь оставить без рассмотрения, то на развитом реальном социализме, ради оправдания которого и возникла сама идея и мастерится сама теория реального социализма, следует несколько задержаться.

Что же такое представляет собой этот развитый реальный социализм, утверждение которого в СССР обязаны признавать и исповедовать нынешние советские граждане? До сих пор многочисленные и всех рангов теоретики и проповедники развитого социализма не могут назвать ни одной черты, наличием которой этот их этап развитого социализма отличается от этапа неразвитого, скажем — этапа "полной победы социалистической системы". Ни одной черты, которой еще не было на том предыдущем этапе и которая свидетельствовала бы о приближении к высшей фазе коммунизма — к коммунистиче-

скому строю хозяйства, коммунистическому принципу возмещения труда, коммунистическим общественным отношениям, коммунистическим порядкам жизни. Таких новых черт в так называемом развитом социализме и невозможно назвать. Его превосходство над прошлыми этапами не в качественном и качественно-определенном совершенствовании социализма, т.е. не в степени коммунистичности. Это превосходство может быть выражено лишь в формулах количественного сравнения, а по сути дела все в одной и той же универсальной формуле, сакраментально долженствующей на все дать ответ: "дальнейшее улучшение". Дальнейшее сближение двух форм общественной собственности. Дальнейшее совершенствование управления экономикой. Дальнейшее развитие и внедрение достижений научно-технической революции. Дальнейший рост производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве. Дальнейшее сближение умственного и физического труда. Дальнейшее совершенствование принципа "от каждого по его способностям — каждому по его труду". Дальнейшее развитие социалистического соревнования. Дальнейшее повышение материального благосостояния и культурного уровня населения. Дальнейшее совершенствование и еще более эффективное использование товарно-денежных отношений. Дальнейшее укрепление и углубление союза и дружбы двух классов, а также социальных прослоек общества. Дальнейшее повышение морально-политического единства и марксистско-ленинской идейности народа. Дальнейшее распро-

странение и укрепление роли всенародного государства. Дальнейший рост (и это уже прозрачная дань времени!) социалистической демократии. И т.д. А обобщает и все венчает: дальнейший рост роли коммунистической партии во всех сферах жизни.

Конечно, при этом вуалируется и замалчивается тот факт, что, например, по разворачиванию научно-технической революции, по производительности труда и его культуре, по эффективности хозяйствования, по благосостоянию трудового народа, по объему гражданских прав населения и, вообще, по демократичности политического строя и общественной жизни страна "развитого социализма" оказывается значительно позади передовых стран капиталистического мира, а в известных отношениях этот разрыв со вступлением страны в этап "развитого социализма" все увеличивается.¹⁰⁵ И испытанный метод скрывания этого факта (особенно там, где самый факт невозможно отрицать) это — из зла делать добродетель. Вот два наглядных примера: Отказ от кардинального марксистского положения, неоднократно повторявшегося Лениным, что социализм это строй более высокой, чем при капитализме, производительности труда и что в этом-то решающее историческое оправдание социализма — решающее его историческую судьбу.¹⁰⁶ И второй пример: шумная фальсификации понятия социалистической демократии, когда в него включаются и "выборы" с одним кандидатом, и система авторитарного управления экономикой и всей, вообще, жизнью об-

щества, и уголовные преследования за инакомыслие и политическую критику, и отсутствие гласности и свободы выражения мыслей, и паспортная система с порядками прописки, ограничивающими выбор места жительства, не говоря уже об отсутствии права на выезд из страны и возвращения в нее, и разного рода национальные дискриминации и т.д. - и все такие отступления от завоеваний даже буржуазной демократии выдаются, а то и превозносятся как превосходство над буржуазной демократией.

Но для понимания того, что собой представляет строй так называемого развитого социализма в СССР, и того, какой действительный смысл кроется за теоретическими обоснованиями и оправданиями этого строя, важны не столько растворение проблемы в бессодержательных формулах "дальнейшего улучшения" и не столько уклонения от рассмотрения места, занимаемого этим строем в поступательном движении современного человечества. Важно *прежде всего* то, *чего мы не находим* в перечнях черт и признаков, которыми характеризуют этот "развитый социализм". А не находим мы в них: ни исчезновения классового деления общества; ни перехода и даже подступа к ликвидации того экономического и статусного неравенства, которое выходит за пределы неравенства, неизбежного при социалистическом принципе оплаты труда по его количеству; ни курса на избавление экономики от уз товарно-денежных отношений; ни очищения моральных основ и норм жизни от комплекса частнособственничества с его стяжательством и

накопительством, с его культом материального обогащения и растущим на его основе эгоизмом; ни воспрепятствования социальной дифференциации общества — образованию (наряду с унаследованными классами) социально разделенных и закрепленных классово-подобных слоев и групп; ни независимости интеллектуальной жизни и свободы духовного творчества; ни процесса отмирания государства и бюрократии и отступления на задний план всех политических институтов и организаций, в том числе партии. И т.д. ... Но отсутствуют эти черты в описаниях так называемого *развитого* (!) социализма по простой причине: их нет в его реальной действительности — в реальном развитии социализма СССР. Между тем, именно эти черты (и *обязательно* они!) необходимы, чтобы наименование "развитый социализм" могло иметь рациональный смысл — социализма, переходящего в высшую фазу коммунизма.

Конечно (и справедливость требует, чтобы это было отмечено), посреди разгула монолитного лицемерия и безмыслия нет-нет и всплывает особое мнение. Встречается, например, теория, что развитый социализм это еще не высший этап социализма, непосредственно ведущий в коммунизм, а что между ним и коммунизмом обществу предстоит пройти этап "высокоразвитого социализма".¹⁰⁷ Можно встретить и утверждения, что развитый социализм это еще не полный социализм, что в ряду этапов социализма полный социализм стоит не дальше от коммунизма, чем развитый (как о том говорит принятая

в СССР периодизация социализма), а ближе, так что для Советского Союза, проходящего ныне через период развитого социализма, полный социализм — дело будущего.¹⁰⁸ Конечно, все это не противостояние неосталинизму, а лишь корректирующие варианты некоторых (совсем немногих!) из его устыдившихся адептов, попытка уклониться от ответственности за слишком уж нестерпимые издевательства над Марксом и Лениным.

Впрочем, среди неосталинистских теоретиков социализма есть и такие, которых официальная версия развитого социализма не удовлетворяет с другого конца — они видят в ней не переоценку, а недооценку исторического места развитого социализма. Это прежде всего те (а их не так уж мало!), что ставят этап развитого социализма выше самого социализма, выводя его за пределы низшей фазы и объявляя его "средней фазой" коммунизма.¹⁰⁹ Слова "средняя фаза" они нашли у Ленина в работе "Детская болезнь левизны в коммунизме", написанной весной 1920г. В споре с тогдашними германскими "левыми" о природе партийности с точки зрения коммунизма, Ленин сказал, что в своих рассуждениях они "делают прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма" (ПСС, т. 41, стр. 27). И этот полемический литературный оборот, ни до, ни после, нигде и никогда Лениным больше не употребленный (как и само выражение "средняя фаза"!), выдается за пересмотр Лениным фундаментального учения Маркса (да и его соб-

ственного!) о двухфазности коммунистической общественной формации. Здесь перед нами один из тех случаев, когда словесный педантизм делает неосталинистское теоретизирование просто комичным...

Однако, в наше время партийная установка КПСС, а, стало быть, официозная советская литература отклоняет как упреки в переоценке, так и упреки в недооценке места развитого социализма на пути к коммунизму. Еще до появления выражения "развитый социализм" для определения нынешнего периода истории СССР было пущено в ход выражение "развернутое строительство коммунизма".¹¹⁰ Когда позднее заговорили о развитом социализме, было естественно, что его реальным содержанием объявили это, уже вошедшее в политический словарь, "развернутое строительство коммунизма" — и им же определили его историческое место: дескать, развитый социализм это социализм (или, если угодно, тот этап социализма), когда, после его полного построения, совершается *развернутое строительство коммунизма*. Но картина так называемого развитого социализма СССР ни в ее фактическом содержании, ни в ее изображении официальной литературой КПСС не содержит никаких критериев приближения к коммунизму, никаких конкретных признаков такого приближения. Слова о "развернутом строительстве коммунизма" это только слова — словесная декларация, хвастливая и высокопарная, безответственная и дезориентирующая.¹¹¹ Но таковы же слова о "разви-

том социализме", который должен выступать в качестве высшей, завершающей ступени общества, именуемого "реальным социализмом", а в действительности представляет собой общество с *исчезающей* социалистичностью -- общество уже давно не реального социализма, а говоря проще, общество лжесоциализма.

* * *

7. НЕОСТАЛИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Мы рассмотрели все пять официально признанных в СССР приемов, пользуясь которыми неосталинизм прикрывает отход советского общества от социализма и изображает это несоциалистическое общество социалистическим: принцип оплаты труда по количеству и качеству, "формулу социализма", концепцию классового социалистического общества, "основной экономической закон социализма" и концепцию "реального социализма". Но в настоящее время существует еще один, шестой, прием, изобретенный неосталинистскими идеологами, но не апробированный верхушкой КПСС, — хотя и не осужденный ею. Он состоит в том, что на уровне высокой теории социализм преподносится как самостоятельная общественно-экономическая формация. Прием этот появился еще до концепции реального социализма, но не был вытеснен последней, а вот уже с десятков лет в разных оформлениях находит себе место в коммунистической литературе наряду с нею и переплетаясь с нею. Он (повторяем) выступает пока что на положении более или менее вольного эпизода в истории антимарксистского теоретизирования в

советской компартии. Мы говорим "пока что", так как, учитывая направление и тенденцию эволюции сталинской теоретической мысли, нельзя быть уверенным, что и этот, совершенно уж откровенный, разрыв с марксизмом не проложит себе раньше или позже дорогу на скрижали так называемого "научного коммунизма". Во всяком случае, ознакомление с этим вариантом неосталинистского теоретического творчества раскрывает еще с одной, и притом поучительнейшей, стороны тему настоящей статьи о социализме и неосталинизме.

Для начала напомним старую истину: сказавший "А" раньше или позже скажет "Б". Если из формулы социалистического экономического прогресса исключается его коммунистический стержень — движение к экономическому равенству, и если при этом (как то предложил Сталин, а у него переняли неосталинисты) строится "основной экономический закон социализма" *наряду* с "основными экономическими законами" капитализма и других общественно-экономических формаций, а действительная жизнь общества, именуемого "полным социализмом", резко и во многом вызывающе разошлась с тем, каким социализм желают видеть люди, боровшиеся за него, с картиной первой фазы коммунизма, какой она от Маркса и Ленина вошла в народное сознание, — то, в конце концов, логика жизни и логика апологетической пропаганды неизбежно приведут к отрыву социализма от коммунизма. И действительно, уже в середине 60-х годов в советской литературе появляются предложения

считать социализм не низшей фазой коммунистической общественно-экономической формации, а *самостоятельной вне- и докоммунистической формацией*, которая в исторической последовательности сменяющих одна другую формаций располагается между формацией капиталистической и формацией коммунистической. У этой промежуточной между капитализмом и коммунизмом формации свои, ей одной присущие, производственные отношения и трудовые порядки, экономические законы, общественно-политический строй, правовые и этические принципы, представления о культуре, характер и место интеллигенции, жизненные установления и нормы. И в качестве такой, исторически закономерной и необходимой "социалистической формации" выставляется советское общество.

Кажется, первым выступил с этим влиятельный в то время советский хозяйственный деятель и политэконом И. Малышев. Дело было в 1966 году,¹¹² а летом 1967 года журнал ЦК КПСС "Коммунист" в разделе, посвященном 100-летию "Капитала" К. Маркса, публикует (*не в дискуссионном порядке!*) статью автора из ГДР *Отто Рейнхольда*, в которой новая концепция социализма высказана полным голосом. Социализм, — читаем мы в этой статье, —

"представляет собой общественный строй с присущими ему законами, а не короткую переходную фазу на пути к коммунизму. Социализм — исторически сложившееся единство производительных сил, производственных отношений и общественной надстройки, иными словами, общест-

венно-экономическая формация в ее марксистском понимании".¹¹³

И в сентябре того же года уже сам лидер немецких коммунистов *Ульбрихт* формулирует "главный вывод, к которому мы пришли":

"Социализм — относительно самостоятельная социально-экономическая формация в историческую эпоху перехода от капитализма к коммунизму в мировом масштабе". И тут же поясняет: "... раньше, особенно исходя из заметок Маркса к Готской программе, было принято рассматривать социализм только как переходную фазу... для второй фазы — коммунизма, мало принималось во внимание, что социализм развивается на своей собственной основе", и рассуждает о задачах по строительству "социалистической формации".¹¹⁴

В КПСС этот отказ от Маркса и Ленина в понимании исторического места социализма и, тем самым, в определении исторической задачи социалистического строительства (строить не первую фазу коммунизма, а его некоммунистические предпосылки) не получил официальной поддержки партийного руководства, как, впрочем, и официального неодобрения. Но наши партийные идеологи¹¹⁵ ухватились за него как за способ избавиться от нелегкой необходимости придумывать (надумывать!) теоретические согласования марксистско-ленинского учения о социализме с противоречащей ему советской действительностью.

Когда, например, один читатель (надо думать, не единственный) письмом в редакцию "Коммуниста" высказал недоумение по поводу напечатанной и, стало быть, рекомендации статьи Рейнхольда, то в 1968 году он получил следующий ответ редактора экономического отдела Сакова (ответ этот не опубликован) :

"Вы считаете, что положение о социализме как о самостоятельной общественной формации является отступлением от марксизма и его следует считать ошибочным. Мы не считаем, что такая оценка была бы справедливой... Теперь, когда социалистический способ производства существует и развивается более полувека, было бы, конечно, совершенно недостаточно ограничиваться общей характеристикой социализма только как "низшей" и "незрелой", "неразвитой" ступени нового общества. Жизнь свидетельствует, что социализм имеет вполне самостоятельное историческое значение и занимает определенное место в поступательно-прогрессивном развитии общества... Сегодня вполне правомерно характеризовать социализм как новую, сложившуюся социально-экономическую формацию, не прибавляя эпитетов "низшая", "незрелая" и т.д. Такая позитивная характеристика нисколько не противоречит тому марксистскому положению, что социализм представляет собой первый вид нового общества, который закономерно развивается в высшую его фазу, в полный коммунизм".

А в 1969 году член-корреспондент АН СССР, весьма чуткий к колебаниям идеологического

(да и просто пропагандистского климата), но вместе с тем приученный к осторожности в выборе терминологии, Л. Леонтьев пишет:

"Нельзя рассматривать социализм как какой-то кратковременный этап, как некий полустанок на трассе, ведущей от капитализма к коммунизму, как гибридную структуру, в которой действуют законы, представляющее нечто среднее между законами капитализма и законами коммунизма. Зрелое социалистическое общество, развивающееся на своей собственной, самим социализмом созданной основе, представляет собой определенную общественно-экономическую систему, функционирующую по своим собственным объективным экономическим законам. Развернутая общественная система социализма существует и развивается на протяжении длительной исторической полосы, в течение которой происходит накопление предпосылок коммунизма". И резюмирует: это "...понимание специфической природы социалистического хозяйственного строя в последнее время все отчетливее прокладывает себе путь в марксистско-ленинской литературе не только в СССР, но и в других социалистических странах".¹¹⁶

Однако, как ни заманчиво было для сокрытия разрыва сталинистского общества с социализмом и для маскировки этого общества под социализмом вырвать само понятие социализма из коммунистического контекста, из понятия коммунистической общественной формации, но такое откровенное отмежевание от Маркса и Ле-

нина должно было шокировать политическую верхушку партии, изображающей себя блюстителем заветов Маркса и Ленина. Правда, Маркс прямо не называл первую фазу коммунизма социализмом, зато это многократно и неустанно делал Ленин и до и после социалистической революции — делал это в строгом соответствии с идеей Маркса. С другой стороны, смущало, вероятно, и то обстоятельство, что универсальная традиция социал-демократизма, да и самая суть социал-демократического понимания социализма состоит в противопоставлении социализма коммунизму — противопоставлении, естественным образом, выливающимся в антикоммунизм: за социализм, но такой, чтобы без и против тенденций к коммунизму. Ведь никто иной как Карл Каутский называл коммунизм "благочестивым пожеланием".

В этих политических условиях спасительное положение о социализме как самостоятельной вне- и докоммунистической общественно-экономической формации не могло удержаться в чистом виде. Неизбежно должны были появиться компромиссы. Вот, к примеру, один из них — с претензиями на научную строгость: Я. Кронрод, в полном согласии с официальными указаниями, признает развитым социализмом общество Советского Союза. Но социализм он определяет не как самостоятельную общественную формацию, а как исторически-первый способ производства, которым открывается "эра коммунизма", и который, будучи вполне самостоятельным как способ производства, предшеству-

ет собственно-первому коммунистическому способу производства.¹¹⁷ То есть, противоречащее марксизму принципиальное обособление социализма от коммунизма и их противопоставление Кронрод смягчает тем, что обходит вопрос о формациях и, вместо последовательных фаз единой общественно-экономической формации, говорит о разнородных, но тоже последовательных, способах производства в пределах единой исторической эры.

Компромисс Кронрода, кажется, единственный, пытающийся придать положению о самостоятельности социализма в отношении коммунизма наукообразный вид. Другие компромиссы это, собственно, и не компромиссы, а либо откровенные уходы от проблемы,¹¹⁸ либо уходы, завуалированные словесными и терминологическими выкрутасами.¹¹⁹

Такова линия того перетолкования понятия социализма советскими коммунистами, которое выделяет социализм из коммунизма и разделяет их как две самостоятельные общественно-экономические системы. Принципиальную сторону этой линии предпочитают растворять и камуфлировать в перечислениях эмпирических признаков и в фигурах умолчания, но не может подлежать сомнению, что здесь перед нами логическое завершение той политической и, если угодно, "теоретической" тенденции, которую мы видели в сталинском "основном экономическом законе социализма". Более того, эта линия дает наукообразную социологическую и историческую канву, а то и основу, для такого закона. Ибо те-

перь закон этот выглядит ни больше ни меньше как специфический закон особой и самостоятельной общественно-экономической системы (формации, способа производства, фазы общественного развития и т.д.) — и в этом находит себе обоснование и оправдание.

Встает вопрос: чем же вызван законченный (при всех оговорках и маскировках) разрыв с Марксом и Лениным в таком кардинальном из кардинальных вопросе как существо социализма и место социализма в истории поступательного развития человечества? Чтобы решиться на такой шаг должны быть веские основания. И они, действительно, имеются. Требуется представить народам ответ на вопрос: Почему после полувека строительства социализма, из которых уже треть века в уже полностью построенном социалистическом обществе, живущем и развивающемся (как полагается считать) по законам социализма, это общество не прониклось сколько-нибудь заметно коммунизмом и не подошло сколько-нибудь близко к коммунизму? Не подошло к коммунизму ни по характеру производственных отношений, ни по формам и отношениям труда, ни по типу экономической, политической и административной организации, ни по нормам и морали общественной и частной жизни, ни по житейским и духовным вопросам и идеалам — коротко говоря, по всему тому, что может быть выражено простыми, понятными народу словами: "экономическое равенство и господство идеи экономического равенства". Где в нашем обществе те элементы коммунизма, ко-

торые, если верить Марксу и Ленину, должны были сложиться на первой его, социалистической, фазе, и развитие которых только и может составить содержание вот уже сколько лет возвещенного у нас начала строительства коммунизма? Они ораторствуют и декламируют, внушая веру, а может быть, и веря в магию слов и названий, но это все слова и наименования всуе: таких исходных элементов коммунизма в нашем обществе почти что и нет, конкретно указать их невозможно.

И тут должна выручить теория, что социализм — это вовсе не первая фаза коммунистической общественной формации; что это особый и отличный от коммунизма общественный организм, исторически помещающийся вне коммунизма, между формациями капиталистической и коммунистической; и что содержание и историческая миссия социалистического строительства это — вовсе не становление и совершенствование элементов коммунизма при его восхождении с низшей на высшую ступень, а всего лишь "накопление предпосылок коммунизма" (подобно тому как развитие капитализма накопило предпосылки социализма?). Леонтьев сказал это прямо, другие говорят то же — обиняками.

Такова пропагандистская и, если угодно, идеологическая сторона дела. Но к этому можно подойти и с другой стороны, так сказать, с познавательной. В самом деле, если обязательно (в порядке внешнего ли, внутреннего ли принуждения) называть и считать общество, которое в нашей стране построил сталинизм, социа-

диетическим, и если поэтому определения социализма брать из познания *этого* общества, то что же такое социализм? Разумеется, не капитализм, но и не первая фаза коммунизма. Ведь ни коммунистически-значимых клеток и органов, ни перспективно развивающихся зародышей коммунизма нет ни в анатомии, ни в физиологии нашего общества. Не случайно в его так называемый "основной экономический закон", как он сформулирован Сталиным и сохраняется неосталинистами, не входит прогресс в экономическом равенстве членов общества;¹²⁰ сама идея такого равенства считается предосудительной, а выступление против усиления экономического неравенства — криминальным. И естественно, что более или менее объективное изучение фактического строения и функционирования этого общества приводит к заключению, что это какое-то особенное общество, завершающее капитализм, но не открывающее коммунизм, — общество, которого Маркс и Ленин не предвидели. И здесь, пожалуй, позволительно сказать, что *в этом отношении* цитированные выше авторы говорят правду *о нашем* обществе, каким оно в действительности является и каким они желают его дальше строить. Но если в *этом* (и только в этом!) они и правы, то *только* против тех начетчиков сталинской ортодоксии и рыцарей сталинского фарисейства, которые это общество так называемого "полностью построенного социализма" продолжают именовать первой фазой коммунизма. Но *не* против понимания социализма Марксом и Лениным.

В прагматической и конъюнктурной аргументации этих авторов не содержится ничего, что могло бы опровергнуть глубоко и всесторонне обоснованную марксистско-ленинскую концепцию исторического развития человечества, которой коренным образом противоречит самая мысль (не говоря уже о необходимости) существования некоей послекапиталистической неантагонической ("социалистической" — как они ее называют) общественной системы в качестве завершающей докоммунистическую историю человечества — его (по слову Маркса) предысторию. И если на протяжении десятилетий между капитализмом и коммунизмом (а говоря точнее — между капитализмом и первой фазой коммунизма) выросло и вклинилось особое, некапиталистическое и некоммунистическое общество, то это произошло не в силу закономерной исторической последовательности общественно-экономических формаций. Эволюция человечества не требует такого звена в своем поступательном шествии и для такого шествия. Поскольку это звено возникло, на это имелись, конечно, реальные исторические причины. Но возникло оно и существует как чужеродное и искусственное образование, нарушающее, извращающее, разъедающее естественный ход социальной эволюции — и, в результате, задерживающее его и во многом существенно отбрасывающее назад. И строится это звено, и держится оно насилием над людьми и над материальными производственными силами, над страной и силами ее прогресса — объективными и субъективными, над историей — национальной и мировой.¹²¹

На этом можно закончить рассмотрение шестого по счету (хотя еще официально не признанного) из приемов, которыми неосталинисты пользуются, чтобы фальсифицировать марксизм, и в то же время, выдавая себя за марксистов, представить несоциалистический советский общественный строй социалистическим. Подчеркнем разве еще лишь следующее: если откровение Сталина об основном экономическом законе социализма, с которым этот прием логически связан, ничего не говорит и намеренно исключает то, что такой закон (если он существует) должен был бы говорить о месте социализма в истории человечества, то откровение неосталинистов о социализме как о самостоятельной, особой от коммунизма, общественной системе (формации, способе производства, фазе общественно-экономического развития...) превратно представляет это место. И делает это, конечно, тоже преднамеренно.

* * *

8. НЕОСТАЛИНИЗМ И ВОПРОС О СОЦИАЛИЗМЕ В ОДНОЙ СТРАНЕ

1

Когда Ленин в первые годы революции употреблял выражение "развитое социалистическое общество",¹²² он говорил о будущем того общества, на строительство которого большевики повели Россию, руководствуясь представлением о нем, уже задолго до того выработанным наукой. "Эта задача решена," — сказал Ленин в феврале 1920 года, имея в виду задачу определения существа и облика социализма, как первой фазы коммунизма, — определения конституирующих и неотмыслимых черт социализма, развивающегося уже не на унаследованной от капитализма, а на собственной социалистической основе. И, как показано в настоящей статье, неосталинистский развитый реальный социализм по всем существенным линиям противоречит этому определению. В нем отвергается и осуждается социалистический принцип оплаты труда по его количеству, и общественные и личностные отношения формируются искусственной (в значительной мере произвольной) системой иерархически неравной оплаты количественно равного труда. Национализация средств производства (в их числе -- и земли) построена на их огосудар-

ствлении; так называемая общественная собственность на средства производства, чем дальше тем больше, представляет собой не подвластную народу и народом управляемую, а подчиняющую себе народ, автократически управляемую государственную собственность. Вместо уважения и поощрения экономического равенства, морали бескорыстия и социального товарищества, — под елейным ярлыком "личной собственности" культивируется и стимулируется частная собственность и антисоциалистическая мораль личного обогащения, приобретательства и накопительства. Вместо бесклассовости общества, открывающей всем его членам равные жизненные возможности — материальные и социальные — для формирования и развития в себе многообразно дифференцированных человеческих индивидуальностей, — растет социальная (имущественная и статусная) дифференциация населения, его классовое и классоподбно закрепленное расслоение, питаемое иерархической градацией привилегий (в значительной мере наследуемых) и убивающее духовную свободу и индивидуализацию человеческой личности. Экономический механизм работает при помощи товарно-денежных отношений, не вытесняемых и отмирающих, как того требует социализм и переход от социализма к коммунизму, а иррационализированных и в такой извращенной форме все более внедряемых и закрепляемых.¹²³ Идея и система социалистической демократии выхолощены и извращены до такой степени, что члены общества лишены даже тех гражданских прав, ка-

кие человечество завоевало в капиталистический период своей истории.¹²⁴ В изгнании и вытравлении демократии из дел государственных и общественных применяется система однопартийности, развивавшаяся из диктатуры пролетариата (вопреки социалистическому замыслу и социалистическим задаткам этой последней) в диктатуру иерархически построенной привилегированной и преуспевающей касты бюрократии ("номенклатуры"). В диктатуру, которая в принципе и в реальности непримиримо противостоит представлению Маркса-Ленина о "государстве-коммуне" и об отмирании государства (а вместе с ним и политических партий) - и опирается, с одной стороны, на отсутствие в политической системе какого-либо объективно и нормально действующего механизма замены и обновления руководящих кадров, с другой стороны — на плебисцитарную поддержку политически пассивных и в бессловесности воспитываемых ("обесловленных" — по выражению поэта) масс, а с третьей стороны, попросту на аппарат госбезопасности да военную машину.

И все это насаждается и охраняется при помощи монопольной государственно-партийной (читай: правительственной) директивной идеологии, которая органически растет из этой политической системы и служит ей как ее собственный элемент и обязательное орудие.

Как же могло получиться, что в стране, открывшей эру социалистической революции и в годы Ленина успешно сделавшей, хотя и первые, но вполне определенные и перспективные шаги на пути к подлинно развитому социализму, что в этой стране начавшееся движение к социализму сведено на нет и под наименованием развитого реального социализма утвердилось общество далеко не социалистическое и не развивающееся в социализм, закрывающее пути к социализму?

В настоящей статье показано, *как* шел этот процесс и как шло его политическое, идеологическое и (да позволено будет употребить здесь такое слово) теоретическое прикрывание, но она не ставит себе задачей объяснить, *почему* процесс возник и привел к такому результату. Чтобы это объяснить, требуются другие исследования — как для раскрытия социально-исторических предпосылок и обстоятельств становления и развития СССР из царской России начала нашего века, так и для выявления характерных, определяющих этапов ухода советского общества от пути к социализму и логической обусловленности смены этих трагических этапов. Но сопоставляя неосталинизм с социализмом, нельзя не сказать о той проблеме, в которую упираются такие исследования, — центральной проблеме, ибо при ее решении встает ответ, идущий не только от теории, но и от истории. Конечно, сказать это, не вдаваясь в подробности и в полемику.

Приемы, которыми в прошедшие полстолетия своего господства сталинизм прикрывал уход от марксистско-ленинского понимания социализма и строительства социализма и подавал этот уход как подлинный марксизм-ленинизм, мы рассмотрели в настоящей статье в хронологическом порядке их возникновения. Это — естественный порядок для их рассмотрения, потому что, как читатель мог видеть, приемы подмены научного социализма лженаукой не только выстраиваются в хронологический ряд последовательных вех, но образуют цепь логических переходов — каждое следующее звено не просто вытекает из предыдущего, но представляет собой его закономерное развитие. Больше того, в этом процессе проступает наличие *единого стержня* развития, на который эти приемы друг за другом нанизываются и в который они врастают, не отбрасываясь и не заменяясь последующими приемами, а сохраняясь в них. Внешне различные, логические переходы от одного приема к другому внутренне однородны — социально и программно-политически, -- все они связаны между собой единой линией логического развития: возникновение шестого приема из пятого ведет процесс в том же направлении, что и возникновение пятого из четвертого, четвертого из третьего и т.д. Словом, последующий переход не расходится со смыслом и тенденцией предыдущего, а ведет все тот же процесс дальше — процесс, в котором рассмотренные нами приемы рождались и формировались и который, в свою очередь, сам этими приемами формировался.

И вот то, что было идейной основой вырождения марксизма в сталинизм, было также и стержнем рассмотренного нами поэтапного процесса этого вырождения. Идея Сталина о возможности не только строить, но и полностью построить социализм в одной, отдельно взятой, стране,¹²⁵ а конкретнее — теория и практика социализма в одной стране и для одной страны, вот что было единым стержнем процесса. Логическим же мотивом процесса была необходимость так переделать понятие социализма и понятие строительства социализма, чтобы теория социализма в одной стране выглядела доказуемой, а там — и доказанной: социализм де не только может быть построен, но уже построен в одной стране. Читатель мог заметить, как эта сталинская идея несколько раз вплеталась в темы наших заметок, но заниматься ею мы не могли. Эта ошибочная идея, сыгравшая столь роковую, столь губительную роль для дела коммунизма в нашей стране и во всем мире, требует особого и обстоятельного рассмотрения, и настоящие заметки подводят к нему вплотную. Тему социализма в одной стране мы надеемся (если позволят обстоятельства) в более или менее полном объеме рассмотреть в другой работе, здесь же достаточно будет ограничиться несколькими замечаниями и этим закончить сопоставление неосталинизма с социализмом.

Почему почти сразу после смерти Ленина в большевистской партии возникла антинаучная и политически антиленинская идея социализма в одной стране и почему оказалось достаточным

каких-нибудь двух лет, чтобы она так легко, безапелляционно и в качестве руководящей догмы была воспринята партией, до того времени целых два десятилетия шедшей и выроставшей в русле ленинского понимания социалистической революции и социализма, - на эти вопросы мы (повторяем) не собираемся здесь отвечать. Наши замечания коснутся лишь результатов этого исторического процесса, и притом только в понимании существа социализма и путей его строительства, — результатов и последствий, которые хотя постепенно, но все более ускоренно и, даже по темпам истории, весьма быстро дали о себе знать.

Как теория, доктрина социализма в одной стране есть продукт не критического понимания (а проще говоря — непонимания) значения исторических условий, в которых приходилось начать строить социализм в нашей стране, а именно, — значения задержки мировой революции и исторических последствий этой задержки. То, что социализм нам пришлось строить в условиях изоляции и капиталистического окружения, неоспоримый факт истории. И то, что и в таких условиях можно и должно *строить* социалистическое общество, т.е. двигаться от капитализма к социализму, — неоспоримый факт науки. Но наука не признает возможности *построить* в одной, отдельно взятой стране полное социалистическое общество, социализм как первую фазу коммунизма. Задержим здесь внимание читателя на проблеме, которая, на первый взгляд, может показаться отступлением от рассматриваемого вопро-

но (как увидим) она имеет к этому вопросу прямое отношение и должна быть учтена при его обсуждении.

В большом плане истории наше время предстает как эра становления всемирного человечества: мы стоим на пороге *всемирности* человечества. Дело идет уже не о мировом рынке, который был создан капитализмом XIX века. И не о мировом хозяйстве, каким оно в XX веке осуществляется первоначально через раздел мира между империалистическими державами и борьбу за его передел, а после Октябрьской революции и, затем, второй мировой войны, прокладывает себе дорогу в мире, расколотом надвое (а то и натрое). В наше время дело уходит глубже. Оно заключается ныне в том, что на еще национально и государственно рассеченной планете господствуют и, в конечном счете, жизнь определяют уже глобального масштаба (а во многом и глобальной организованности!) экономические и политические взаимоотношения и взаимосвязанности ее обособленных и регионально-разграниченных частей. А в этом экономическом и политическом контексте, содействуя его формированию и развитию, складывается и работает научно-техническая революция XX века — явление (в отличие от промышленной революции конца XVIII — начала XIX века) не ограниченного и специального, а универсального характера, не регионального, а глобального захвата, — явление *нарождающейся всемирности* человека и его существования. Таковы все составные и сопутствующие элементы да результаты и послед-

ствия этой революции, а именно: реальность и действенность единой на всей планете и для всей планеты мировой науки; принципиально-повсеместная доступность мировых принципов и стандартов техники производства и т.д.; универсальность средств информации; свобода передвижений и контактов людей через государственные границы; единые по всему миру принципы построения системы образования; всемирные взаимовлияния и переплетения художественного творчества; стремительно унифицирующиеся по всей Земле критерии житейского благополучия и культурности; и т.д. И нельзя не прийти к заключению, что разноликие человеческие общества после долгих тысячелетий исходной и принципиальной разъединенности приведены, наконец, законами своего развития к задаче преобразования себя из совокупности общества, отдельно сложившихся и самодавяюще сосуществующих на Земле, в многообразное, но единое и единственное человеческое общество — в действительное *Человечество*.

К этой задаче человечество подведено уже капитализмом, но решить ее капитализм по самой своей природе и по своим законам общественной жизни не в состоянии. При всей силе своих объединительных и даже центростремительных факторов он даже не способен противопоставить реальную альтернативу центробежным тенденциям к новому, им же (капитализмом) порожденному национально-питаемому и национально-ограниченному расщеплению планеты. Что же касается научно-технической революции, то в тех

е путях и тех ее образцах, которые могут быть выработаны капитализмом, самый исторический смысл современной научно-технической революции извращен и иррационализирован. Они предельно углубляют обезличение человека и машинизацию его жизни, сознания и культуры, уродуют, разрушают и растаптывают земную природу — и, сверх этой дегуманизации и денатурализации человека, самую научно-техническую революцию ориентируют на безостановочную гонку чудовищных средств войны, что в конечном итоге не может не грозить уничтожением человеческого рода. И это не может не порождать эсхатологические (всевозможных тональностей!) умонастроения и ожидания — в ту самую эпоху, когда человечество подошло к порогу своей самореализации как человечества *всемирного*.

Но если решение исторической задачи самореализации всемирного человечества не под силу капитализму, то это решение ложится на социализм, который в историческом ряду общественных устройств следует за капитализмом. Как первая фаза коммунизма, социализм в состоянии открыть дорогу посленациональному, космополитическому плану человеческого общественного устройства не как анти- и наднациональному, а как сохраняющему, развивающему и творчески сочетающему самобытные национальные наследия, -- как *интернациональному* плану, ставя ему на службу и раскрывая в нем также и неискаженные потенции всемирной научно-технической революции. Социализм и есть та социальная система, которая призвана (ибо единствен-

но способна!) эту всемирность человеческого общества адекватно осуществить - практически, разумеется, не обязательно и не сразу в масштабе всего без исключения множества государств земного шара, а в масштабе совокупности ряда взаимосвязанных ведущих стран мира, достаточно влиятельной и могущественной, чтобы определять и выражать прогрессивное движение мира в целом. Задача эта в меру и впору именно социализму, как общественному строю, который своими формирующими и определяющими, да позволено будет сказать — своими *сущностными* — чертами (и тем более, нерасторжимой совокупностью этих черт) не вмещается в рамки национального государства. Экономически, политически, культурно (как материальной, так и духовной культурой) социализм может получить лишь неполное и притом неподлинное осуществление, оставаясь отъединенным экономически, политически и культурно от прогресса остального мира. Ибо формирующие и определяющие черты социализма и их совокупность суть продукт не национально ограниченной истории той или иной отдельно взятой страны, а исторического прогресса практически всего человечества. Неполнота и неподлинность социализма, создаваемого в одной отдельно взятой стране, неизбежно рождается поэтому как от невозможности развить в ней до конца сущностные черты социалистического общества, так и от невозможности, даже при самом полном территориальном и национальном изолировании страны, изолировать ее от влияний и воздействий окружающего

капиталистического мира. Социализм, как первая фаза коммунизма, требует мирового человечества — и всемирность человечества требует социализма. Как невозможно всемирное несоциалистическое сообщество, так невозможно *полностью* социалистическое общество в стране, взятой отдельно от остального мира; и то и другое — утопия. Возможность реального осуществления всемирного человечества и возможность реального осуществления социалистического общества или, говоря иначе, всемирная миссия социализма и социалистическая миссия мирового движения человечества — это две стороны того места, которое XX веку и, надо думать, значительной части XXI века суждено занять в человеческой истории.

Таковы те глубокие научные основания, по которым Маркс и Ленин знали, что коммунизм, даже в фазе социализма, в одной отдельно взятой стране полностью построить невозможно. Но мир не так просто устроен, чтобы социалистическая революция и вслед за ней приступ к строительству социалистического общества могли произойти одновременно во всех его странах. Какая-то страна должна начать — и после этого более или менее долгое время вынуждена строить у себя социализм в одиночку и притом во враждебном капиталистическом окружении. Истории угодно было, чтобы этой страной оказалась Россия. Следуя Марксу, Ленин начал строить в ней социализм, *зная и разъясняя*, что до мировой революции он не может быть построен. Но не потому не может быть

построен, что Россия страна экономически, технически и культурно отсталая, и не потому, что этому может воспрепятствовать военная интервенция капиталистического мира, а именно в силу изложенных выше фундаментальных оснований.

3

Тут мы возвращаемся к нашей теме. И прежде всего надо подчеркнуть, что вопрос о социализме в одной стране, родившейся полвека тому назад, не снят историей с повестки дня, не стал предметом для одних лишь архивных и академических изысканий, а, как был, так и остался фундаментальной, идеологической и политической проблемой социалистической революции. То обстоятельство, что в последние четверть века, когда Сталина сменил неосталинизм, за строительство социализма взялся ряд других еще стран, не изменило существо дела. Во-первых, социализм, какой они у себя строят, это вариации все той же готовой модели, которая уже ранее законченно сложилась как сталинский социализм в одной стране -- вариации все в том же плане именно такого национально ограниченного "социализма". Во-вторых, по сути дела, ситуация изолированности строительства социализма в СССР продолжается и ныне после унифицированного и замкнутого дополнения СССР несамостоятельными странами СЭВа. В-третьих, переход гигантского Китая к строительству социализма не устранил эту изо-

лированность: вместо одной существуют теперь две отъединенные и даже друг к другу враждебные зоны самостоятельного "социалистического строительства" (вспомним китайскую формулу социализма: "построить социализм своими силами").

И в конце концов, неосталинисты и формально не отказались от теории социализма в одной стране, какой она была формулирована, обосновывалась и подавалась Сталиным, и сохраняют верность тому пониманию и толкованию социализма и строительства социализма, которые из этой теории вытекают. Конечно, в наше время, когда о строительстве у себя социализма говорят многие страны, слова "изолированное строительство социализма в одной, отдельной взятой стране" и "капиталистическое окружение" звучали бы в "мировом социалистическом лагере" неприличествующим анахронизмом. И повсюду, где это возможно, неосталинисты стараются просто умалчивать о месте, которое идея социализма в одной стране занимала в формировании политики и идеологии социалистического строительства в СССР, делать вид, будто такой, центральной в сталинизме, идеи вовсе и не существовало. Однако это не всегда удается — особенно историкам. Выше (параграф 6) мы, например, видели, что в неосталинистской периодизации послеоктябрьского времени завершение строительства социалистической системы хозяйства относится к 1937-1938 годам, т.е. к периоду, когда социализм строился как социализм в од-

ной нашей, отдельно взятой стране, и тем самым авторы этой официальной периодизации солидаризируются с теорией о возможности построения полного социализма в одной стране, а, по сути дела, исходят из нее. Впрочем в неосталинистской академической шеститомной истории партии, составленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и потому вполне официозной, прямо написано:

"Конференция (XV-я) подвергла критике капитулянтское утверждение оппозиционеров о том, что в условиях капиталистического окружения советский народ не в состоянии преодолеть капитализм внутри страны. Партия считала, что Советская страна сможет не только противостоять любым трудностям, в том числе и давлению мирового капиталистического хозяйства, но и построить социализм собственными силами, если этому не помешает империалистическая интервенция. Отрицание этого толкало оппозицию "к паническому преувеличению сил капитализма в стране".¹²⁶

И это неизбежно, так как линия идейной и политической преемственности неосталинизма с классическим сталинизмом имеет в своей основе преемственность именно и прежде всего с теорией (и через теорию) социализма в одной стране как с канонически установленным догматом советской науки и генеральным ориентиром коммунистической политики. А при этом невозможно обойтись без стержня сталинской аргументации: без сакраментально-

го противостояния "троцкизму" — все с тем же набором ритуальных фальсификаций, в которых перемешаны десятилетиями воспитанные нерассуждающая ненависть, расчетливое лицемерие и страх — животный страх быть заподозренными в недостаточном "разоблачении" троцкизма, да уже и страх перед самим заклятым словом "троцкизм". И как здесь не назвать для примера установочную статью 1971 года теоритического и политического авторитета неосталинизма (он же один из старых, закоренелых сталинцев), секретаря, а ныне уже и кандидата в члены Политбюро ЦК партии Б. Пономарева в руководящем журнале ЦК. В ней прямо признается и, более того, объявляется "известным", что "вопрос о возможности построения социализма в одной стране составлял главное содержание борьбы с троцкистами в 20-х годах". И с полной солидарностью и редкой педантичностью повторяются все передержки, искажения и инсинуации, вся брань и все запугивания, при помощи которых Сталин и его окружение утверждали свою невежественную и просто нелепую теорию социализма в одной стране. И что всего поучительнее, идеолог в ранге кандидата в члены ПБ в 70-х годах поднимает этот вопрос как "актуальный вопрос идейно-политической борьбы".¹²⁷

Если же взять дело по существу, то — осознают ли это (и признают ли это) сами неосталинисты или нет — разве их концепция "реального социализма" не есть последняя на сегодня интерпретация сталинской теории социализ-

ма в одной стране — официально принятая конкретизация и практическая ее интерпретация? Ведь строй нынешнего советского общества и есть то, во что в реальности вылилось и не могло не вылиться строительство социализма, ориентированное на одну изолированную страну. Не будет ошибкой сказать, что сама идея "реального социализма" могла родиться лишь на реальной почве ограниченного социализма одной, отдельно взятой страны. Пусть *концепция и термин* реального социализма возникли лишь тогда, когда за строительство социализма взялся ряд стран помимо СССР, — это не значит, что к неосталинизму, выдвинувшему такую концепцию, неприменимы определения и оценки теории социализма в одной стране.

Опыт истории и здесь показал, что права наука — что желание и обещание Сталина построить социализм в одной стране не привели к социализму, как первой фазе коммунизма (при всем экономическом, техническом и культурном прогрессе этой страны в результате тяжелого и самоотверженного полувекового народного труда, пусть нерационально и жестоко управляемого, а то и принудительного). И теория Сталина потребовала, для ее оправдания, в корне отменить научное понятие социалистического общества и, соответственно, шаг за шагом изменить понимание исторического места и существа советского общества — потребовала отхода от научного социализма Маркса и Ленина и маскировки этого отхода. А выдавая несоциалистическое советское общество за полностью

построенный социализм и этим дискредитируя самую идею социализма, теория Сталина стала одним из решающих факторов дальнейшей задержки мировой революции. Поистине сталинская теория и практика социализма в одной стране может быть названа злым роком социалистической революции XX века.

Словом, теория социализма в одной стране, отрезавшая российскую социалистическую революцию от мировой революции и замкнувшая ее в национальные рамки материально и культурно отсталой, без демократических традиций, страны, поставила перед ней непосильную, ибо принципиально неразрешимую, ложную задачу. Уведя революцию от действительной всемирно исторической задачи XX века и послужив фактором создания сначала в нашей стране, а потом и в ряде других стран общественных отношений, далеких от социализма, теория эта не только привела к вырождению нашу революцию, но задержала мировую социалистическую революцию — вместо того, чтобы быть фактором ее развития и ускорения, стала фактором ее дискредитации и торможения. Поэтому для суждения об опыте СССР главное не в том, что за полвека так и не построен социализм, ибо в одной, отдельно взятой стране ни при каких обстоятельствах, ни в какие сроки и ни при какой политике социализм и не мог быть построен. Главное в другом: то, что хотя за полвека сталинского и неосталинистского строительства Советского Союза и создан ряд новых предпосылок для приступа к социалистическому строительству (таких, как индустри-

ализация страны и подъем образованности ее населения),¹²⁸ но эти полвека *не приблизили* общество к социализму и, более того, на каком-то этапе неизбежно начали *отдалять* его от социализма — от социальных отношений, идеалов и духовного мира социализма. Между тем теоретически возможна, а в нашей стране после Октября и все время при Ленине практически существовала и господствовала иная концепция строительства социализма в одной отдельно взятой стране. Концепция, из которой следовали пути и методы постепенного и *все большего приближения* общественного строя, жизненного уклада и мироощущения людей к социалистическим — до тех пор, пока не придет мировая революция, которая выведет строительство социализма из изолированности и этим сделает возможным завершение социалистического общества в стране, начавшей движение мира к социализму.

Эта ленинская концепция означает, что социализм строится в своей, пока еще одинокой стране с первых шагов и принципиально в перспективе и в зреющем контексте мировой социалистической революции, в расчете на мировой социализм, и что строительство это понимается как начало строительства будущего всемирного социалистического общества, как часть этого всемирного строительства — как актуальная часть и потенция мирового социализма, которую возможно выполнить для него в своей стране, пока последняя пребывает в одиночестве. Непосредственно это означает: на каждом большом и малом этапе строительства социализма в своей изо-

дйрованной стране, во всех его больших и малых делах оглядываться на другие, несоциалистические страны, думать и заботиться о том, чтобы свое общество строящегося социализма и жизнь в нем делать во всех отношениях, — и материальных и духовных, -- все более притягательными для трудового народа тех стран. И этим помогать коммунистическим силам несоциалистических стран, в каждой стране по-своему, сообразно ее особым условиям разворачивать антикапиталистическую борьбу — готовить у себя социалистическую революцию и включение своих народов в мировой процесс движения к социализму.

Что касается самого процесса и процедур социалистического строительства, то при ленинской концепции перед глазами строителей постоянно стоят те безусловные и неотмыслимые принципы, элементы и эталоны социализма, о которых сказано в начале настоящего параграфа, ибо в масштабе мирового социалистического общества¹³⁰ они осуществимы и требуют осуществления. Стратегические и тактические проблемы строительства социализма здесь состоят в том, чтобы каждый раз определять, *в какой мере* эти принципы, элементы, эталоны осуществимы в исторически данных условиях нашей страны пока она остается в одиночестве — именно и только о мере *их* осуществимости и способах *их* осуществления в пределах *этой* меры может и должно идти дело. Полное их осуществление в границах одной страны недостижимо — из этого исходят. Невозможно, разумеется, предугадать и предвидеть, каково максимально достижимое

приближение к полному осуществлению тех обязательных признаков социализма в стране, строящей его в изолированности. Это зависит от степени зрелости исходных условий, которые имелись в этой стране до социалистической революции, и от темпов и форм развертывания мировой революции, да и от так называемого "субъективного фактора" — от степени понимания и умения руководителей социалистического строительства. Но во всяком случае, те существенные признаки социализма являются ориентиром для социалистического строительства — не только вообще, но на каждом этапе — в этой стране *заведомо* неполного *раннего социализма*.¹³¹ Степень (и форма) их реального осуществления служит критерием в суждении об успехах и продвижениях, достигнутых в этом строительстве, что здесь равнозначно *степени приближения* к их мере осуществимости (а также, конечно, критерием в суждении о неудачах и отступлениях, постигших его, что равнозначно *степени отдаления* от этой меры). Словом, строители социализма имеют здесь возможность и побудительные мотивы не обманывать себя и не обманывать народ на счет полноты и зрелости своего раннего социализма и постоянно проверять себя сопоставлением раннего состояния социалистического строительства с мерой осуществимости социализма в одной своей стране — проверять, не сбились ли с курса на социализм, как на первую фазу коммунизма. И поэтому есть уверенность и объективная гарантия, что когда мировая социалистическая революция распространится на следующую-

щие, очередные страны и мера осуществимости социализма повысится, это застанет первую страну строительства социализма подготовленной для новых возможностей такого строительства — готовой и способной включиться в новое, не только более широкое, но и более совершенное движение к социализму. Вспомним слова Ленина из "Детской болезни "левизны" в коммунизме":

"Было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия делается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в "советском" и в социалистическом смысле) страной". (ПСС, т. 41, стр. 3-4).¹³²

Так обстоит дело, когда в одной, одиноко в капиталистическом окружении стоящей, стране строительство социализма мыслится и ведется как *локальная часть*, как доступное этой части *начало* строительства будущего *всемирного социалистического общества*, — и так дело могло бы обстоять в нашей стране, если бы и после Ленина оно велось в соответствии с ленинской концепцией социализма и строительства социализма. Другое дело, когда в одной отдельно взятой и в капиталистическом окружении находящейся стране социализм строится как *социализм в одной стране*, для одной этой страны — с мыслью *завершить его в этой стране независимо от* (а если доведется, то и *до*) *мировой победы социа-*

лизма. Так как сущностные признаки социализма, о которых говорилось выше, в отдельной стране неосуществимы, то сами они должны здесь представляться книжным умничаньем и пре- краснодушным фантазированием, напоминая о них — пустопорожними разглагольствовани- ями, к практике строительства социализма не име- ющими касательства, а предложения ориентире- ваться на них в этом строительстве — политиче- ски вредными отвлечениями от настоящего жи- вого дела. Но иного *социалистического ориен- тира* не существует в природе, и непризнание *это- го* ориентира, отказ (или что, по существу, од- но и то же — фактический уход) от равнения н^{*}_а него в деле строительства социализма равносиль- но тому, что вести это строительство без всяко- го ориентира, а значит без осознанной последо- вательности задач и этапов и без конкретно пред- ставляемой перспективы и конечной цели. Да, без конечной цели! Ибо вслед за повседневной прак- тикой и большая политика становится конъюн- ктурной, а идеология движения к социализму — прагматической.¹³³ Вместе с критериями социа- листичности (эти критерии оказываются непо- нятными, ненужными, чуждыми — даже подо- зрительными и враждебными) из сознания стро- ителей социализма изгоняется и испаряется даже тот образ социалистического общества, который в самых общих чертах представил народу Ок- тябрь. Обещав и взявшись построить полный социализм в одной стране, сталинизм неизбежно строил *социализм без социализма* и даже *напере- кор социализму*. С самого начала ложная цель —

«Социализм в одной стране — естественным образом привела к извращению средств и пути к социализму, и столь же естественно, что извращенные средства и извращенный путь постепенно переродили цель. Для истории не столь уже существенно, отдают ли себе в этом отчет сами строители, а говоря точнее, — в какой мере это обман и в какой самообман. Существенно, что такова внутренняя логика строительства социализма в первой стране победившей социалистической революции, *если* оно ведется не как движение к социализму в мировом масштабе, а как насаждение социализма в этой одной стране. Сколько и в сочетании с какими прилагательными ("полный", "развитый", "реальный" и т.д.) ни называть социализмом общество, построенное здесь за полвека, оно в действительности не есть социалистическое общество — не есть первая стадия коммунистической общественной формации.

9. МИРОВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СССР И СТАЛИНИЗМ

1

В последние годы среди противников социалистической революции, а если взять круг шире, то и среди людей, которые после сталинского осквернения идеалов социализма, продолженного их неосталинистской профанацией, разувенились в социалистических возможностях, открытых Октябрьской революцией и за полвека не осуществившихся, получил распространение взгляд, что источники сталинизма следует искать у Ленина. Мы не будем говорить о прямых отождествлениях сталинизма с ленинизмом, примитивных и просто невежественных, чаще всего диктуемых не потребностью разобраться, а озлоблением и злорадством. Но на более сдержанной, осторожной и как бы научнообразной и потому более претенциозной разновидности выведения Сталина из Ленина и объединения сталинизма с ленинизмом, а тем самым оправдания Сталина или дискредитации Ленина (понимай, как хочешь!), следует, после изложенного в настоящей статье, несколько задержаться.

Неверно будет утверждать, — говорят сторонники этой разновидности привязывания сталинизма к ленинизму, — что, под наименованиел

Союза Советских Социалистических республик Ленин оставил своим наследникам готовое тоталитарное государство. Но он оставил им чуть-чуть не все материальные и идейные инструменты политического механизма, требующегося для построения такого государства: диктаторскую власть меньшинства, однопартийность (с недопущением фракций в этой единственной партии), бюрократический партийный и государственный аппарат, культ политического деятеля (так называемого профессионального революционера), идеологическую монолитность общества, централизованную пропаганду, цензуру, тайную полицию, "красный террор" против "врагов народа" и т.д. — и научил пользоваться этими инструментами. То, что создал Сталин и развивают дальше неосталинисты, было как тенденция заложено в делах и методах Ленина. Утверждая это, некоторые делают, правда, оговорку, что Ленин видел пагубные для социалистической революции черты, присущие этому механизму власти, стремился и умел противодействовать им. Но при этом обычно делается и другая оговорка: останься Ленин жив, сомнительно, удалось ли бы ему еще долгое время преодолевать объективную тенденцию своего властвующего аппарата — не вынужден ли был бы Ленин, в конце концов, делать то, что после него делал Сталин. И тут сдержанное сведение сталинизма к ленинизму смыкается с развязным — и то и другое предстает как отрицание исторической целесообразности и осмысленности Октябрьской революции и как осуждение большевизма — ее творца и организатора.

Но чтобы правильно ответить на этот модные ныне вопрос о действительной и мнимой связи между механизмом власти в ленинской и механизмом власти в сталинской стране советов, следует предварительно рассмотреть более фундаментальный (в данной связи самый фундаментальный) вопрос: почему идея отождествлять сталинизм с ленинизмом или выводить сталинизм из ленинизма или привязывать сталинизм к ленинизму ошибочна по самому существу того и другого.

Ошибочность вышеизложенных рассуждений вытекает из того, да и состоит в том, что они ведутся в абстрактно-логическом плане, в отрыве от исторического контекста той проблемы, о которой идет речь. Они не берут во внимание, что Октябрьская социалистическая революция выросла из двух корней, которые в начале XX века оказались не только переплетенными один с другим, но и сплетенными в один двуединый корень. Это — кризис международного капитализма, поставленного перед задачей *мирового* устройства человечества — задачей, непосильной для капиталистической системы и потому требующей перехода к социализму, и кризис *российского национального* государства, для которого еще не осуществленная буржуазно-демократическая революция не могла — в условиях той всемирно-человеческой задачи — не перерасти в революцию антикапиталистическую, социалистическую. Для ленинизма решающим питательным источником был первый корень — *мировая* революция (и это-то, скажем в скобках, привело

Троцкого к ленинизму),¹³⁴ для сталинизма питательным источником был второй корень — национально определенная русская революция (и это, говоря опять в скобках, составляло объективную основу борьбы Сталина и сталинистов против Троцкого).

Лишь после смерти Ленина сталинизм одержал победу над ленинизмом в коммунистическом движении XX века — первоначально в СССР, а потом, под воздействием СССР, и в мировом масштабе. Но во взглядах, в деятельности, в поведении Сталина сталинизм зародился еще при жизни Ленина и тогда же начал оформляться в особое политическое течение со своей социально-политической концепцией, своим морально-политическим кодексом, своими принципами и приемами стратегии и тактики, своей манерой теоретизирования и пропаганды, — зародился и оформлялся в расхождении с Лениным и в противостоянии Ленину — как правило, скрытом, но временами и откровенном. Эти истоки сталинизма, относящиеся к годам, когда в компартии господствовал ленинизм, мы подробно рассмотрели в другой работе.¹³⁵ Мы показали там, что теория преемственности между Сталиным и Лениным, и о том, что не существует сталинизма как чего-то в принципе отличного от ленинизма и что в своем существе они тождественны, — будь то в варианте "Ленин - предтеча Сталина" или в варианте "Сталин - продолжатель Ленина", - что теория эта сближающая (а то, практически, и объединяющая) сталинистов, выдающих себя за ленинцев, с буржуазными противниками лени-

низма, находится в противоречии не только с историей идей, но и с историей фактов нашего зизгагообразно революционного века.

Выше мы видели, что идейной сердцевиной и политическим ориентиром сталинского национально-ограниченного, в одном государстве замкнутого "социализма" была с самого начала и до конца остается доктрина, игнорирующая, а по сути дела, отрицающая мировое существование социализма как общественного строя, — доктрина о возможности полного социализма в одной отдельно взятой стране.

Не Сталин изобрел эту доктрину, но из руководителей большевистской партии именно он провозгласил ее после смерти Ленина, выдав ее за Ленинскую, и естественно, что в истории советской компартии и Коминтерна она связана с именем Сталина. Но если Сталин не был автором антиленинской доктрины социализма в одной стране,¹³⁶ то он был как раз тем человеком в составе высшего большевистского руководства, революционная биография и характер революционного восприятия и миропонимания которого не только находились во внутреннем согласии с этой доктриной, но прямо требовали ее. Почти всю свою активную партийную жизнь до мировой войны Сталин провел в Баку и Тифлисе в отдалении от европейской социалистической проблематики и с весьма смутными представлениями о ней и о ее значении для русской революции. В 1914-1916 годах, когда эта проблематика стала решающей, он в своих выступлениях

^ „е уделил ей *ни одной строки*.¹³⁷ Та „слиш-
^ом большая пропасть" "между революционера-
^шовинистами (революция для победы над
Германией) и революционерами — пролетарски-
ми интернационалистами (революция для про-
буждения пролетариата других стран, для объ-
единения его в общей пролетарской револю-
ции) ", ° которой в то время писал Ленин и кото-
рая составляла центр ленинского политического
мышления и действия (письмо А. Шляпникову
19 сентября 1915 года - ПСС, т. 49, стр. 149),¹³⁸
была вне понимания и внимания Сталина, и, ког-
да в России разразилась февральская революция,
он ратовал за объединение большевиков и мень-
шевиков в одну партию. Но и после года ре-
волюционной работы под прямым руководством
Ленина — года, включавшего Октябрьскую ре-
волюцию, — Сталин остается верен своему искон-
ному, ставшему для него органическим, прене-
брежению к интернациональной революции про-
летариата; так, при обсуждении в ЦК Брестско-
го ультиматума германского империализма Ле-
нин назвал выступление Сталина ни более ни ме-
нее как *изменой* международному социализ-
му.¹³⁹ Да и все дальнейшие годы, пока был жив
Ленин, Сталин, единственный из сложившейся
вокруг Ленина руководящей группы больше-
вистской партии, не проявлял интереса к мирово-
му революционному движению — не только к
его потенциам, но и к его фактам. Не случайно
Сталин в эти годы не принимал участия в рабо-
тах Конгрессов Коминтерна и даже на IV Кон-
грессе, в ноябре 1922 г., хотя уже был генсеком

русской партии, не был даже избран в президиум (от России вошли Ленин, Зиновьев и Троцкий). Не случайно также и то, что Сталин, единственный из ленинского состава Политбюро, не участвовал в органе Исполкома Коминтерна журнале "Коммунистический Интернационал" и даже не значился в длинном списке его сотрудников.

Достаточно перелистать тома Полного собрания Сочинений Ленина с произведениями, речами, письмами за предоктябрьские и послеоктябрьские годы, чтобы в памяти воскресло ныне забытое (и подвергаемое забвению!) чувство органического родства с мировой социалистической революцией, и соучастия в ней, чувство прямой ответственности не только за революцию в России, но и за мировую революцию пролетариата, — словом, чувство, определявшее ту внутреннюю, психологическую атмосферу, в которой двигались помыслы, самоутверждение, гордость, энтузиазм и героизм большевиков ленинского времени. Но для Сталина все это было чужое, извне привнесенное, несущественное и ненадежное. Он жил в иной психологической атмосфере, в стороне от перипетий и от самой проблемы мировой революции. Мировая революция была для него западной книжностью, умствованием литераторов, выросших вдали от России в эмиграции, да агитационным подспорьем для взбадривания и утешения малосознательных и легковверных народных масс России, совершающих свою, российскую революцию, — но не была тем делом, которое он делал.

И естественно, что в то время как для Ленина НЭП в России был новой стратегией и новой формой движения мировой революции, Стадия введение НЭПа принимал как фактический отказ от этой ленинской, но ему чуждой, ориентации — как крутой поворот к ориентации целиком на внутренние и собственные проблемы русской революции, причем мировую революцию он рассматривал как "резервы" нашего пролетариата "на Востоке и на Западе", которые этот, *наш* пролетариат "должен подумать" как "усилить, укрепить".¹⁴¹

И столь же естественно, что, в то время, как для Ленина замедление мировой социалистической революции поставило вопрос об опасности буржуазного перерождения изолированной российской революции, оказавшейся надолго окруженной морем капитализма, и о политике, противодействующей такому перерождению, — в это время для Сталина, видевшего смысл Октября в революционном преобразовании России самой по себе и ради нее самой, вне связи с интернациональной революцией пролетариата, возможности отчуждения и отхода от этой последней и, стало быть, антисоциалистического перерождения русской революции и проблемы борьбы с ним просто не существовало.¹⁴²

И не случайность также, что к концу жизни Ленину пришлось предостеречь партию от опасности, идущей от ложного "понимания интернационализма" Сталиным (тогда уже генсеком) и его окружением — от впадения в "империалистические отношения к угнетаемым народно-

стям", от "великорусского шовинизма", от "великорусско-националистических кампаний" (Записки по национальному вопросу в декабре 1922 г., ПСС, т. 45, стр. 357-362). Великодержавность во внутренних отношениях страны и великодержавность в международных отношениях — явления одного идейного и политического порядка. Уход от интернационализма в первом явлении естественным образом и неизбежно должен привести к уходу от интернационализма во втором.

История мировой социалистической революции пошла так, что ко времени смерти Ленина с полной определенностью выявилась задержка в ее распространении, а это подвело путь первой социалистической революции — русской революции — к решающей развилке:

— Вести ли социалистическое строительство в нашей стране *продолжая* и теперь, после выявившегося замедления мировой революции, *ориентироваться* на нее, на ее интересы? Следовательно, искать ли все более совершенные формы и способы для строительства социализма и предотвращения капиталистической реставрации в нашей стране, сообразуясь и дальше в первую очередь с ходом мировой социалистической революции — с новыми обстоятельствами и видоизменяющимися задачами поддержания и форсирования развития мировой революции?

— Или же *переориентировать* социалистическое строительство в нашей стране с мировой революции, продолжение которой отодвинулось на неопределенное время, и искать формы и мето-

ды для этого строительства и для предотвращения капиталистической реставрации, не считаясь с ходом, перспективами и интересами развития мировой революции, а руководствуясь национально-понятыми интересами и традициями собственной страны, и тем самым все дальше передвигаясь с позиций интернационализма на позиции "советского (читай: российского) патриотизма" и национального самодовольства и самолюбования, а там и великорусского шовинизма, великодержавности и экспансионизма?

Первый путь — это продолжение и развитие линии, которую выработал и которой до конца своих дней следовал Ленин, линии Октябрьской социалистической революции, линии партии, у которой (как сказал Ленин), "в программе речь идет о социальной революции в мировом масштабе". Второй путь — это линия, к которой уже при Ленине, и с первых шагов революции тяготел и тянул Сталин, временами порываясь противопоставить ее ленинской, но каждый раз (пока был жив Ленин) отступаясь, будучи не в состоянии ни оформить и предложить ее в качестве программы, ни привлечь к ней достаточно влиятельных сторонников. Эта линия, отворачивающаяся от "потенций" (как пренебрежительно выразился Сталин) мировой революции и, следовательно, чуждая ленинскому пониманию исторического смысла и исторического места русской революции, несовместимая с ленинской стратегией этой революции, линия отхода от замысла и программы Октября. Словом, это сталинская линия построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Октябрьская революция 1917 года отождествила интересы и судьбы русского народа и российского государства с интересами и судьбами его социалистического переустройства и — через это и в силу этого — с интересами и судьбами мировой социалистической революции. Но понимание этого отождествления было принципиально противоположным у Ленина и Сталина. *Принцип Ленина*: "то, что требуется (или пригодно) для развития мирового социализма, уже тем самым требуется (пригодно) для развития России, а то, что препятствует развитию социализма в мировом масштабе, препятствует развитию России". *Принцип Сталина*: "то, что требуется (пригодно) для развития России, уже тем самым требуется (пригодно) для развития мирового социализма в мировом масштабе". Эти принципы скрыто или полускрыто противостояли друг другу с первых шагов Октября — еще до того, как определилась задержка мировой революции и независимо от этой задержки. Но с приходом Сталина к власти очень скоро начинается *сдвиг* от господства первого к господству второго принципа в практической политике и в общественной идеологии Советского Союза - *сдвиг*, переменявший на противоположное то место, которое русская революция фактически занимала в мировой революции при Ленине, - *сдвиг*, которому принадлежит определяющая роль в генезисе и формировании общества сталинского "полного социализма" в одной отдельно взятой стране. Разумеется, сдвиг этот произошел не сразу. Лишь постепенно, проходя ряд этапов, растянувшихся

на годы и десятилетия, совершались одновременно оба изменения: изменилось понимание места и роли России в путях и судьбах движения современного человечества к социализму и изменилось понимание места и роли мирового социализма в путях и судьбах современной России.

В целом же и в конечном результате сдвиг от принципа Ленина к принципу Сталина означал, что строительство новой, послереволюционной России ведется уже не по замыслу и программе Октября 1917 года, не такими методами и не в таких формах, в каких Россия, пока она строит у себя социализм в одиночестве и во вражеском окружении, может (только и может!) осуществлять историческое предназначение быть для человечества носителем идеи мировой социальной революции и первым участником, представителем, вдохновителем и рычагом этой революции. Напротив, методы и формы строительства социализма были сталинским сдвигом определены таким образом, чтобы это строительство, целью которого официально объявлялось построение полного социалистического общества в одной нашей отдельно взятой стране, подчинялось задаче и фактически велось для национального утверждения и возвеличения мирового места России как великой державы.

Естественно, что подмена строительства первой фазы коммунизма построением сталинского полного социализма в одной стране, лежащая в основе этого трагического сдвига в истории послеоктябрьской России, имела свою внутреннюю логику, свои закономерности и закономерные

этапы. И хотя в существе своем эта подмена на протяжении всей своей полувековой истории (да и в годы своей предистории!) была одной и той же — по идее, политике, морали, социальному содержанию — а, точнее говоря, благодаря этому, она прошла три последовательных этапа на пути к своему полному самоопределению и неосталинскому завершению:

Первый этап.

Формулирование и мотивирование теории социализма в одной стране и, в соответствии с этим, идейное и практически-политическое переориентирование коммунистической партии (а через нее рабочего класса и всего советского народа) с социализма как дела "совместных усилий рабочих нескольких передовых стран" (Ленин), дела "мировой революции", на социализм как дело российского рабочего класса в своей одной отдельной взятой стране, как самостоятельное, национальное дело русской революции.

Второй этап.

Строительство социализма в одной стране понимается как его строительство в одном государстве. В соответствии с этим происходит второе переориентирование: практически-политическое переориентирование понятия социализма с первой стадии коммунизма, постепенно изживающей приоритет государства и все больше освобождающей общество от связанности с государством и государством, - на сталинский "полный социализм", который опирается на государство и все больше усиливает его роль во всех сферах об-

щественной жизни, все больше растворяет идеологию социализма в культе государства, а мораль социалистического равенства в морали чиновной и частнособственнической иерархии, — и который тем самым все глубже вбирает в себя национальную ограниченность государства, все непоправимее отравляясь ею.

И третий этап.

Это национально ограниченный государственный "социализм", это подчинение социализма государству и утопление социалистичности в государственности — оснащается и пронизывается националистическими интересами и устремлениями, традициями и амбициями — и мифологией именно российского государства, унаследованными от капиталистического (да и докапиталистического!) прошлого. В соответствии с этим происходит третье переориентирование с социализма как цели, достижению которой призвано служить строительство советского типа государства, на такой "социализм", который мог бы служить средством для строительства великой национальной державы.

Таковы три этапа эволюции сталинского "социализма": этап *перетолкования* существа социализма, его (социализма) идейного разоружения, этап его фактического *перерождения* в псевдосоциализм, в тормоз социализму, и этап его *вырождения* в антисоциализм, в фактор, уводящий от социализма. Неосталинизм принадлежит третьему этапу и, как мы видели, он вырос на преемственности с первыми двумя этапами и признает эту

преемственность. И этим определяется место, занимаемое неосталинизмом в движении человечества XX века к социализму. Место отрицательное, регрессивное...

2

Итак, нашему взгляду предстала "слишком великая пропасть" "между революционерами-шовинистами", к которым, как мы видели, принадлежал Сталин, взявшийся *построить* социализм в *одной* национально ограниченной стране, и "революционерами — пролетарскими интернационалистами"¹⁴³ ленинского толка, начавшими *строить* социализм в *первой* стране мировой социалистической революции, но оттесненными и отстраненными от этого строительства победой Сталина после смерти Ленина. И теперь сам собой приходит ответ по вопросу, который поставлен в начале этого параграфа и ради которого он, собственно, и предлагается читателю; а именно: не сам ли Ленин подготовил и оставил в наследие весь механизм власти, при помощи которого Сталин привел к перерождению и вырождению Октябрьскую социалистическую революцию, так что процесс этого перерождения, перешедшего потом в вырождение, был начат самим же Лениным и чуть ли не назавтра же после Октября? Как известно, это коронный вопрос сегодняшних западных антикоммунистов и, к слову сказать, тех из советских диссидентов, которых не критическое разочарование в Октябрьской революции привело — увы! — в лагерь антикоммуниз-

ма. Они отвечают на этот вопрос утвердительно. Да, утверждают они, система подавления свободы личности и всего общества в целом, попрания своих же законов, насилия и произвола, человеконенавистничества и террора — иррациональная, аморальная, антисоциалистическая система, составляющая сталинский механизм власти, — представляет собой логическое и исторически-закономерное порождение и развитие той системы власти, которая была введена в послеоктябрьской России Лениным: Ленин мол сказал "а", Сталин сказал и не мог не сказать "б". Но после изложенного выше мы считаем себя вправе отвергнуть это утверждение как надуманное и расходящееся с действительностью. В самом деле:

Во-первых, насильственные меры диктатуры пролетариата, которые вводились и оправдывались большевиками в ленинские годы нашей ре-

144

волюции, понимались, применялись и представлялись народу не как социалистические, не как осуществленные черты и нормы социализма, и уж тем более не как органические, конституирующие, неотмыслимые элементы общества "полного социализма", а как меры переходного периода от капитализма к социализму. Больше того, такие явления, как приостановка действия демократических свобод, однопартийная политическая система, милитарный режим в партии, унификация общественной мысли, цензура на печать и литературу, ограничение деятельности церкви и религиозных общин, чрезвычайные меры насилия и принуждения, судебные функции органов госбезопасности, государственная и культурная са-

моизоляция, массовый террор и тд., рассматривались и объяснялись как *временные* (разной длительности!) *меры и эксцессы начальной стадии перехода к социализму*, вызванные острой враждебностью свергнутых классов и их приспешников, чрезвычайной ситуацией гражданской войны, контрреволюционных заговоров и восстаний, а затем — экономического развала и, от прошлого унаследованной, культурной отсталости народных масс, пришедших к власти. При Ленине все такие меры принимались и объяснялись *именно* и только как временно, и притом — как по возможности *кратковременно* допущенные *нарушения социалистических норм*. Господствовало убеждение и считалось непреложной истиной, что это продукт и выражение незрелости социалистических отношений и что при социализме (и при приближении к социализму) необходимость в этих временных мерах исчезнет. Пожалуй, достаточно привести два *примера* фундаментального значения и острой в наше время актуальности, чтобы читателю наглядно предстала суть дела: вопрос о гласности и цензуре и вопрос об *однопартийной политической системе*.

Летом 1921 года вышел первый номер знаменитого журнала "Печать и революция", и в нем в директивной статье, озаглавленной "Свобода книги и революция", Наркомпрос *А.В. Луначарский* писал:

"Человек, который скажет "долой все эти предрассудки о свободе слова, нашему коммунистическому строю соответствует государственное

руководство литературой, цензура есть не ужасная черт переходного времени, а нечто присущее упорядоченной, социализированной социалистической жизни"..., тот покажет только, что под коммунистом у него, если его немного потерять, в сущности сидит Держиморда и что, сколько-нибудь подождая к власти, он ничего другого из нее не взял, как удовольствие куражиться, самодурствовать и, в особенности/тащить и не пушать." ... Переходное время есть переходное время. Не надо нетерпеливо отмахиваться от тех его сторон, которые в нем неизбежны, которые являются путями к лучшему будущему, но не надо эти стороны, часто горькие, превращать чуть ли не в источник удовольствия, чуть ли не в самоцель".

Что же касается однопартийной системы ("диктатуры партии", как она именовалась на тогдашнем откровенном политическом языке), то ограничимся ссылкой на такой высоко авторитетный документ как политический отчет ЦК партии XII съезду весной 1923 года, в котором она рассматривается как переходная, временная и срок ее сохранения в нашей стране определяется примерно десятью годами.¹⁴⁵ Т.е. до середины 30-х годов — как раз до того времени, когда, по иронии истории, Сталин навсегда включил ее в постоянную Конституцию не переходного общества, а своего общества "полного социализма".

Так сталинская ориентация на построение социализма в одной нашей стране, повлекшая за собой вместо действительного построения социа-

лизма словесное объявление социализма построенным и этим приведшая к отождествлению ленинских переходных отношений и временных мер на пути к социализму с отношениями и мерами сталинского построенного лжесоциализма, привела тем самым и к отождествлению сталинизма с ленинизмом. Но в ложности (и лживости!) этого отождествления имеется еще одна сторона решающего значения. Ибо:

Во-вторых, дело не только в том, что временные отношения и формы перехода к социализму были выданы за постоянные отношения и формы полностью построенного социализма. Дело еще в том, что сам переход, во всех его формах и отношениях был искажен ориентацией на социализм в одной стране, и этот *аномальный* переход чем дальше, тем больше превращался в уход от пути к социализму, и складывавшееся общество все больше утрачивало начальные, пусть незрелые, но в согласии с наукой замысленные и Октябрем заложенные черты и тенденции социализма. До того как стать одним из главных зачинщиков и теоретиков построения полного социализма в одной стране Бухарин, например, пытался отмахнуться от надвигавшейся роковой проблемы ссылкой на отсталость России. В докладе о программе Коммунистического Интернационала на ГУ Конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года он сказал, что "русский социализм, по сравнению с другими, будет выглядеть по-азиатски" и что "все черты отсталости нашего экономического развития найдут себе выражение в отсталых формах нашего социализма".¹⁴⁶

Конечно, это рассуждение было честнее и трезвее, чем будущая сталинская похвальба полностью построенным социализмом (сам Бухарин уже не участвовал в ней) и, уж тем более, чем неосталинистское идеологическое и танковое навязывание нынешних советских порядков в качестве самой передовой и чуть ли не единственной модели социалистического общества - "развитого социализма", "переходящего в коммунизм". Бухарин, можно сказать, предчувствовал проблему за два года до того, как она встала в повестку дня, но не нашел ответа, а когда ее время пришло, искал ответа — вместе со Сталиным — на ложном пути. Ибо дело шло не о том, более или же менее "отсталые формы социализма" получатся в отсталой стране, а о самой возможности социализма, социализма в любой форме, в пределах любой (но одной, отдельно взятой!) национально ограниченной страны.

История сталинизма фактами подтвердила научное положение о мировом существе и о невозможности национально-ограниченного социализма. Подтвердила тем, что желая и взявшись строить общество, ориентированное на социализм в одной отдельно взятой стране, он в действительности построил общество не только не социалистическое, но и не ведущее к социализму, не переходное к социализму. И это было неизбежно, поскольку метод и механика этого строительства и самый *механизм власти*, при помощи которого строительство велось, были уже с первых шагов и, чем дальше, тем шире и глубже пронизаны и отравлены национальной ограниченностью.

О национальной ограниченности Сталина как личности и политика мы выше в настоящем параграфе уже говорили. Сказали мы и о трех этапах, через которые прошло перерождение ленинского строительства социализма в нашей стране, как зачина и части мирового социалистического общества, в сталинскую идею и практику построения национально-самодовлеющего, изоляционистского социалистического общества. А вопрос о национально обусловленной ограниченности идеологических принципов и технических инструментов того механизма власти, который методически создавался и был создан Сталиным и его преемниками-неосталинистами, *т.е. вопрос о роли специфически российских национальных традиций в формировании ведущих линий этого механизма власти, требует самостоятельного исследования, за которое (насколько нам известно) никто из историков сталинизма всерьез еще не брался.* Между тем, это весьма обширная тема, одновременно сплошная и дробная, охватывает всю жизнь и всю историю послеленинского советского общества — всю и решительно во всем. И только раскрыв полностью этот огромный диапазон противостоящих социализму, но выдаваемых за социализм общественных явлений, можно не только доказать теоретическую ошибочность российского опыта строительства социализма, ориентированного на построение социалистического общества в одной стране, но и познать реальные корни и границы этого трагического опыта — и извлечь из него уроки для предстоящего нашей стране возобновления движения к

социализму. И в первую очередь, для возвращения нашей великой стране нереализовавшихся — да и для восстановления утраченных ею — социалистических возможностей.

3

Но есть и другой вариант осуждения и отвергания Ленина и Октябрьской революции — не отождествление Ленина со Сталиным, не перенесение на Ленина вины за сталинизм и неосталинизм, а напротив — противопоставление Сталина Ленину как трезвого реалиста наивному фантазеру. В наше время часто слышится многоголосый (и на разные голоса!) вопрос: "К чему все эти рассуждения о двух путях, которые предлагались и были якобы возможны для русской революции, и о преимуществах ленинского пути перед сталинским? Ведь реалистической же, как показала жизнь, была линия Сталина, игнорирующая мировую революцию и ориентирующаяся на внутренние силы, национальные традиции и исторический экспансионизм России. Ориентация же Ленина на мировую революцию и на согласование с нею стратегии и тактики русской революции оказалось утопией: вот уже больше полувека длится задержка революции в передовых капиталистических странах, и виды на конец этой пресловутой "задержки" сегодня, пожалуй, менее обнадеживающи, чем полвека тому назад. Хорошо же мы выглядели бы с нашей русской революцией, если бы во время развилки 20-х годов выбрали путь Ленина!" И т.д.

Но так ли в самом деле обстоит дело? Правильно ли в этом вопросе прочитаны уроки истории? Не школьный ли (или административный, бюрократический?) фатализм говорит в этой аргументации? Раз произошло, то и должно было произойти и иначе не могло произойти — так, что ли? Нет, не так просто шли исторические процессы в минувшие полвека.

Задержка мировой революции в 20-х годах была результатом поражения, которое рабочий класс, не имевший опыта и выучки, да и просто достаточных сил, потерпел в героической схватке с буржуазией и ее правительствами в капиталистических странах. Эта задержка представляла перерыв в наступательной борьбе рабочего класса против капиталистического строя — перерыв для перестройки своих боевых рядов и накопления новых сил, для усовершенствования своей организации и стратегии. Она, эта задержка, не убила революционного духа и революционных устремлений, надежд и расчетов западного пролетариата; доказательство — рост и успехи Коминтерна. Но к концу 20-х годов на сцену истории выступила сталинская фантазмагория построения "полного социализма" в одной изолированно взятой экономически и культурно отсталой России. Это построение, состоявшее в бюрократической "индустриализации" страны с применением разных степеней и форм принудительного труда и в насильственной "коллективизации" сельского хозяйства, могло осуществляться только тоталитарными и террористическими методами. Оно потребовало миллионы казнен-

ных и замученных людей и десятки миллионов лагерных рабов, ссыльных полурабов да погибших от голода помимо тюрем, лагерей и ссылок. Оно привело к казарменному умертвлению демократического духа, чувства личного достоинства, народной самодеятельности и высоких моральных ценностей, принесенных Октябрьской революцией. Оно создало (и канонизировало!) экономическую систему безвыходной неэффективности и беспомощности, даже в лучшие из сталинских годов на грани нищеты и голодания.

Победа сталинизма в стране строящегося социализма по времени совпала с экономическим кризисом невиданной силы в капиталистическом мире, сотрясавшим этот мир до самых его основ и вплотную приведшим к окончанию задержки мировой социалистической революции, к переходу рабочего класса в новое революционное наступление. И страшные события в сталинской России не только парализовали этот, подготовленный и стимулируемый всей экономической и социально-политической ситуацией, новый революционный подъем, не только помешали задержке революции закончиться, не только продлили задержку, но переродили ее внутренний характер, ее существо. Рабочие массы Запада, видевшие в ленинском Октябре свой собственный путь и свое будущее, в смятении и ужасе отшатнулись от нашей революции и нашего социализма.¹⁴⁷ А затем на западные коммунистические партии обрушились известные сталинские акции, все более бессовестные и преступные, все более жестокие, а там и прямо коварные, — более остерве-

нелые и отвратительные, нежели преследования коммунистов капиталистическими государствами. И наступившие десятилетия (увы, еще не закончившиеся) говорят уже не о перерыве в мировой социалистической революции из-за превосходящей — до поры до времени — силы капиталистической реакции, не о временном (относительно кряттсовременном!) отливе непосредственно революционной ситуации. Они говорят о *затяжном* и все более глубоком *разочаровании* трудящихся масс капиталистических стран в целесообразности и разумности революционного пути к социализму, после того, как Сталин обесчеловечил, обессмыслил и обесчестил этот путь, пронизав его всенародными муками и залив морями крови, до дна отравив материальную, моральную и интеллектуальную жизнь народа нашей огромной страны и деморализовав, унизив, развалив и разгромив детище Октября, организатора и вождя мировой революции — Коминтерн. Между тем монополистический капитализм хорошо использовал длительную передышку, которую ему предоставило разочарование народных масс в коммунистической революции. Передышка позволила ему стать инициатором и двигателем современной научно-технической революции и, таким образом, перехватить это всемирно-историческое дело у социализма, который, будучи извращен и обессилен сталинизмом, оказался не только не способен творчески участвовать в ней, но даже не в состоянии достаточно весомо следовать за капитализмом в ее осуществлении, все больше отставая в темпах и размахе.

Опираясь на научно-техническую революцию и приспособив ее к своим потребностям и возможностям, монополистический капитализм усовершенствовал и укрепил свои экономические основы и воспользовался этим для создания и расширения социально-политических и пропагандистских механизмов примирения с рабочим классом и интегрирования его *в свою*, капиталистическую систему. И вместе с этим жестокая и расточительная цена экономического и технического прогресса в обществе сталинского "полного социализма" отпугивала и отталкивала поднявшиеся и ширящиеся антиимпериалистические революции в колониях и полуколониях Азии, Африки, Латинской Америки и помогала монополистическому капитализму вытравлять из них социалистические устремления и тенденции, рожденные Октябрем, и уводить эти революции в русло капиталистического развития, "интегрируя", таким образом, в мировую систему капитализма и этих, XX веком предуготовленных и исторически естественных соратников и участников мировой социалистической революции.

В последнее время мир стал свидетелем еще одного выигрыша капитализма в его противодействии движению человечества к коммунизму, и этот, быть может, самый серьезный его выигрыш тоже был приуготовлен победой сталинизма над ленинизмом. Победа сталинизма дала капитализму возможность изображать себя в качестве демократической альтернативы неосталинистским вторитарным (чтобы не говорить: тоталитарным) обществам. В ленинские годы социалистической

революции слабейшим местом капитализма было отсутствие у него обоснованной идеологии и убедительных общественных идеалов, которые он мог бы, под видом исторически прогрессивных, противопоставить идеалам, идеям и политике тогдашнего коммунистического движения. В то время идеологи капитализма не отваживались принять вызов тех, кто говорил и действовал от имени коммунизма. Их полемический арсенал сводился к невежественным и бесчестным, клеветническим и до смешного ничтожным выпадам, вроде болтовни об обобществлении женщин в большевистской России. Ныне же капитализм выступает в роли носителя и поборника привлекательно и реалистически выглядящей идеологической концепции "прав человека", противопоставляя ее защитникам лицемерного, духовно-опустошающего и отталкивающего человеческого бесправия, установленного в лжекоммунистических странах неосталинизма. Итог полувекового господства сталинизма: в идеологической борьбе современности капитализм наступает, а искаженный сталинистами коммунизм обороняется. Обороняется не собственным оружием коммунизма, ныне утраченным, а поддельным да чужим и поэтому все менее действенным. И если в прошлом, в идеологической борьбе с подлинным марксистско-ленинским социализмом, капитализм неизменно терпел поражения, то ныне, в идеологической борьбе со сталинским лжесоциализмом он все чаще выходит победителем.

Словом, если в человеческой истории видеть

не мертвый механический и, стало быть, фаталистический процесс, а ход реальной общественной жизни, совершающийся стремлениями и борьбой реальных живых людей и реальных социальных институтов, то подлинной исторической причиной современной затянувшейся задержки мировой социалистической революции предстает торжество сталинизма в первой стране строящегося социализма. Не фаталистически понимаемый ход истории повинен в полувековой задержке мировой социалистической революции XX века. За эту задержку несет ответственность сталинизм, который в решающие десятилетия отнял у народов марксистско-ленинское понимание коммунизма и пути к коммунизму через социализм, как первую его стадию, и шаг за шагом, методически переродил и погубил марксистско-ленинские коммунистические партии — единственно возможный инструмент, созданный человеческой историей для движения по этому пути. А сказать, что путь Сталина был единственно реалистическим путем, значит отождествить реализм с преступностью. В большом плане истории преступление Сталина — двойное преступление: против России — что он вырвал ее из мировой социалистической революции, и против человечества — что он погасил и отнял у мировой революции ленинский маяк русского Октября. Удастся ли исправить это историческое несчастье — вот от чего, в буквальном смысле слова, зависит судьба современного человечества. И тем, кто желает участвовать в трудах и борьбе по такому исправлению, надлежит твердо усвоить: не "за-

держку" мировой революции предстоит теперь истории преодолеть, чтобы вывести человечество (а значит и народы Советского Союза) на дорогу к коммунизму. Истории предстоит преодолеть, рассеять, изжить разочарование в коммунизме, порожденное сталинизмом, а ныне питаемое неосталинизмом, очистить и вновь вселить в умы и сердца людей коммунистический идеал и восстановить убеждение в том, что и в наше время ленинский путь мировой революции остается единственно разумным и человечным путем осуществления этого идеала — разумеется, с учетом тех, исторического масштаба, перемен, которые в прошедшие полвека внесли в характер и в соотношения сил капитализма и антикапитализма.

10. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сталинизм - это политическое и идейное течение, стоящее вне ленинизма. И своим теоретическим пониманием социалистической революции и социалистического общества и своей практикой строительства социализма сталинизм чужд и противостоит ленинизму, извращает основы ленинизма и изгоняет ленинизм из мировой борьбы за социализм и из дел русской социалистической революции. Искать истоки и корни сталинизма в Ленине — ложно. Длительная и затяжная эпоха сталинизма войдет в историю как антисоциалистический разрыв с кратковременной могучей эпохой ленинизма. Что из себя представляет нынешний общественный строй Советского Союза — несоциалистический, некапиталистический и не переходный от капитализма к социализму, — непредусмотренный и непредвиденный общественной наукой (в том числе марксистской¹⁴⁸), — и каково место этого строя в истории человечества, мы попытались показать в другой работе.¹⁴⁹ Настоящую же статью закончим несколькими резюмирующими страницами:

Состояние, в которое Сталин завел, а неосталинизм все дальше и глубже погружает советское общество, это состояние всесторонней затяжной, уже застарелой болезни и тупика. *Общественный строй СССР, ныне именующий себя "реальным социализмом", не только далек от подлинного социализма, от первой стадии коммуниз-*

ма. Решающее значение имеет то, что этот строй, как таковой, и значит, предоставленный самому себе, не содержит в себе объективных закономерностей и тенденций возврата на путь развития в направлении социализма, а его политически властвующая элита лишена социальной заинтересованности в таком развитии и, стало быть, субъективных стимулов к нему (ибо оно отменит общественные устои ее процветания, да и самого ее существования),¹⁵⁰ Неудивительно поэтому, что ширятся настроения разочарованности в самой Октябрьской революции, поставившей Россию на путь строительства социализма, — в ее исторической необходимости и даже оправданности. И эти умонастроения выливаются либо в предложения вывести нашу страну из ее нынешнего межеумочного положения, переведя ее развитие на рельсы конвергенции с высоко-индустриальным капитализмом, либо в предложения сделать это, повернув страну вспять, на путь воскрешения в ней "исконных" российских дооктябрьских национальных (читай: националистических) и религиозно-этических традиций.¹⁵¹ Но наш век есть время объективно назревшего движения человечества от эпохи капитализма к эпохе коммунизма; между тем, и те и другие предложения игнорируют русло этого мирового исторического процесса. Первые предложения идут мимо этого процесса, вторые — даже против него. В своем неведении и разочаровании принимая за коммунизм то, что за него облыжно выдают неосталинисты, и те и другие предложения видят свою цель в спасении России от коммунизма.

f

Они поэтому утопичны, как в плане мировой перспективы, так и в плане судеб четвертьмиллиардного народа Советского Союза. Все, что в тех и других предложениях есть трезвого и разумного в смысле оберегания и развития национальных своеобразий великого народа и в смысле рационализации и демократизации прогресса этого народа, все это может быть и будет осуществлено лишь на ином пути — на пути возобновления участия нашей страны в движении всего человечества к коммунизму, которое полвека назад именно в ней, в нашей стране, началось, а потом прекратилось, будучи извращено и загублено сталинизмом.

И, в отличие от тех утопических предложений, наука (т.е. марксизм) требует такого единственно реалистического реформирования нынешней страны Советов, которое вернет ее на путь прерванного движения к коммунизму, спасет коммунизм в стране и страну через коммунизм — ради восстановления ее утерянного места в неизбежно все шире нарастающем движении человечества к коммунизму. И когда и как только определится отказ нашей страны от сталинистского "реального социализма" и начнет осуществляться ее поворот к коммунизму, как только в ней возобновится строительство подлинного социализма, социализма как первой фазы коммунизма, так и все не- и антикоммунистические рецепты спасения страны очень скоро потеряют исторический резон и притягательную силу.

Для коммуниста же, глядящего вперед, борьба против этих ложных рецептов состоит не

столько в теоретической и литературной полемике с ними, сколько в разоблачении ложности и пагубности так называемого "реального социализма", вызвавшего их к жизни, и в разработке путей избавления нашей страны от него. А это нелегкая задача, ибо ликвидация сталинистского "реального социализма" будет отнюдь не одноактным мероприятием. И с теоретической и с практической стороны она представит собой длительный и сложный процесс и будет состоять в том, чтобы в полувековых преобразованиях, достижениях и приобретениях страны и народа критически отделить то, что можно и должно удержать и, переделав, использовать для движения к социализму, как первой фазе коммунизма, от того, что следует в корне переменить, а то и вовсе отменить и отбросить. Читатель понимает, что вопрос о том, *как, какими* социальными и политическими средствами и методами, *в какой* последовательности и *в какие* сроки осуществлять эти сохранения, переустройства и ликвидации, не входит в тему наших теоретических заметок и должен составить предмет другой работы. Достаточно будет здесь сказать: для коммуниста последней четверти XX века — и для исторической науки! — не может быть сомнений, что ленинизм принадлежит к числу тех великих творений человеческого гения, о которых у поэта было сказано: они "минуя внуков, к правнукам уйдут..."¹⁵²

* * *

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Вот, напр., как это отмежевание выглядит в документе французской компартии об отношении чехословацкой партии к движению "Хартия-77": "Французские коммунисты категорически исключают из своей политической перспективы покушения на права и свободы - индивидуальные и коллективные. Они объявляют их чуждыми идеалу социализма. Они считают не только желательным, но обязательным для развертывания социализма развитие демократии во всех ее аспектах, - а это предлагает сопоставление противоположных мнений, споры, борьбу идей" ("Humanite", 25 янв. 1977 г.; "Atteintes aux libertes Jekceoslooqu. Перепечатано в "Cahiers du Communisme", 1977, №3, март).

² Вот как уже в 1967 г. была свыше формулирована мера десталинизации: "Эти (т. е. сталинские - А. З.) извращения, несмотря на всю их серьезность, не изменили природу социалистического общества, не поколебали устои социализма". (Тезисы ЦК КПСС "50 лет Великой Октябрьской социалистической революции", §5).

³ Там же, §13: "Партия сохраняет преемственность генерального курса. Этот курс она отстояла в непримиримой борьбе против троцкизма, мелкобуржуазного авантюризма, правых оппортунистов, национал-уклонистов и других антиленинских течений и групп". Только слово "линия" стыдливо заменено словом "курс". Но бережно сохранены даже политический язык и каноническая терминология времен Сталина.

4 В 1975 году официальное издание "Марксистско-ленинское учение о социализме и современность" (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, авторский коллектив под руководством члена ЦК КПСС акад. П. Федосеева) авторитетно и справедливо добавляет: "Это можно сказать и о других сферах общественной жизни социальной, политической, духовной: их основные черты остались теми же, что и в конце 30-х годов" (стр. 249).

5 "Правда", 1976, 14 февраля. - Передовая: "Последовательный ленинский курс".

6 Читатель, конечно, обратил внимание, что среди перечисленных параграфов нет специально посвященного вопросу о демократии - наиболее злободневному в сегодняшних спорах по теме настоящих заметок об отношении между социализмом и неосталинизмом. Но вопрос этот имеет уже большую литературу (и самиздатную, и тамиздатаую) и даже обстоятельные исследования; назовем, к примеру, книгу Р. А. Медведева о социалистической демократии, вышедшую на нескольких языках и выдержавшую два издания. Так что автор, вероятно, вправе избавить себя (а вместе с тем и читателя) от еще одного разбирательства этого вопроса. Что же касается существа дела, то оно не обойдено автором; его подход и взгляды по поводу демократии в государствах при социализме и в неосталинистском обществе достаточно определено и подробно изложены, как увидит читатель, по ходу предлагаемых заметок.

7 К. Маркс и Ф. Энгельс - Сочинения, 2-е изд., т. 19, стр. 20.

8 Это изложено Марксом в "Критике Готской программы", в 1875 году (К. Маркс и Ф. Энгельс - Соч., 2-е изд., т. 19, стр. 19) и Лениным, вслед за Марксом, в рукописи "Марксизм о государстве" и в "Государстве и революции" в 1917 году (ПСС, т. 33, стр. 183 сл. и стр. 91-95). А Энгельс так пояснил это в "Анти-Дю-

ринге" в 1878 г.: "В обществе частных производителей расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам . достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы: искусный раб продается по более высокой цене, искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т. е. большие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на добавочную плату". (Маркс и Энгельс - Сочинения, 2-е изд., т. 20, стр. 207).

9 Ленин даже считал, что только при осуществлении социалистической оплаты труда осуществляется социалистическое владение средствами производства. В "Государстве и революции" читаем: 'Тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, то есть (выделено нами. - А. З.) равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше... к осуществлению правила: "каждый по способностям, каждому по потребностям" (ПСС, т. 33, стр. 99).

10 "КПСС в резолюциях", изд. 8-е, т. 3.

11 "Известия НКТ", 1925, № 17-18 и 23.

12 "КПСС в резолюциях", изд. 8-е, т. 3: резолюция XV конференции РКП (б) о хозяйственном положении и ее же резолюция о задачах профсоюзов.

13 "Большевик", 1928, № 11: М. Брудный - "Наброски к методологии советского хозяйства".

14 "Большевик", 1930, № 17: А. Павлов - "Борьба за пятилетку и социалистическая организация труда".

15 См. сборник Института экономич. исследований Госплана СССР "На новом этапе социалистического

строительства", т. 1, М., 1930, стр. 44, 46. - Статья Струмилина озаглавлена "Проблема социалистических городов" и в ней есть параграф: "Коллективизация зарплаты".

¹⁶ Сессия была рассчитана на широкий отклик, и стенограмма доклада и прений была издана отдельной книгой под тем же заглавием.

¹⁷ В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.: "Новая обстановка - новые задачи хозяйственного строительства". См.: И. Сталин - Соч., т. 13, М., 1951, особенно стр. 57.

¹⁸ Вместе с объявлением государственной собственности на средства производства основным производственным отношением социалистического общества, а самого этого общества — классовым.

¹⁹ Н. Вознесенский - "К вопросу об экономике социализма" ("Большевик", декабрь 1931 г., № 24-24, стр. 54,55, и январь 1932 г., № 1, стр. 29).

²⁰ *Выражение* "дифференциация зарплаты по количеству и качеству труда" мы встречаем уже в 1930 году в упомянутой выше статье Струмилина, но лишь для обозначения несоциалистического метода "стимуляции труда поощрительными формами оплаты в переходный период к социализму" (стр. 45, 58...), а не как формулирование принципа социализма

²¹ "Экономика труда. Учебное пособие. Ч. 2-я". Составлено коллективом под руководством и редакцией М. Кривицкого. М.-Л., 1933, стр. 125 и 129.

²² Уже в 1934 году (17 марта) выходит Постановление ЦИК и СНК СССР "Об исчислении заработка работников по количеству и качеству выработанной ими продукции".

23 в феврале 1931 г. в органе НКТруда СССР "Вопросы труда" читаем: "Новые социалистические формы труда выдвигают в порядок дня вопрос... о переходе от сдельного к повременному расчету" - к "фиксированной повременной зарплате..." "Восстановительный период... правильно поставил вопрос о самом широком развитии сдельных форм оплаты труда... Период реконструкции на началах высокоорганизованной техники со всей решительностью выдвигает вопрос о повременной зарплате. 1931 год - третий год пятилетнего плана великих работ — должен стать переломным в вопросе о формах оплаты труда" ("Вопросы труда", 1931, № 2, стр. 14, 17, 24). А через 2 дня после речи Сталина "Правда" (25 июня) обзывает эту истину "троцкистской ересью..."

24 "Капитал", т. 1 - Соч., Маркса и Энгельса, 2 изд., т. 23, стр 566.

25 См., напр., его "От какого наследства мы отказываемся?" - ПСС, т. 2, стр. 525-526.

26 "Очередные задачи Советской власти", - ПСС, т. 36, стр. 173, 189.

27 "Экономика труда. Учебное пособие". 2-е переработанное издание под ред. М. М. Кривицкого. Институт экономики Комкадемии. М.-Л., 1934, стр. 202. - В первом издании (1933 г.) этого места еще нет.

28 Впрочем, здесь формулой оплаты труда по количеству и качеству закреплялась и канонизировалась линия, введенная Сталиным уже в первые годы своей власти. В 1926 году (конечно же при помощи решения VII съезда профсоюзов) работники аппарата были выделены из единой тарифной системы 1922 года в особую систему должностной оплаты. А через три года, вместо ограничительного тарифа 1925 года, вводится новый и совершенно иной тариф для ответственных

политических работников, предусматривающий повышенную оплату за государственную важность их работы. Как не вспомнить, что в согласии со взглядами Маркса на социализм и социалистичность, Ленин требовал, чтобы жалованье чиновника любого ранга и положения не превышало средней зарплаты рабочего.

²⁹ Что же касается оплаты труда этой властвующей элиты, состоящей в советской стране почти исключительно из членов коммунистической партии, то, может быть, всего выразительнее о перемене, которую в ее материальное положение внес принцип оплаты "по количеству и качеству труда", говорит судьба "партмаксимума". Название "партмаксимума" получила максимальная денежная сумма, какую члену партии разрешается брать для себя из причитающейся ему зарплаты. Он был введен в 1922 году - в буквальном смысле завет уходящего Ленина. Несколько лет Сталин не трогал положения о партмаксимуме, но превратил его в лицемерную формальность системой добавок к зарплате и всевозможных материальных привилегий для избранного "партактива". А с 1929 года партмаксимум начали и формально (конечно, без огласки) свертывать, чтобы к 1932 году вовсе - и навсегда - отменить.

³⁰ После XX съезда партии было обнаружено, что в 1956 году в нашей стране применялось примерно 2000 различных тарифных сеток, число тарифных ставок 1 разряда равнялось нескольким тысячам, а схем должностных окладов было около 700. (С. Каринский — ст. "Тарифная система" в "Экономической энциклопедии. - Промышленность и строительство", т. 3, М., 1965). Так выглядела на практике сталинская система оплаты труда по количеству и качеству...

³¹ См. об этом подробнее ниже, в конце параграфа о теории социализма в одной стране.

³² И. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 118.

33 Первая глава Конституции заканчивается фразой: "В СССР осуществляется принцип социализма: от каждого по его способностям, каждому - по его труду".

34 Мы говорим "изобретение Сталина", потому что и здесь, как относительно ряда других его теоретических новшеств, пока (во всяком случае, по материалам, доступным автору настоящего очерка) не представляется возможным установить, сам ли Сталин придумал эту "формулу социализма" или она была ему подсказана кем-либо из его приближенных.

35 История социализма знает пример такого понимания социалистического распределения: сен-симонисты были против равенства оплаты труда, а за вознаграждение по иерархии способностей и заслуг. Их формулу: "Каждому по его способностям, каждой способности по ее делам" Сталин (или его подсказчик) мог прочитать в популярной книжке В. Волгина, вышедшей в свет как раз в то время, когда была выдвинута сталинская формула социализма (В. Волгин - "История социалистических идей", ч. 2, вып. 1-й. М.-Л., 1931, особ. стр. 32). А что Сталин со смешным высокомерием мог говорить о "пустыне утопического социализма" после того как воспользовался выросшим в этой пустыне плодом, не удивит этого универсального новооткрывателя. Заметание следов есть одна из черт этого метода.

36 "Отчетный доклад XVII съезду о работе ЦК ВКП (б) 26 января 1934 г. "См.: И. Сталин - "Вопросы ленинизма", изд. 2-е, стр. 470.

37 Л. И. Брежнев - "Ленинским курсом. Речи и статьи". Том 2. М., 1970, стр. 590.

38 Сразу же после появления Программы официальный партийный комментатор мыслей Ленина, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, счел нужным спе-

циально пояснить вышеприведенное предложение Ленина о "практическом применении и испытании сдельной оплаты" на национализируемых предприятиях. Этот неосталинистский комментарий 1962 года гласит: "Внедрение сдельной оплаты труда наиболее полно отвечает социалистическому принципу распределения по количеству и качеству труда" (В. И. Ленин - ПСС, т. 36, стр. 591).

³⁹ См. газ. "Правда", 17 июля 1970 г.

⁴⁰ Доклад Ленина о субботниках на Московской общегородской конференции РКП (б) - 20 дек. 1919 г. - ПСС, т. 40, стр. 33, 36.

⁴¹ В брошюре "Великий почин": "бесплатная работа в интересах общества" (28 июня 1919 г. - ПСС, т. 39, стр. 26). В политическом докладе ЦК на VIII Всеросс. конференции РКП (б): "безвозмездная работа на общественную пользу" (2 дек. 1919 г. - ПСС, т. 39, стр. 360). В речи на I съезде земледельческих коммун и с.-хоз. артелей: "Коммунистический труд, т. е. такой, который ведется бесплатно" (4 дек. 1919 г. - ПСС, т. 39, стр. 380). В статье "От разрушения векового уклада к творчеству нового": "бесплатный труд на пользу общества... труд вне норм, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении" (8 апреля 1920 г. - ПСС, т. 40, стр. 315). И. т. д.

⁴² Ну а советская наука? Какую позицию занимает она в этом нечистом деле? Да ту позицию, которая ей предназначена неосталинизмом. Вот достаточно представительный пример. В юбилейном фундаментальном коллективном труде Академии наук СССР, претендующем на высокую теоретичность (к участию привлечен цвет советской общественной науки!) и изданном под весьма ответственным названием: "Социализм и коммунизм" (М., 1967), в статье, написанной одним из редакторов, чл.-корр. Академии наук Л. Гатовским, читаем (стр. 47): "Процесс постепенного перерастания

социалистического труда в труд коммунистический имеет ряд стадий посредствующих звеньев и переходов, основанных на росте технической вооруженности труда, на таком развитии материально-технических условий, которые в сочетании с новыми социальными условиями, возникающими в ходе коммунистического строительства, преопределяют все большее проникновение духовного начала в труд работников производства, все большее соединение науки с производством". И в этом важнейшем многословии *ни единого слова* о бесплатности коммунистического труда и о переходе к ней...

⁴³ Когда "уничтожены экономические основы существования классов" (К. Маркс - "Конспект книги Бакунина "Государственность и анархия". 1874 — нач. 1875 г. См.: М. и Э. - Сочинения. 2-е изд. Т. 18, стр. 611.

⁴⁴ Но энциклопедический словарь русской прогрессивной интеллигенции определяет социализм как "учение об общественном строе с обобществленными средствами производства, без классов и без социального неравенства" ("Гранат", 7-е изд., т. 40, вып. 3, ст. о социализме С. Солнцева, стр. 385).

⁴⁵ У Маркса же достаточно взять "Критику Готской программы", где о первой фазе коммунизма сказано, что она "не признает никаких классовых различий" (Сочинения М. и Э., 2-е изд., т. 19, стр. 19). А из Ленина дореволюционного времени можно привести хотя бы "Замечания на второй проект программы Плеханова", 1902 г., где он, чтобы избежать "неопределенность", советует для определения социализма "взять формулу, предложенную Марксом в критике Готской программы: уничтожение деления на классы и вытекающего из него неравенства" (ПСС, т. 6, стр. 232).

⁴⁶ "КПСС в резолюциях.", изд. 2-е, ч. 2, стр. 693.

⁴⁷ И. В. Сталин - Сочинения, т. 13, стр. 172.

"КПСС в резолюциях...", изд. 2-е, ч. 2, стр. 746.

Резолюция редактирована Сталиным. См.: И. В. Сталин - Сочинения, т. 13, стр. 417.

И. Сталин - "Вопросы ленинизма", изд. 2-е, стр. 467.

Автору были недоступны материалы июньского (1936 г.) Пленума ЦК ВКП(б), на котором рассматривался и был одобрен проект Конституции. Ему неизвестно, выступал ли на Пленуме Сталин по этому вопросу и если выступал, то с чем.

См.: И. Сталин - "Вопросы ленинизма", изд. 2-е, стр. 512, 514, 516, 527.

Говоря точнее: ее появление как официальной идеи советской компартии. Научная молодежь, прислуживавшая сталинской политике, выдвинула эту идею уже весной 1931 года, т. е. больше чем за пять лет до того, как на это решился Сталин. Мы имеем в виду дискуссию в Коммунистической академии на тему "Вступление в период социализма и завершение построения фундамента социалистической экономики". Островитянов, Борилин, Гатовский - ни один из этих тогдашних ведущих "политэкономов социализма" не считал нужным посчитаться с несовместимостью социализма с классовым делением общества, а Борилин прямо отнес бесклассовость общества к "полному коммунизму". Один лишь К. Бугаев выступил поленински: "Социализм, первая фаза коммунизма, уже предполагает уничтожение классов" (См.: "Вестник Комакадемии", 1931, кн. 5-6).

Стоит отметить, что цитированные выше статьи Юдина и Стецкого были перепечатаны в директивном сборнике "Социализм и коммунизм", вышедшем в поворотном 1936 году, чуть ли не накануне речи Сталина.

55 См.: И. В. Сталин - "Вопросы ленинизма", изд. 2-е, стр. 589. Кстати, в этой истории отчетливо сказан характерный стиль Сталина в делах политики и в делах теории: до поры до времени он воровато ведет рд-ру и на классовость, и на бесклассовость социализма, чтобы иметь алиби, какая бы карта ни вытянулась. В резолюцию XVIII съезда о третьей пятилетке была включена такая фраза: "СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму" (См.: "КПСС в резолюциях...", изд. 8-е, т. 5, стр. 339). Т. е. передвинем пока что бесклассовый социализм из второй пятилетки в третью, а там будет видно... Можно поэтому понять нерешительную, выжидательную позицию, которую в это переходное время занимает Большая Советская Энциклопедия. В 33 томе (1938 г.) читаем, что социализму для перехода к коммунизму предстоит полностью уничтожить классы, т. е. что сам по себе социализм является еще классовым строем (статья "Классы и классовая борьба", стр. 45, где это мнение, кстати говоря, облыжно приписывается не только Сталину, но и Ленину), а в 42 томе (1939 г.) говорится о построении бесклассового социалистического общества (статья "Общество", стр. 584).

⁵⁶ В том же году вышел 52-й том Большой Советской Энциклопедии со статьей "Социализм", в которой развивается эта же идея. "При социализме уничтожаются эксплуататорские классы, коренным образом изменяется классовая структура общества" — читаем мы в этой статье (стр. 174-175).

⁵⁷ В отчете ЦК на XXV съезде КПСС (февраль 1976 года), в связи с вопросом о подготовке проекта новой Конституции СССР, предлагается "зафиксировать (в нем) не только общие принципы социалистического строя, выражающие классовую сущность нашего государства..." ("XXV съезд КПСС. Стенографич. отчет",

М. 1976, т. 1, стр. 112. - Выделено нами - А. 3.). Но уже в 1964 г. мы читаем в 3-м томе "Философской энциклопедии" (ст. "Коммунизм", стр. 13): "Построение социализма знаменует собой принципиальное изменение классовой структуры". А отнюдь не ликвидацию классовой структуры!

" Некоторые из таких ухищрений родились в последние годы Сталина, и часто неосталинизму достаточно было только перенести их в свой арсенал. Делать это было тем легче и естественнее, что многие из нынешних знатных теоретиков-неосталинистов это, прямо говоря, орденоносные теоретики сталинского времени, дожившие и державшиеся на своих местах до наших дней. Но не будем вдаваться в теоретические и биографические подробности. Назовем только два "фундаментальных" коллективных труда самого высокого научного ранга, вскоре после войны доблестно разрабатывавших тему классового социалистического общества: Институт философии АН СССР - "О советском социалистическом обществе", М. 1949, и Академии общественных наук при ЦКВКП(б) - "О развитии советского социалистического общества", М. 1950.

" Из самой последней литературы достаточно указать, 3-е издание вполне официальной и притом резюмирующей Большой Советской Энциклопедии, т. 24 (М. 1976), статья "Социализм", стр. 223.

" Оять-таки из новейших изданий назовем "Экономическую энциклопедию. - Политическая экономия", под ред. академика Румянцева, т. 2 (М. 1975), статья "Классы и классовая борьба", стр. 160.

61 "Философская энциклопедия", т. 2 (1962), стр. 535, и "Советская историческая энциклопедия", т. 7 (1965), стр. 400, а из сегодняшней литературы см., например, исследование К. Микульского "Классовая структура общества в странах социализма", М. 1976,

согласно которому "наиболее характерным выражением пения общества на классы является его деление на классы-антагонисты" (стр. 263), дружественные же классы таким выражением, стало быть, не являются.

62 В кавычках фраза из самоновейшего учебника для экономических вузов и факультетов - "Политическая экономия", том 2, составленного академиками, членкорами Академии и докторами наук, 2-е изд., М. 1976, стр. 4.

63 Как здесь не отметить, что эта операция перемены местами производственных отношений и отношений собственности, совершаемая в угоду концепции классового социализма, не только возвращает нас к Прудонским, Дюринговским и прочим мелкобуржуазным надуманностям, против которых воевали еще Маркс и Энгельс, но и слово в слово повторяют Штамллера, Петри и других катедер-социалистов и кантианцев начала века, резонно усматривавших в этом идеалистическое противодействие историческому материализму...

" И. Сталин - "Вопросы ленинизма". Изд. 2-е, стр. 555-558.

" И уже в 1940 году Большая Советская Энциклопедия дает декретированную сталинскую формулу". "Основой производственных отношений является собственность на средства производства" (БСЭ, т. 47, ст. "Производительные силы общества и производственные отношения людей", стр. 147), и после перерыва, вызванного войной, повторяет ее в 1945 году (БСЭ, т. 51, стр. 51, ст. "Собственность"). Всякому понятно, что, пока Сталин был жив, никто из советских коммунистов не осмелился и на шаг отойти от этой формулы. Но вносить в нее новые слова и менять порядок слов, не меняя ее содержания, позволить себе мог один

Сталин. Он это и сделал в последний год жизни: отождествил "производственные" отношения с "экономическими" и "отнес" к ним в первую голову "формы собственности на средства производства" (И. Сталин - "Экономические проблемы социализма в СССР: "Другие ошибки тов. Ярошенко". См. "Большевик", 1952, №18, стр. 38). Так он поставил своим последователям новую глубококомудрую "теоретическую" задачу - и окончательно запутал их.

“ Автору не известно ни одно исключение - ни в исторической, ни в философской, ни в социологической, ни в экономической, ни в юридической литературе 60-х и 70-х годов, как академической, так и популярной. Достаточно будет поэтому ограничиться одним *примером*, совмещающим категоричность формулировки и идеологическую авторитетность. В политическом и теоретическом журнале ЦК КПСС один из его редакторов пишет про собственность: это — "определяющее, существенное отношение производства, которое стоит не рядом, не отдельно от других отношений производства, распределения и обмена, а охватывает их, соединяя в одну целостную систему" (М. Саков - "Общественная собственность - экономическая основа социализма". См. "Коммунист", 1968, № 2, стр. 72).

“ "Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большой частью закрепленному и формленному в законах) к средству производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства" ("Великий почин", - ПСС, т. 39, стр. 15).

68 Выделено Лениным. - См. "Ленинский сборник ^1". Институт Ленина при ЦК ВКП (б). М. 1931, стр. 357.

69 ф. Энгельс - "К критике проекта социал-демократической программы 1891 года", июнь 1891 г. ("Сочин. ф. Э.", 2-е изд., т. 22. М. 1962, стр. 235).

70 Союз рабочих и крестьян вовсе не означает, что нет возможности присваивать труд одних другими. Он означает, что создан путь к уничтожению такой возможности, т. е. к уничтожению различия между классом рабочих и классом крестьян.

71 К. Микульский - "Классовая структура общества в странах социализма" (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР). М. 1976, стр. 262, 263.

" М., 1975, стр. 42. (Выделено нами. - А. 3.)

" Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд., т. 12, 1973, статья "Классы общественные", стр. 280. - В книге "Марксистско-ленинское учение о социализме и современность" это подано в несколько смягченной, но зато уж совершенно бессмысленной форме: в своем определении класса Ленин-де "исходил из представления о преимущественно (! - А. 3.) антагонистическом характере классовых отношений" (М., 1975, стр. 72).

" Вот, например, как эта ложь выглядит в таком ответственном документе, как тезисы ЦК КПСС 1970 года "К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина", параграф 10: "В. И. Ленин характеризовал социализм как период постепенного уничтожения классов", - а вовсе (оказывается) не как общество, в котором уже нет классов, как бесклассовое общество.

Скажем (в сноске) лишь несколько слов по поводу сталинистского объяснения факта сохранения двух различных, от капитализма унаследованных, трудовых классов и в социалистическом обществе. Главным, а в сущности, единственным таким объяснением сталинисты выставляют существование двух форм общественной собственности на средства производства — государственной и кооперативной (колхозной): рабочий класс составляют те, что трудятся на предприятиях, представляющих общенародную собственность, а класс колхозного крестьянства — те, что трудятся на предприятиях, являющихся их групповой собственностью. Но не только в плане социологическом, а и формально-логически этот довод не выдерживает критики: колхозники в неменьшей мере являются (и Конституцией считаются) собственниками предприятий, на которых работают рабочие, чем сами эти рабочие. Если *кроме того* они еще владеют и некоей групповой собственностью, то это не аннулирует и не ослабляет их отношения (и их права) собственности на общенародные средства производства. Сталинизм и здесь ставит вещи на голову: не потому у нас два трудовых класса, что общественная собственность на средства производства существует в двух формах, а потому эта собственность существует в двух формах, что в системе производственных отношений нашего общества сохраняются еще два класса трудящихся, между которыми, как между всякими классами, возможны отношения присвоения чужого труда.

⁷⁶ К. Маркс — "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", - Соч. М. и Э., 2-е издание, т. 8, стр. 212.

Когда думаешь о сталинской концепции классового социалистического общества, невольно приходит на ум Михайский, выступивший со своим толкованием социализма как раз в те годы, когда происходило идейное и политическое формирование Сталина. Михайский (напомним) отвергал социализм, потому что опасался, что он окажется общественным строем, осно-

ванным на эксплуатации простого народа классом "умственных рабочих". Марксисты и пролетарские революционеры справедливо видели в этом контрреволюционный пасквиль, рожденный невежеством и граничащий бредом. Но не перекликаются в каком-то поучительном смысле эти михаевские фантастические страхи далекого прошлого с нынешней реальностью сталинистского классового социалистического общества, которое строится и управляется классоподобной властвующей бюрократией, сверх щедро оплачиваемой по так называемому "качеству" ее "труда" - за счет недоплаты труда самого народа?

"Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года", параграф 7- Нам неизвестно, чтобы появлялась какая-либо формулировка основного экономического закона социализма до сталинской. Правда, в этой же работе (в том же параграфе) Сталин говорит, что в ноябрьской 1951 года дискуссии "вопрос об основных экономических законах капитализма и социализма несколько раз выдвигался". Но тут же добавляет: "большинство участников дискуссии слабо реагировало на это дело, и никакого решения на этот счет не было намечено". Сталин явно желает оставить приоритет за собой. Да и самый термин "основной экономический закон" он употребляет как свое изобретение.

79

В последнем декабрьском номере за 1952 год журнал "Коммунист" в передовой статье рекламирует его как "новый крупнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, высшее достижение научной экономической мысли", и в первом же номере следующего, 1973 года, помещает специальную статью члена редакции (И. Дорошева) "Основной экономический закон социализма", в которой дается директива считать, что "вопрос об основном экономическом законе данной общественной формации — один из коренных вопросов политической экономии", что Сталин "открыл и обосновал основной экономический закон социализ-

ма" и что " сталинское определение самого понятия основного экономического закона имеет огромное значение для политической экономии, а также для других общественных наук". Здесь верно одно: это "открытие", по-видимому, действительно принадлежит Сталину. Марксу, Энгельсу, Ленину было чуждо деление экономических законов на основные и не-основные; даже выражения "основной экономической закон" того или иного общественного строя не найти у них. Зато распространение иерархизации и на научные законы характерно для сталинского способа мышления. Сталин, например, пишет: "Та или иная общественная формация" "не может иметь несколько основных экономических законов, она может иметь лишь один какой-либо основной экономический закон, именно как *основной закон*" ("Об ошибках т. Ярошенко Л.Д.", 22 мая 1952 г.] См. раздел II: "Другие ошибки т. Ярошенко").

" Недаром в буржуазных кругах сталинский основной экономический закон социализма был встречен как характеристика капитализма. Вот два примера: в 1958 г. в нашумевшем "Капиталистическом манифесте" Келсо и Адлера читаем: "Только капитализм, благодаря основательности и последовательности своих принципов, стремится к подлинной человеческой цели — хорошей жизни для всех людей" (L.O. Kelso, M.J. Adler - „The Capitalist Manifesto", N.Y., 1958, p. 147.) А двумя годами раньше профессор Пенсильванского университета Джесси Бернارد на III мировом конгрессе социологов прямо говорит: "Формулировка Сталина об основном экономическом законе социализма (следует точная цитата, приведенная нами выше - А.З.) могла бы быть использована в качестве определения принципа классовой организации, действующей в экономике изобилия, основанной на массовом рынке" (См. „Transactions of the Third World Congress of Sociology", vol. III, 1956, p. 27).

81

Л. Леонтьев, "Начальный курс политической экономии", 2-е изд., М., 1962, и его же "Краткая по-

яйтическая экономия. Учебное пособие для школ основ марксизма-ленинизма", М., 1966; "Курс политической экономии в двух томах" под ред. Н. Цаголова, т. II. Социализм (допущен в качестве учебника для студентов экономических факультетов и вузов). М., 1963; А.Пашков - "В.И. Ленин и развитие экономической науки в СССР", М., 1968; Кафедра политической экономии Высшей партийной школы при ЦК КПСС, под общ. ред. Г. Козлова - "Политическая экономия. Т. III", М., 1970.

¹² БСЭ, 3-е изд., т. 18, М., 1974, стр. 570.

¹³ Напомним, что *только* те материальные неравенства в положении членов социалистического общества, которые возникают от применения принципа оплаты труда по его количеству, Маркс считал совместимыми с первой фазой коммунизма, т.е. с социализмом. Настаивая именно на таком принципе перед создавшейся тоща объединенной германской социал-демократической партией, он, поясняя его, так перечислял *все* источники таких остающихся при социализме неравенств: "Один человек физически или умственно превосходит другого, и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того, чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой". Социализм "молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями"... "Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получает на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное" (К. Маркс - "Критика Готской программы", 1875. См.: Маркс и Энгельс - Сочинения. 2-е изд., т. 19, М., 1961, стр. 19).

Ленин полностью разделял эти взгляды Маркса на социализм и, готовя свою партию и рабочий класс к] близящейся социалистической революции и перспектив ве строительства социалистического общества, счел нуж-и ным повторить их. См. его работу 1917 г. "Государств во и революция".

84 См. предыдущую сноску № 83.

85 Письмо Шмидту от 5 августа 1890 г. было написа- но в связи с дискуссией в с.-д. газете „Вегипег Voles-Tribune" по поводу распределения продуктов в бу- дущем обществе: будет оно происходить по труду или как-нибудь иначе? - См. Сочинения Маркса и Энгельса, 2-е изд., т. 37, стр. 370-371.

“ См. „XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), Стенографический отчет". М.-Л., 1926, стр. 441446, 480, 500.

87 „XXH съезд КПСС. Стенографический отчет. Том III. М., 1962, стр. 274. В 1970 г. оно, вместо эконо- мического равенства, включено в тезисы ЦК КПСС "К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ле- нина" и *приписано Ленину!* (параграф 10).

88 Вот два авторитетных примера. В диссертации на тему "Научное понятие равенства и социализм", защищенной в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Р. Иванов так определяет свою задачу: "Дать те- оретический анализ понятия социального равенства как категории научного коммунизма". (М., 1969, стр. 3- 4). А доктор философских наук А. Курылев в труде "Коммунизм и равенство" пишет: "Социальное равен- ство, динамическое функционирование его институтов стало нормой всей жизни нашего общества, ибо оно при- суще самой природе социализма" (М., Политиздат, 1971, стр. 178).

§9 Здесь перед нами тот же "научный" прием, что и в рассмотренном выше случае с пресловутым понятием "качества труда"... Но вот, о чем хочется спросить тех, кто ввел в советский политический и научный обиход понятие "социального равенства": известно ли, что как раз перед Октябрьской революцией даже Питирим Сорокин назвал его "стершейся монетой", в чьих только руках не побывавшей и какие только буржуазные смыслы не принимавшей за полтора столетия политической борьбы в Европе? (П. Сорокин - Проблема социального равенства". Пг., 1917, стр. 18).

" А. Курылев - "Коммунизм и равенство", М., 1971, стр. 30.

" Неосталинист А. Куаньял, обращаясь 18 апреля 1977 г. к португальской молодежи, прямо сказал: "Никогда не следует противопоставлять историческому опыту социализма, социализму в том виде, в каком он существует, подлинному социализму, как-то иллюзии и миражи, которые не основываются на историческом опыте. Противопоставлять свой социалистический проект не капиталистической действительности в своей стране, а реальному социализму, существующему в социалистических странах, означает отказываться от борьбы за социализм".

92

"Правда", 19 апреля 1977 г.

" Напомним, что формула эта принадлежит родоначальнику разрыва германской социалдемократии с марксизмом Эд. Бернштейну, выступившему с нею на пороге нашего века. См. книгу Ed Bernstein, - „Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie", 1899, а именно предисловие и заключительную главу, так и называющуюся "Endziel und Bewegung" (в изд. 1923 г. особенно стр. 9 и 235). В русском переводе книга вышла (в России) в 1903 г. под названием "Проблемы социализма и задачи социалдемократии" (см. стр. 326).

Вспомним, как у Хрущева разоблачение "культы личности Сталина" сочеталось с пожеланием (спустя полгода после этого): "Дай бог нам всем быть такими марксистами как Сталин".

" Вот, к примеру, несколько фраз из выступления одного ведущего теоретика-экономиста, чл.-корр. АН СССР А. Пашкова: "В объяснении причин существования товарного производства при социализме нам нет нужды придумывать что-то обязательно новое и сверхсложное, а необходимо прямо, не мудрствуя лукаво, обратиться к живой жизни, к богатой практике социалистического строительства... Необходимость товарного производства для социалистического общества доказана практически и теоретически, уже давно - в самом начале 30-х годов..., ее нужно доказывать, обращаясь к практике жизни, а не выводить чисто аналитическим путем". ('Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР" под ред. Я. Кронрода. М., 1959, стр. 181, 182).

" М. Сулов. "Избранное. Речи и статьи". М., 1972, стр. 531.

" Л.И. Брежнев. "Ленинским курсом. Речи и статьи". Том 2. М, 1970, стр. 398 и 403.

" „XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта - 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет. 1." М., 1971, стр. 45.

" М.А. Сулов. "КПСС - партия творческого марксизма". "Коммунист", 1971, № 14. (Цит. по кн.: М.А. Сулов - "Избранное. Речи и статьи". М., 1972, стр. 653).

" Б. Пономарев. "Актуальная задача идейно-политической борьбы. (Троцкизм - орудие антикоммунизма)". "Коммунист", 1971, № 18, стр. 15, 19.

101 А. Пашков. "В.И. Ленин и развитие экономической науки в СССР". М., 1968, стр. 43.

1⁰² Здесь неосталинисты сохраняют сталинскую периодизацию. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 г. Сталин сказал: "Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР". (И. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 214).

юз и здесь неосталинисты тоже строго придерживаются сталинской периодизации, хотя именно "основная" социальная задача, возложенная на 2-ую пятилетку - построение бесклассового общества - не выполнена не то что в той пятилетке, но и по сей день, т.е. за сорок с лишним лет.

1⁰⁴ Эта периодизация зафиксирована (и, стало быть, для СССР канонизирована) в документах КПСС, а именно: для (1) - в решениях XVII партконференции (начало 1932 г.) и XVII съезда (1934 г.); для (2) - в Конституции СССР (1936 г.) в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде (1939 г.); для (3) - в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960 г.) и в докладе Л. Брежнева "50 лет великих побед социализма" (1967 г.); для (4) - в отчетном докладе ЦК XXIV съезду (1971 г.). Отметим еще, что в проспекте семитомного труда Института экономики АН СССР "История социалистической экономики СССР, 1917-1975", запланированного изданием в 1976-1978 гг., "экономике развитого социализма" отводится период начала 60-х годов.

1⁰⁵ Так, если обратиться к области, в которой возможны легко сопоставимые цифры, - к производительности труда, - то беря цифру США за 100, получаем по советским данным для развития социалистического общества СССР в промышленности (1974) несколько больше 55, в строительстве (1974) несколько

ко больше 65, в сельском хозяйстве (средняя за 1966-1974) примерно 20-25, а по обществу в целом (1974) примерно 40. ("Народное хозяйство СССР в 1974 г. Статистический ежегодник". М., 1975, стр. 101). Что же касается тенденции, то в промышленности после 1956 г. рост производительности труда отстает у нас от фонда вооруженности (П. Хромов. "Закон роста производительности труда в условиях развитого социализма". "Вопросы экономики", 1975, № 7, стр. 83-84).

106 См., например, софистическую увертку в не цитированном нами официозном труде 1975 г. "Марксистско-ленинское учение о социализме и современность": "Повышение производительности труда - не самоцель для социализма и коммунизма" (стр. 271). А. Пашков прямо выступает против требования для социализма более высокой производительности труда, чем при капитализме: это де требуется только на высшей стадии коммунизма. ("Вопросы экономики", 1971, № 11, стр. 93-94). И. Бутенко утверждает, что нельзя согласиться с тем, "что материально-техническая база социализма тогда налицо, когда уровень даваемой ею производительности труда превосходит производительность труда в развитых капиталистических странах" ("Социализм как общественный строй", М., 1974, стр. 157). И на редакционном обсуждении в журнале "Проблемы мира и социализма" (1970, № 12, стр. 51, 52, 55 ...) говорилось, что производительность труда не может быть определяющим критерием, и при социализме производительность труда не обязательно выше, чем при капитализме.

107 См., например, И. Дудинский. "Коммунистические и рабочие партии об экономических проблемах развитого социализма", ("Вопросы истории", 1971, № 10, стр. 10), а также Я. Кронрод "К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития". ("Известия АН СССР. Серия экономическая", 1971, № 3, стр. 96-97).

і° См. И. Дудинский - там же, а также Кронрод — там же.

109 Кажется, первым об этом полным голосом заговорил чл.-корр. АН СССР Л. Гатовский (см. юбилейный коллективный труд Института экономики ДН СССР "Экономические закономерности перерастания социализма в коммунизм". М., 1967, стр. 45). См. также рассуждательства другого чл.-корр. АН СССР д. Пашкова по поводу "понятия (! - А.З.) средней фазы коммунизма, о которой (как Пашков выражается) писал в свое время Ленин". (Сборник "Методологические вопросы исследования экономики развитого социалистического общества. Тезисы к симпозиуму!" М., 1972, стр. 30). Ну, и, конечно, также издание Академии общественных наук при ЦК КПСС — "Проблемы научного коммунизма". Вып. 6, М., 1972, ст. Ковальчука, стр. 40,42.

"" Впервые это было сделано в начале 1959 года в резолюции XXI съезда по докладу Хрущева "О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы". В первом ее абзаце читаем: "Советская страна... на основе победы социализма вступила в новый период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества". В конце следующего 1960 года это было повторено на международном форуме - на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве. В "Заявлении" Совещания, опять-таки в первом же абзаце, сказано: "Советский Союз успешно осуществляет развернутое строительство коммунистического общества". А еще через год на XXII съезде (октябрь 1961 г.) это утверждение было канонизировано — вставлено в Программу КПСС и многократно повторено в ней (см., например, заголовок раздела VII части второй: "Партия в период развернутого строительства коммунизма"), да и Программа в целом подается в качестве "программы работ по строительству коммунизма" как "непосредственной практической задачи советского наро-

да" (см. первый абзац части второй и заключительную страницу Программы).

¹¹¹ Вот уже несколько лет (со времени XXIV съезда КПСС?) на улицах Москвы развешены и представлены плакаты и транспаранты с лозунгом: "Превратим Москву в образцовый коммунистический город!" Т.е. в город, в котором (согласно представлениям Маркса-Ленина) распределение материальных благ между трудящимися совершается в соответствии с принципом "каждому по потребностям", а государство и его органы отмерли? Конечно же, *не это* имеется в виду в политическом лозунге для *наших* дней. Надо думать, что здесь москвичей просто призывают добиться того, чтобы улицы и дворы их города не были захламлены, дома не были запущены; чтобы была, наконец, ликвидирована жилищная неустроенность, городской транспорт работал аккуратно и в достаточном количестве, чтобы в Москве не стало чудовищного пьянства, хулиганства, бытового взяточничества и массового обворовывания государства, да и прочей преступности и т.д. Все это, конечно, хорошие и актуальные призывы, но при чем тут коммунизм? А ведь на этом, как будто незначительном, примере полностью проступает, что именно неосталинизм вкладывает в понятие, да и в идеал коммунистичности - что он именуется образцом коммунистичности.

¹¹² И. Малышев. "Важнейшие проблемы социалистического воспроизводства" (На правах рукописи). М., 1966, стр. 9.

¹¹³ О. Рейнхольд. "Всемирно-историческое значение "Капитала"." "Коммунист", 1967, № 12, стр. 78. (Перепечатано из июльского номера теоретического органа СЕПГ „Einheit“).

¹¹⁴ Доклад на тему "Значение труда К. Маркса "Капитал" для создания развитой общественной системы социализма в ГДР" на Международной научной

сессии (в Берлине), посвященной столетию "Капитала". (См. книгу: Вальтер Ульбрихт. "К вопросам социалистического строительства в ГДР. Из речей и статей". Дрезден, 1968, стр. 708-710). И конечно же, когда по заданию и под наблюдением ПБ СЕПГ в 1969 г. был написан коллективный труд "Политическая экономия социализма и ее применение в ГДР", то в нем мы находим это же толкование социализма как общественной формации, которой "присуща неантагонистическая классовая структура в противоположность бесклассовой коммунистической общественной формации". (М., 1970, стр. 194-195).

115 И не только наши. Совсем недавно с этим в самой категорической форме выступил французский коммунист Эллейнштейн, в прошлом автор четырехтомной неосталинистской "Истории СССР", а теперь вместе со своей партией ставший на позиции умеренного еврокоммунизма. В его книге о "феномене Сталина", вышедшей в 1975 году, существо сталинизма толкуется как "Деспотическая", стало быть, несоциалистическая "надстройка" над социалистической экономикой и социалистическими общественными отношениями и как "одна из форм существования" (не вырождения, а именно "существования"!) социализма; слова же "неосталинизм" автор избегает - оно употреблено, кажется, один лишь раз, и то в кавычках, для обозначения пока еще сохранившихся "пережитков прошлого" - "остаточных эффектов феномена Сталина". Так вот, в этой книге читаем: "То, что первоначально представлялось лишь переходом от капитализма к коммунизму, оказалось социально-экономической формацией, располагающей значительной автономией по отношению к капитализму, из которого она вышла, и по отношению к коммунизму, к которому она идет. Этот способ производства и социально-экономическая формация, которые будут охватывать исторический период по меньшей мере столь же долгий как период капитализма. Если угодно - это переход, но в весьма широком смысле, — подобно тому как феодальный способ производства

был переходом между рабовладельческим способом производства и капиталистическим в ряде европейских обществ". (Jean Elleinstein. „The Stalin Phenomen", Lnd., 1976, p. 176, а также 184, 192, 201, 207, 217. Оригинал: „Historie du Phenomene Stalinien". P. 1975).

"" Л. Леонтьев. "Глазами вдумчивого экономиста" ("Новый мир", 1969, № 1, стр. 251).

"" Я. Кронрод. "К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития" ("Изв. АН СССР, сер. экономич.", 1971, № 3, стр. 97). См. также его доклад на научной конференции Института экономики АН СССР в начале 1971 г.

"" См., например, А. Покрытана, удовлетворяющегося тем, что называет социализм "особым историческим переходным состоянием общества" ("Методологические проблемы экономической теории социализма", М., 1970, стр. 29).

"" Таковы формулировки в упомянутом официозном труде "Марксистско-ленинское учение о социализме и современность", М., 1975, например, "Социализм - относительно самостоятельная стадия развития нового общества" (стр. 15); "относительно самостоятельная сущность социалистического общества" (стр. 103); и т.д. Особенно развязан и циничен в обращении с текстами и терминологией Маркса и Ленина некий доктор философских наук А. Бутенко, всячески внушающий читателю, что социализм и коммунизм это "*особые фазы*" нет, не коммунистической общественной формации, а (чего бы вы подумали?)... "*социально-экономического развития*". См. книжку Бутенко "Социализм как общественный строй". М., 1974, стр. 163, 194, 205 и др.; в ней есть даже специальная глава, которая так и называется: "Социализм как фаза социально-экономического развития". И этот претендующий на ученость опус, построенный на буквально шулерском подтасовывании известного термина Маркса и Энгельса

"фаза", не только опубликован в Москве в 1974 г. Издательством политической литературы, но тут же расхвален и рекомендован ведущей партийной печатью КПСС - "Правдой" и "Коммунистом".

121 Напомним, что когда меньше чем за год до смерти (вскоре после формулирования "основного экономического закона социализма" и как бы в порядке его комментирования) Сталин перечислял и подробно разъяснял "три" "основные условия подготовки перехода к коммунизму", он ни единым словом не обмолвился об уменьшении экономического неравенства. ("Об ошибках т. Ярошенко Л.Д.". См. "Большевик", 1952, № 18, стр. 35-37).

121

См. об этом подробнее в статье автора 'К вопросу о социальной природе советского общества' (Альманах "XX век", М., 1975, кн. 2).

122

Ленин три раза употребил это выражение: в 1918 г. в первоначальном варианте работы "Очередные задачи Советской власти" (ПСС, т.36, стр. 139), в 1920 г. в докладе о работе ВЦИК и СНК на первой сессии ВЦИК VII созыва (ПСС, т. 40, стр. 104) и еще раз в 1920 г. на IX съезде РКП (б) в заключительном слове по докладу ЦК (ПСС, т. 40, стр. 260).

123

В настоящей статье, ограниченной размерами, нам пришлось оставить без рассмотрения вопрос о совместимости социалистических общественных отношений с товарно-денежным хозяйством — это тема для специального и громоздкого политэкономического разбирательства. Взгляды научного социализма и его создателей на этот счет всегда были и оставались недвусмысленными: они в принципе и категорически отрицают такую совместимость. Задолго до Октября, в 1908 г., в одной из своих фундаментальных работ Ленин, например, писал: "Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства... Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить".

("Аграрный вопрос в России к концу XIX века". - ПСС, т. 17, стр. 127. Подчеркнуто нами - А.З.). Это свое понимание социализма Ленин никогда не менял, а в послеоктябрьских выступлениях, т.е. в период строительства социализма, многократно подтверждал и подчеркивал, причем ни одного противоположного высказывания у него нельзя найти. Когда он вводил и развязывал товарное хозяйство при помощи НЭПа, то делалось это в качестве меры *переходного периода* для нашей отсталой страны на ее пути к социализму, а отнюдь не для хозяйствования в социалистическом обществе, и имелось в виду обычное товарное хозяйство, а не какое-то особое, небывалое социалистическое товарное хозяйство. В представлении Ленина постепенное (и длительное!) изживание НЭПа по мере продвижения к социализму включало *изживание всякого вообще товарно-денежного хозяйства*. Но когда Сталин насильственно и скоропалительно ликвидировал НЭП, а без товарного хозяйства и денег невозможно было строить экономику, потребовалась теория социалистической экономики как "особого рода" товарной экономики - "теория" как оправдание сталинской лжесоциалистической практики. И вот уже полвека в стране сталинизма одно ученое поколение вслед за другим строит софистическую и фарисейскую, директивную *"политэкономия" товарно-денежного социализма* (а ныне уже и коммунизма!).

¹²⁴ Сюда, как известно, относятся отсутствующие в СССР свобода выражать свои мысли и защищать свои взгляды и убеждения по всем вопросам общественной жизни; гласность деятельности правительственных и судебных органов и свобода критиковать (индивидуально и коллективно) - эту деятельность и предлагать политику, расходящуюся с правительственной; право на протесты (индивидуальные и коллективные) против правительственных мероприятий, в т.ч. право на демонстрации, забастовки и т.д.; свобода научного и художественного творчества и всякой интеллектуальной жизни - на основе свободы информации и международ-

ных контактов; право выбора места проживания и передвижения внутри страны и свобода выезда за границу и возвращения на родину; политическое и культурное равноправие национальностей и этнических групп; право организации политических партий; религиозная свобода...

¹²⁵ О социализме в одной стране Сталин впервые сказал в декабре 1924 г. в статье "Октябрь и теория перманентной революции Троцкого" (см.: И. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 362-380: часть предисловия к кн. "На путях к Октябрю"). Но время шло, и теория эта потребовала своего естественного довершения, а именно признания возможности также и коммунизма в одной стране. Впервые (кажется) Сталин, полным голосом и прямо называя коммунизм, выступил с этим в марте 1939 г. в отчетном докладе о работе ЦК на XVIII съезде партии (См.: И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. II, стр. 606). Но еще за полгода до того, в октябре 1938 г., журнал "Большевик" напечатал редакционную (без подписи) консультацию "О построении коммунизма в одной стране", в которой читаем: "Безусловно, возможно построение и существование полного коммунистического общества в нашей стране и при наличии капиталистического окружения". ("Большевик", № 20, 1938, стр. 61-62). Можно ли сомневаться, что эта "ответственнейшая" консультация, печатавшаяся в "Большевике" в то самое время, когда в нем печатался "Кратский курс" истории партии, была инспирирована (рекогносцировка?) самим Сталиным? Впрочем, уже в декабре 1926 г., т.е. всего через два года после провозглашения доктрины социализма в одной стране, Сталин на VII расширенном пленуме ИККИ рисовал перспективу социалистического общества, находящегося в капиталистическом окружении, но в котором уже нет государства, т.е. по сути дела, общества коммунистического. (См.: Сталин. Сочинения, т. 9, стр. 129).

¹²⁶ "История Коммунистической партии Советского Союза в шести томах. Институт марксизма-лени-

низма при ЦК КПСС". Том 4-й, книга первая, М., 1970, стр.457.

¹²⁷ Б. Пономарев. "Актуальная задача идейно-политической борьбы. (Троцкизм - орудие антикоммунизма)". "Коммунист", 1971, № 18, особенно стр. 23-26.

¹²⁸ Впрочем, одновременное полувековое развитие капиталистических и ряда бывших колониальных и полуколониальных стран тоже умножило, а там, где их не было, взрастило в них такие предпосылки.

¹²⁹ При этом фундаментальное значение имеет межгосударственная политика страны, вынужденной строить социализм в одиночку. Она должна быть ориентирована не на интересы и досоциалистические предрассудки да традиции своего национально-понимаемого государства, не на ее подчинение национально-ограниченным амбициям и претензиям — ни в духе самоизоляции, ни в духе великодержавности, ни в духе какой-либо иной исключительности. Как в отношениях с капиталистическими государствами и государствами, только уходящими от феодализма, так и в отношениях со странами, желающими идти по пути социализма, она должна основываться на разработке и последовательном осуществлении внешней политики страны, отрешившейся от всякого наследия национальной ограниченности и сознающей себя представителем и участником начавшегося мирового движения человечества к социализму.

¹³⁰ Повторяем: практически это означает в масштабе совокупности ряда взаимосвязанных ведущих стран мира - совокупности, определяющей и выражающей движение мира в целом.

¹³¹ Может быть, выражение "*ранний социализм*" следовало бы взять в качестве названия или термина для того общества *неполного, но подлинного со-*

циализма, которое возможно построить в одной стране до победы мировой социалистической революции — возможно, если только (повторяем) с самого начала и все время ориентировать это строительство на мировое социалистическое общество. Слова "ранний социализм" выражают существо дела. Понятие "ранний" не только не стоит в противоречии с понятием "подлинный", но принципиально совместимо с ним, - оно говорит: общество потому еще не вполне социалистично, что *рано* ему быть таким, пока нет мировой победы социализма, но *позднее* оно обязательно станет таким. И в то же время понятие "ранний" несовместимо с эпитетами "полный", "зрелый", "развитой" и лишает смысла эпитет "реальный", которыми неосталинисты определяют "социализм" советского общества. Этот последний не полный и не неполный, не зрелый и не незрелый, не поздний и не ранний социализм и т.д. - он просто не подлинный, а лже-социализм.

¹³² Да позволено будет в этой связи отметить: что-нибудь подобное чехословацкой 1968 года трагедии мировой социалистической революции было бы здесь невозможно.

¹³³ Достаточно указать на роль, которую в политике и в идеологии сталинизма с самого начала играли (и в не очень модифицированном виде продолжают играть) "*вера*" в возможность построения полного социализма в одной стране, а потом *заверения*, что полный социализм в одной стране уже построен. Вера и заверения, призванные заменить анализ, критику и понимание.

¹³⁴ Очень точные выражения для ленинского определения мировой связи русской революции нашел Л.Б. Каменев, выступая спустя год после смерти Ленина. "Вопросы пролетарской революции, - писал он, — не могли ставиться Ильичем в каких-либо национально-ограниченных рамках... Те вопросы, которые поставил Владимир Ильич, как и то движение, которое он воз-

главлял, носят характер полной международной, охватывают человечество все целиком. Они, эти вопросы и ответы, ставят и решают не национальную проблему пролетариата России, Франции, Германии, Англии или Америки, - они ставят проблему в общем интернациональном масштабе". ("Год без Ильича", см. кн.: Л. Каменев. "Статьи и речи. 1905-1925". Л-д, 1925, стр. 111-112).

¹³⁵ Л. Зимин. "У истоков сталинизма (1918-1923)". М., 1974. Ниже мы заимствуем несколько страниц из этой еще неопубликованной работы.

¹³⁶ Вопрос о ее авторе (точнее - о ее авторах) рассматривается в нашей работе о социализме в одной стране, к которой мы позволим себе отослать читателя.

¹³⁷ Впрочем, никаких выступлений Сталина в эти годы, сотрясавшие мир, революционизировавшие рабочее движение и приведшие человечество в преддверие социалистической революции, мы в его "Сочинениях" вообще не находим — том 2-й кончается февралем 1913 года, а том 3-й начинается статьей от 14 марта 1917 года. Волей-неволей Сталину пришлось оставить эту избобличающую лакуну в собрании своих "Сочинений".

138 "Отношения должны быть *прямые, ясные*: вы хотите свергнуть царизм для победы над Германией, мы - для интернациональной революции пролетариата", — говорится в том же письме.

¹³⁹ 11 (24 н.ст.) января 1918 г. Сталин, в тот день разделявший позицию Ленина о необходимости подписать мир, выдвинул такой довод: "Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться". И вот Ленин счел нужным сразу же категорически и резко отмежеваться от этой аргументации своего "сто-

ройника". Он сказал: "На Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако, если бы в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму". (ПСС, т. 35, стр. 257,479).

¹⁴⁰ Сопоставим две советские конституции - 1918 года и 1936 года. И эта принципиальная противоположность ленинизма и сталинизма предстанет в отгоченно острой форме: Конституция РСФСР 1918 г. открывается разделом "Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа" (написана Лениным), "ставящей основной задачей" Советской республики "установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах". В Конституции 1936 года (следовательно, задолго до роспуска Коминтерна), составленной для сталинского социализма в одной стране, задача победы социализма во всех странах не упоминается ни одним словом, а вместо нее говорится о задаче "укрепления независимости СССР и усиления ее обороноспособности" (ст. 11) и о задаче "защиты отечества" (и тут же об "измене родине", "как самом тяжком злодеянии", ст. 133).

¹⁴¹ "Двенадцатый съезд РКП (б)... Стенографический отчет", М., 1968, стр. 69. Впрочем, еще до перехода к НЭПу, в июле 1921 г., набрасывая план программной брошюры "О политической стратегии и тактике русских коммунистов", Сталин так определял отношение русской революции к мировой революции: "Задача развязывания революции на Западе для того, чтобы облегчить себе, т.е. России, доведение до конца своей революции" (И. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 83. Этот "набросок плана" был впервые опубликован Сталиным лишь четверть века после написания).

¹⁴² В те годы реакционное перерождение социалистической революции именовали у нас словом, заимствованным из истории французской буржуазной революции, - "*термидором*". В мае 1921 г., в период пер-

вых подступов к НЭПу, Ленин писал: 'Термидор? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим. Не хвались, едучи на рать". (План доклада о продналоге на X Всероссийской партконференции. ПСС, т. 43, стр. 403); а через год, в марте 1922 г., он сказал: "Это основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание" (Политотчет ЦК XI партсъезду - последний съездовский отчет Ленина. ПСС, т. 45, стр. 94). Сталин же мало что не обращал внимания на эту основную и действительную опасность, вытекавшую из того, что социализм пришлось строить в одиночестве и в капиталистическом окружении, - он даже упоминание о ней подвергал партийному и уголовному преследованию. А в четвертом, сталинском, издании сочинений Ленина мы в детальнейшем предметном указателе, составившем отдельную книгу в 670 двухстолбцевых страниц, не находим самого слова "термидор"!

¹⁴³ Напоминаем, что выражения в кавычках цитированы уже выше из письма Ленина 1915 года.

¹⁴⁴ Безотносительно к тому, были ли это примеры (как это ныне, спустя полвека, представляется взгляду историка), обусловленные и объективно оправданные обстоятельствами революционной эпохи, или же они были ошибочны, будучи вызваны отсутствием опыта и субъективными просчетами.

¹⁴⁵ "Двенадцатый съезд РКП (б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет". М., 1968, стр. 53 и 228-229.

¹⁴⁶ "Бюллетени IV Конгресса Коммунистического Интернационала", №№ 14-15, М., 23 ноября 1922 года, стр. 9.

¹⁴⁷ Вспомним, что и в первые годы нашей революции бедствия и жертвы гражданской войны и хозяйственного разорения *временами* смущали и отпугивали

западный пролетариат. И тогда об этом говорилось открыто. В марте 1924 г., например, председатель Коминтерна Зиновьев, выступая на торжественном заседании Ленинградского Совета, посвященном пятилетию Коминтерна, сказал: Республика Советов в прошедшие 5 лет из базы "... превращалась иногда в источник новых затруднений для Коммунистического Интернационала. Ведь ни для кого не секрет, товарищи, что в 1921-1922 гг. наша Советская Республика, вместо того, чтобы быть магнитом для рабочих всего мира, временно стала кое-где устрашающим примером". ("Ленинградская правда", 7 марта 1924 г.; см. также: Г. Зиновьев, "Сочинения", т. XV, Ленинград, 1924, стр. 283). Насколько же страшнее, грознее, непоправимее этих тягот, выпавших на долю народа, в одиночку вступившего в борьбу с капитализмом, те ужасы, злодеяния, массовые убийства, которые совершал над победившим народом Сталин!

¹⁴³ Но заслуживает быть отмеченным, что в преддверии сталинского переустройства советского общества перед теоретическим взором марксиста Н. Бухарина замаячило видение некоего несоциалистического "фантастического государства", в котором "существует плановое хозяйство, организованное распределение не только в отношении связи и взаимоотношений между различными отраслями производства, но и в отношении потребления. Раб в этом обществе получает свою часть продовольствия, предметов, составляющих продукт общего труда, - и может получать очень мало". (Речь в программной комиссии VI Конгресса Коминтерна. См. журнал "Коммунистический Интернационал", август 1928 г., №№ 31-32, стр. 35). Надо ли пояснять, что в этих крамольных рассуждениях на Конгрессе Коминтерна Бухарин мог отправляться только от деформации капитализма, но не от деформации социализма?

¹⁴⁴ См.: А. Зимин. "К вопросу об историческом месте общественного строя СССР" ("XX век", книга 2-я, М., 1975).

Последнее нашло идеологическое и (да позволено будет сказать) программное выражение и закрепление в ведущем догмате неосталинизма, что возрастание руководящей роли партии есть объективная закономерность развития социалистического общества, и, более того, что "эта закономерность проявляется с еще большей силой на этапе построения коммунизма". (Постановление ЦК КПСС о 70-летию II съезда РСДРП. См. "Справочник партработника", вып. 13, М., 1973, стр. 230). Этот догмат, для марксиста звучащий бессмыслицей, все снова и снова подтверждается каждым очередным съездом КПСС и, наполняясь практическим смыслом неукоснительной директивы, является гарантией элитного статуса партийных кадров в обществе сталинского "социализма" и, значит, обеспечивает их несокрушимую приверженность этому строю на все грядущие времена... А ведь Ленин, еще кота бушевала гражданская война, в 1920 году, в связи с обсуждением плана ГОЭЛГО на VIII съезде Советов, сказал: "Я думаю, что мы здесь присутствуем при весьма крупном переломе, который во всяком случае свидетельствует о начале больших успехов Советской власти... Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длительно, а больше будут говорить инженеры и агрономы". (ПСС, т. 42, стр. 156). Для Ленина "начало самой счастливой эпохи", т.е. переход к социализму, означает "весьма крупный перелом", состоящий в том, что роль политики и политиков отойдет на задний план перед ролью техники и техников. Социализм (а тем более коммунизм) представлялся Ленину не эпохой все нарастающей руководящей роли политических партий, а эпохой их отмирания вместе с иссяканием и отмиранием их руководящей роли в жизни общества.

Требуется ли упоминать, что среди авторов и вдохновителей первых предложений первое место принадлежит А.Д. Сахарову, а вторых предложений - А.И. Солженицыну?